

МАЛЬТИЙСКІЙ
Р Ы Ц А Р Ъ.

Англинскій Романъ,

сочиненіе

Миссѣ П О Р Т Е Р Ѣ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

И ж д и в е н і е м ъ

О Р Е Л Ъ.

Въ Типографіи Сытина.

1823.

Печаташь позволяешъ съ
тѣмъ, чтобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ной Комитетъ: одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Де-
партаментъ Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской Пуб-
личной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1821 года,
Сентября 19 дня. Сію рукопись
разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Со-
вѣтникъ

Тимошей Перелоговъ.

МАЛЬТИЙСКІЙ РЫЦАРЬ.

Г Л А В А I.

Въ 1563 году, въ прекрасной весенній вечеръ, одинъ корабль, послѣ продолжительнаго мореплаванія, на всѣхъ парусахъ приближался наконецъ къ Генуэзской гавани. — Всѣ пассажиры и мапросы, составлявшіе экипажъ онаго, собрались на палубѣ, и съ восторгомъ взирали на лазуревыя волны залива, омывающаго опечеспленные берега.

Едва еще примѣтна была великолѣпная Генуя, отражавшаяся въ зеркальной поверхности моря. Солнце уже закашилось,

и только слабый пурпуровый цвѣтъ разливался на западѣ; однако же, хотя съ трудомъ, но всѣ взоры могли различать предметы; пріятное зрѣлище для шѣхъ людей, коимъ напоминали они о благополучіи спокойной семейственной жизни! Наконецъ горизонтъ, смѣшавшись съ вечерними парами поднявшимися съ моря, будучи заграждаемъ шлюбками, безпрестанно развѣзжавшими взадъ и впередъ, совершенно помрачился — и очаровательная картина исчезла. — Съ восходомъ луны, корабль приблизился къ маякамъ и всѣ мапросы испустили радостный крикъ при видѣ величественнаго города, окружавшаго берега залива, подобно коронѣ.

Теперь взоры ихъ вдругъ объемлютъ: башни, колокольни,

соборы, церкви, монастыри, дворцы, возвышавшіеся въ видѣ Амфитеатра; усмапривающіе кипарисныя рощи, висящіе сады, позлащенные рѣшетки, обремененныя цвѣтами и плодами, блистающіе фонтаны, мраморныя террасы нисходящія до самаго морскаго берегу, гавань наполненную кораблями и горы окружающіе оную, покрытыя виноградникомъ и увеселишельными домиками.

Луна находилась тогда въ полномъ своемъ сіяніи, и корабль казался отъ того плывущимъ въ серебряномъ морѣ; — онъ продолжалъ путь свой, прошелъ мимо плотины, мимо крѣпости и наконецъ достигъ гавани; якорь брошенъ и чрезъ нѣсколько минутъ весь экипажъ находился на берегу.

Мал. Рыц. Ч. I. А 2.

Одинъ молодой человекъ поспѣшно прощается съ своими спутниками, и удаляется быстрыми шагами; казалось, радость придавала ему крылья. На срединѣ улицы Страда Бальби, толпа народу, собравшаяся у входа въ совѣтъ республики, преграждаетъ ему путь. Тщетно стараясь прорваться, онъ уступаетъ наконецъ необходимости, и спрашиваетъ съ нетерпѣніемъ одного изъ зрителей, что за причина такого стеченія?

„Сего дня разсмаприваютъ большой процессъ, между фамиліями Адимарія и Цигалы,“ отвѣчалъ сей послѣдній.

„Процессъ Адимарія и Цигалы!“ повторилъ вопрошавшій съ удивленіемъ, не можете ли вы сказать мнѣ о семъ подробнѣе?“

Генуэзецъ съ удовольствіемъ согласился удовлетворить любопытству странника, не примѣчая смущенія, начерпаннаго на лицѣ его.

„Предметъ тяжбы, есть помѣстье въ Нерви, проданное за двѣсти лѣтъ предъ симъ какимъ то Цигалою предку Адимарія. Съ того времени оно оставалось всегда въ сей послѣдней фамиліи; но два года тому назадъ, глава фамиліи Цигала, сдѣлалъ на оное притязаніе. Онъ хочетъ доказать, что это помѣстье было наследовано такимъ образомъ, что не могло бытъ уступлено до тѣхъ поръ, пока живы будутъ потомки, производящіе по прямой линіи отъ перваго владѣльца. Адимарій же основываетъ право свое на совѣсти покупателя и двухъ сотъ лѣтнемъ

непрерывномъ владѣніи симъ помѣстьемъ. — Новость случая, многочисленные документы, представленные съ обѣихъ споронъ и проволочки спрапчихъ продлили это дѣло; но наконецъ сего дня оно рѣшипся; и хотя засѣданіе совѣта продолжится долѣе обыкновеннаго, но мы всѣ рѣшились остаться здѣсь въ ожиданіи окончанія “

Нельзя и думать, чтобы рѣшеніе было сдѣлано въ пользу Цигала!“ — вскричалъ молодой человекъ съ жаромъ негодованія.

„Имъ почти никто и не занимается,“ прервалъ Генуэзецъ; „всѣ подозрѣваютъ, что эти старыя запыленные документы, нарочно вырыты Цигалю по ненависти, которую онъ съ молодыхъ лѣтъ пита-

етѣ къ Адимарію : — Сей Цигала долженъ бы кажется удовольствоваться и тѣмъ, что за пятнадцать лѣтъ до сего, своимъ кредитомъ и интригами, лишилъ его мѣста градоначальника въ Корсику. Адимарій живо чувствовалъ эту обиду; но онъ былъ человекъ крошкѣй, и никогда не искалъ случая отмститьъ ему. Если процессъ рѣшился по моему желанію, то жаль будетъ, что сей достойный дворянинъ не дожилъ до окончанія онаго.

„Что вы сказали? онъ не дожилъ?“ вскричалъ молодой человекъ съ ужасомъ.

„Уже три мѣсяца, какъ онъ скончался, снѣдаемый горестію и безпокойствами.“ Послѣднія слова не были услышаны молодымъ человекомъ, потому, что голова его склонилась на

плечо одного изъ близъ стоявшихъ, и онъ упалъ бы непременно, еслибы толпа была менше.

Люди, окружавшіе незнакомца, тотчасъ примѣтили, что съ нимъ сдѣлался обморокъ. Онъ до такой степени поблѣднѣлъ, что его можно было почесть за мертваго. Соспраніе сдѣлало то, чего не могли сдѣлать всѣ его усилія. Толпа раздвинулась, чтобъ дать мѣсто тѣмъ людямъ, которые хотѣли отнести его подалѣе отъ главнаго входа во дворецъ. Одинъ человекъ, видя въ чертахъ его что то для себя знакомое, произнесъ тихо:

„Это сынъ Адимарія.“ Сія слова переходили отъ одного къ другому, всѣ слѣдовали за нимъ взорами, и выраженія съболѣзнованія замѣнили мѣсто

любопытства и неперпѣливости.

Наконецъ двери, на которыя давно уже устремлены были глаза всѣхъ, отворились и дали выходъ торжествующей толпѣ людей, на шляпахъ коихъ видѣнь былъ цвѣтъ фамиліи Цигала.

Но ни радостныя восклицанія побѣдителей, ни бѣшенство побѣжденныхъ, не имѣли болѣе никакого дѣйствія надъ народомъ, собравшимся на улицѣ. Учасіе, принимаемое имъ въ процессѣ, обратилось теперь на другой предметъ.

Всѣ бѣжали и толпились на одномъ мѣстѣ, чтобы взглянуть на молодаго человѣка и узнать, точно ли онъ былъ ихъ соотечественникъ.

Когда несчастный сынъ (ибо это былъ въ самомъ дѣлѣ Це-

зарь Адимарій) опирывль гла-
за, то увидѣль себя въ объ-
ятіяхъ молодаго человека, ко-
торого пріятная фізіономія
живо выражала то участіе, ка-
кое онъ принималъ въ его по-
ложеніи. Цезарь чувствовалъ
даже, что рука, которою сей
последній его поддерживалъ,
трепетала; замѣтилъ, что
п л а т ь е его было обрызгано
кровью, и чувствуя онѣмѣніе
въ лѣвой рукѣ своей, заклю-
чилъ изъ того, что онъ дер-
жалъ его также и во время
кровопусканія.

„Благодарю васъ, государь
мой!“ сказалъ онъ препену-
ющимъ голосомъ; благодарю и
васъ также, мои любезные со-
граждане! я пойду домой...
домой! что я говорю? о Боже!
я не найду тамъ болѣе своего
родителя!

При сихъ словахъ Цезарь залился слезами и приложилъ голову къ желѣзной рѣшеткѣ; — шутъ почувствовалъ онъ снова пожатіе руки незнакомца, которая была холодна и трепетала еще болѣе, нежели прежде. Столь необыкновенное участіе, принимаемое въ немъ постороннимъ, произвело на сей разъ въ сердцѣ Цезаря нѣкоторый стыдъ, что въ присутствіи публики предался своей горести, и вмѣстѣ съ тѣмъ живѣйшую признательность къ сострадательному незнакомцу. Завернувшись въ плащъ, чтобъ удалиться, онъ посмотрѣлъ на него, желая хотя однимъ взоромъ изъяснить ему свою благодарность; но примѣтивъ на шляпѣ его цвѣтъ фамиліи Цигала

ѣвъ миртовою вѣтвю , онѣ за-
трепеталѣ.

„Вы изѣ фамиліи Цигалы?“—

„Ваша правда.“

Народѣ произносилѣ имя :
„Жіованни Цигала.“ Сердце
Цезаря исполнено было негодо-
ванія. — Свирѣпый взглядѣ былѣ
единственнымѣ отвѣтомѣ , ко-
имѣ удостоилѣ онѣ сына че-
ловѣка , похитившаго у отца
его имѣніе и жизнь. Оттолк-
нувѣ руку , все еще старав-
шуюся удержатѣ его, онѣ спѣ-
шилѣ удалитѣся и скрылся
отѣ взоровѣ всѣхѣ людей подѣ
госшепріимный кровѣ , прежде
нежели чувства вѣпорично из-
мѣнили ему при извѣстіи, ко-
торое было обѣявлено о со-
вершенномѣ его раззореніи.

Долгое время предавался онѣ
то горести , то негодованію ,
оплакивая смерть обожаемаго

отца, или помышляя о бѣдности, до которой былъ доведенъ.

Всѣ надежды его были основаны на помѣстьѣ, которое у него опіяли; отецъ его всегда искалъ славы прежде богатства; въ молодости служилъ онъ въ флотѣ республики, гдѣ болѣе пріобрѣлъ чести, нежели выгодъ, и только не задолго до кончины своей вступилъ въ коммерцію.

Высокая коммерція въ Генуѣ не воспрещена дворянству; но Адимарій, вступивъ въ оную, слишкомъ много рисковалъ, въ надеждѣ пріумножить нѣкогда богатство возлюбленнаго сына своего.

Одинъ изъ богатѣйшихъ его кораблей былъ задержанъ несправедливымъ образомъ въ Индѣйскихъ Португальскихъ вла-

дѣніяхъ, а Адимарій почелъ за
 должное послать шуда сына
 своего съ необходимыми докумен-
 тами, съ тѣмъ, чтобы оный
 возвратить. Путешествіе въ
 восточную Индію было пог-
 да гораздо продолжительнѣе и
 опаснѣе, нежели въ наше вре-
 мя, и потому Цезарь долженъ
 былъ преодолевать всѣ пре-
 пятствія труднаго мореплава-
 нія. По пріѣздѣ въ Индію на-
 шелъ онъ властолюбиваго пра-
 вителя, рѣшившагося за ранѣе
 присвоить себѣ богатый грузъ
 корабля, который удерживалъ
 подъ слѣдующимъ предлогомъ:

Нѣкоторые изъ бывшихъ на
 кораблѣ принуждены были
 взять оружіе для защиты соб-
 ственной жизни, почему по-
 ступокъ ихъ и названъ былъ
 нападеніемъ Флибуспировъ, а
 корабль вмѣстѣ съ грузомъ

объявленъ законною добычею. Правительство Гоасское завладѣло онымъ, — и Цезарь принужденъ былъ возвратиться въ Европу, утѣшаясь мыслию, что сія потеря покрайней мѣрѣ не разоритъ его, и не разрушитъ благополучія, коимъ наслаждался.

Но въ теченіи четырехъ лѣтъняго его путешествія, отецъ его претерпѣлъ новыя несчастія и, послѣ потери помѣстья въ Нерви, оставилъ Цезарю только нѣсколько плантацій оливныхъ и шелковичныхъ деревъ въ Полчиверрѣ, съ коихъ доходы были такъ малы, что онъ не могъ даже уплатить всѣхъ долговъ, причиненныхъ во время его отсутствія симъ раззорительнымъ процессомъ. Не смотря на то онъ рѣшился однакожъ послу-

пить согласно съ честію, и топчасъ далъ обязательство заплатить всѣмъ своимъ кредиторомъ.

„Какая глупость,“ сказалъ ему одинъ изъ родственниковъ, ты совершенно раззоряешь себя. Эти малыя остатки имѣнія составляютъ часть приданаго швоей матери, и заимодавцы отца швоего не имѣютъ на нихъ никакого права. За чѣмъ ты далъ сіи обязательства безъ всякой нужды?“

„Безъ всякой нужды! прервалъ Цезарь.“ Не ужели за ничто почитаете вы сохраненіе чести моего родителя! нѣтъ! онъ ничего мнѣ не оставилъ, кромѣ добраго имени, и жопя бы то стоило мнѣ жизни, но все гошовъ защищаютъ это драгоцѣнное сокровище.

„Но какъ вы поступите, чтобы заплатить то, что съ васъ потребуютъ?—Долги проспираются по крайней мѣрѣ до тысячи червонныхъ...“

„Признаюсь, это большая сумма для человѣка, который всего доходу имѣетъ только двѣсти червонныхъ. Но не смотря на это я надѣюсь, съ Божіею помощію, найши средство выйти изъ сего замѣшательства, или умру въ темницѣ, и смерть моя умножитъ число преступленій, совершенныхъ Цигалою. Я заложу свое имѣніе какому нибудь жида, можетъ быть онъ дастъ мнѣ сію сумму, еслили позволю ему владѣть землею десять или двадцать лѣтъ; а между тѣмъ мечь мой доспавитъ мнѣ пропитаніе...“ Родственникъ повачалъ головою и удалился;

Цезарь же бросившись на стулъ, предался глубокой задумчивости. Размышленія представляли ему печальную картинку будущности; но мало помалу онъ сдѣлался веселѣе; вспомнилъ о своемъ дѣтствѣ и юности; представилъ себѣ образъ любезнаго отца и родительскій домъ, въ которой не долженъ былъ болѣе возвращаться. Воображеніе нарисовало ему тысячу предметовъ, которые приняла въ глазахъ его видъ очевидности, и ему казалось, что онъ снова началъ жить. Оно перенесло его подъ вѣтвистые яворы, осѣнявшіе Террасу въ Нерви, и онъ мечталъ, что бесѣдуетъ тамъ съ своимъ родителемъ. При шихомъ журчаніи волнъ, орошавшихъ лѣстницу, ведущую на морской берегъ, и облокотясь на пери-

ды мнилъ онъ внимать пріятному голосу, не долженствовавшему болѣе услаждать его слуха; голосъ сей произносилъ нѣжныя, наставительныя выраженія; говорилъ о путешествіи, въ которое Цезарь намѣренъ былъ пуститься, назначая чрезъ два года щасливое свиданіе. Цезарь только лишь хотѣлъ облобызать руку отца съ извѣвленіемъ сыновней любви, — какъ вдругъ дверь отворилась и сладостныя мечты исчезли.

Онъ поспѣшно вскочилъ съ своего мѣста, бросивъ взоръ удивленія и негодованія на вошедшаго человека: это былъ Жюванни Цигала.

„По какому праву, государь мой, вы осмѣливаетесь меня беспокоить, спросилъ Цезарь?

„Я не намѣренъ васъ безпо-
койшь, отвѣчалъ Жіованни ла-
сково, но съ твердостію.

„Вы можете быть желаете,
чтобъ я извѣявилъ вамъ при-
знапельность за ту услугу,
которую вы оказали мнѣ у
дверей Трибунала? — Я готовъ
исполнить сію обязанность: по-
благодаривъ васъ отъ всего
моего сердца. Но кажется вы
ничего болѣе не можете отъ
меня ожидать?“

Сказавъ сіе, онъ отвернулся
и подошелъ къ окну, ясно да-
вая имъ знать, что желалъ
кончить сей разговоръ.

Жіованни приблизился къ
нему съ благороднымъ и вмѣ-
стѣ почтительнымъ видомъ.

„Я бы никогда не позволилъ се-
бѣ, государь мой,“ сказалъ онъ, и
приди къ вамъ по собствен-
ной нуждѣ, сколь ни велико

мое желаніе пріобрѣсти вашу дружбу.“

Цезарь бросилъ на него презрительный взоръ; Жіованни продолжалъ:

„Но я пришелъ исполнить только долгъ правосудія: и возвращаю вамъ малую часть того, что законами отдано отцу моему.“

— „Вашему отцу! — Не произносите его имени, если хотите, чтобъ ваше присутствіе было для меня сносно. А мой отецъ! — Гдѣ онъ теперь? — Въ могилѣ! — Кто его низвергъ туда? Кто похитилъ его изъ объятій несчастнаго сына? Кто лишилъ меня послѣдняго его благословенія...“

Пылкой молодой человекъ въ бѣшенствѣ закрылъ лице руками, тщетно стараясь удерж-

жана встѣненіе — вырвавшееся изъ стесненной его груди.

Жіованни смотрѣлъ на него съ большимъ состраданіемъ; непріятное чувство заставило его покраснѣть, и онъ сказалъ измѣнившимся голосомъ: „Причина вашего негодованія слишкомъ справедлива — и воспрещаетъ мнѣ напомнить вамъ въ сильныхъ выраженіяхъ, что и я также сынъ. Позвольте мнѣ выполнить данное мнѣ порученіе и не препятствуйте въ томъ.“

Цезарь ничего не отвѣчалъ. Великодушное сердце его противъ воли было пронуто благородными поступками человека, котораго онъ почиталъ врагомъ своимъ; и не могши защитить себя отъ очаровательной прелести его голоса, онъ не смѣлъ взглянуть на него опасаясь еще

болѣе преклонитъся въ его пользу. Въ самомъ дѣлѣ лицо Жіованни походившее на лицо любимаго ученика спасителя, написаннаго Рафаелемъ, оправдывало эту боязнь. Доброша и чувствительность царствовали на возвышенномъ его челѣ, осѣненномъ прекрасными бѣлокуроыми волосами. Голубые его глаза походили на глаза голубя, а Физіонмія извѣщала душевное спокойствіе. Онъ имѣлъ опмѣнно стройную фигуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпкіе члены, показывавшіе необыкновенную силу и заставлявшіе удивляться опмѣнной крепости, изображавшейся въ чертахъ его лица.

Цезарь продолжалъ хранить упорное молчаніе. Жіованни подошелъ къ нему и, взвѣшивая каждое слово, прежде нежели

произносилъ оное, чтобы не оскорбить чувствительности, или не возбудить гнѣва своего нетерпѣливаго слушаателя, началъ говорить ему о своемъ дѣлѣ, которое заключалось въ слѣдующемъ: Фамилія Цигала просила Цазаря принять деньги за помѣстье Нерви, увѣряя его при томъ, что не позволяя никому пользоваться своими правами на оное признанными неоспоримыми опредѣленіемъ верховнаго совѣта, она гнушалась мыслию похитить собственность у человѣка, думавшаго до сего времени владѣть оною законнымъ образомъ. Она требовала у правосудія только возобновленія прежнихъ правъ своихъ на помѣстье; которое за двѣсти лѣтъ до сего было несправедливымъ образомъ у нее отнято. — И потому,

чтобы такъ сказать сдѣлать видѣ, будто бы купила у него сіе помѣстье, Фамилія Цигала, посылала Жіованни предложити Цезарю деньги, слѣдовавшіе по оцѣнкѣ. Сказавъ сіе онъ хотѣлъ положить на столѣ тяжелой мѣшокъ, наполненный червонцами; но Цезарь бросился съ яростію Тигра, и оттолкнувъ деньги вскричалъ съ негодованіемъ:

— „Фамилія Цигала не имѣетъ никакихъ чувствованій. Она думаетъ, что я сожалѣю только о суетномъ богатствѣ! Ахъ! всѣ Перуанскія сокровища не возвращаютъ мнѣ того, чего я лишился! возьмише ваши деньги! Я никогда не соглашусь продать того мѣста, гдѣ я родился. Законы могли меня лишити онаго несправедливымъ образомъ, но я лучше умру въ

бѣдности — въ темницѣ, нежели усугублю шоржество Цигаловѣ, принявѣ ихѣ золото. “

„Естьлибѣ вы нѣсколько умѣрили себя въ вашемѣ справедливомѣ негодованіи, с к а з а л ѣ Жіованни ласково, “ то признались бы, что право на нашей сторонѣ. Для насѣ весьма тягостна была необходимость оное предѣявить. “

— „Что мнѣ нужды до вашего права? Не знаю, да и не хочу знать на чьей сторонѣ справедливость. — Въ томѣ только увѣренѣ, что я никогда не поступилѣ бы такѣ противѣ злѣйшаго врага; и вотѣ за что я всѣхѣ васѣ презираю. . . . Зная же, что сей несчастный процессѣ раззорилѣ отца моего, и былѣ причиною его преждевременной смерти, я ненавижу всю вашу Фами-

лію. Оставьте меня въ покоѣ, удалишесь съ глазъ моихъ, или я не ошвѣчаю за слѣдствія моего бѣшенства и отчаянія. “ Сказавъ сіи слова, онъ отвернулся, стараясь перевести духъ.

„Теперьъ я все могу отъ васъ снести, “ сказалъ Жіованни, стараясь говорить скоро и коротко; „вижу, что вы не можете собою владѣть, но никогда не повѣрю, чшобъ вы меня ненавидѣли; не можетъ быть, чшобы вы были столько несправедливы. — Вы кажется могли замѣпить, что я нимало не лишенъ чувствительности? “

Вы думаете заставить меня сдѣлать подлость, принявъ ваши деньги, “ вскричалъ Цезарь вышедши изъ себя. “ Но я этого никогда не сдѣлаю. — Знайте, что вся честь вашей Фа-

миліи погребена въ могилѣ отца моего.

Слезы заблестали на глазахъ Жіованни, когда онъ кроткимъ и вмѣстѣ укорительнымъ голосомъ повторишь слово *подлость*.

Въ самомъ дѣлѣ, это подозрѣніе было совершенно несправедливо, и Цезарь сказалъ болѣе, нежели сколько думалъ. Онъ хранилъ горестное молчаніе, спыдаясь своей горячности, но опнюдь не хотѣлъ умягчиться въ пользу Цигала.

Естьли бы онъ зналъ съ какимъ благороднымъ мужествомъ человекъ имъ обиженный подвергался гнѣву корысполюбиваго отца, стараясь возбудить въ немъ состраданіе и доказать ему, что непремѣнный долгъ его былъ, вознаградишь Цезаря. Естьли бы онъ

зналъ, что Жіованни принужденъ былъ даже грозить опцу своему шѣмъ, что навсегда оставивъ свѣтъ, естли онъ не согласится успокоить симъ его возмущенной совѣсти; естли бы Цезарь, повторимъ мы, имѣлъ обо всемъ этомъ познаніе, то вмѣсто того, чтобъ предаваться слѣпому бѣшенству, онъ бросился бы на грудь Цигала, съ шѣмъ, чтобъ просить у него прощенія. Но какъ бы то ни было, а онъ будучи колеблемъ различными чувствами, продолжалъ хранить молчаніе.

„И такъ я не могу надѣяться васъ пронуть? сказалъ Жіованни. „ Вы даете мнѣ знакъ удалиться, и я вамъ повинуюсь. Но, прежде нежели оставлю васъ, ради Бога прошу не судить обо мнѣ столь

вѣспѣшно и жестоко. Я Ци-
 гала, это правда; я сынъ
 того человека, который на-
 несъ ужасный ударъ вашему
 сердцу, и чувствую терзаніе
 совѣсти, какъ будто бы самъ
 былъ виновникомъ вашихъ не-
 щасій. Но Богъ свидѣтель,
 что я нимало въ томъ не уча-
 ствовалъ, и желалъ бы сердеч-
 но чѣмъ бы то ни было вознагра-
 дить вашу потерю; если
 не золотомъ, то услугами.
 Повѣрьте мнѣ, что я предпо-
 челъ бы вашу дружбу любви
 прекраснѣйшей женщины въ
 Италіи.“ Жіованни остано-
 вился, и будучи слишкомъ расп-
 роганъ, не могъ болѣе продол-
 жать; онъ подалъ руку Цеза-
 рю, который вѣспѣшно обер-
 нулся и осмотрѣвъ его съ го-
 ловы до ногъ, сказалъ самымъ
 оскорбительнымъ образомъ: „вы

конечно въ насмѣшку пришли сюда выказывать вашу чувствительность? но предупреждаю васъ, что я не хочу имѣть никакой къ вамъ довѣренности. “

„Что бы вы сдѣлали будучи на моемъ мѣстѣ, сказалъ Жіованни? “

„Я? лучше бы бросился въ воду, нежели бы былъ свидѣтелемъ убійства и хищенія! “

Жіованни, приведенный въ замѣшательство симъ выраженіемъ, отвѣчалъ: „спросите у постороннихъ, и вамъ скажутъ, что возвращеніе правъ своихъ не есть похищеніе; что же касается до другаго обвиненія вашего, то небо одно можетъ за то отвѣтствовать. Можетъ статься отецъ мой такое же познаніе имѣлъ объ сердцѣ вашего родителя, какое

вы имѣете теперь объ моемъ сердцѣ. И такъ прощайте, государь мой! “

Голосъ его пререпеталъ, но черты лица извѣяляли оскорбленную добродѣпель: они были важны и суровы. Онъ вышелъ не дождавшись отвѣта, и Цезарь почувствовалъ вмѣстѣ и гнѣвъ и угрызенія совѣсти.

Г Л А В А II.

Жіованни возвратился домой съ угнетеннымъ сердцемъ. Размышляя о происшедшей сдѣлкѣ и осуждая внутрененно чрезмѣрную ненависть Цезаря, онъ извинялъ оную, приписывая ее необузданности его пылкаго характера, жестоко пораженнаго поперёю единственнаго

предмета нѣжнѣйшей привязанности.

Судя по поступкамъ и характеру Жіованни, можно было бы почестъ его философамъ; но онъ совсѣмъ не зналъ философіи, естъли подъ симъ именемъ разумѣть строгость правилъ, подавляющую наши страсти и не позволяющую никогда склонностямъ нашимъ нарушать душевнаго спокойствія. — Напротивъ того онъ скрывалъ подъ тихую наружность самое чувствительное сердце и умъ напитанный чтеніемъ романовъ и богословіи. Жіованни въ самой еще юности испыталъ всѣ горести любви; будучи младшимъ сыномъ, онъ болѣе отличался любезностію, нежели богатствомъ. По несчастію влюбился онъ въ кокетку, которая заставивъ его

ощущають попеременно, то живішія восторги, то жестокія мученія, сама наконецъ разрушила очарованіе вышедши замужъ за спараго вельможу, ко- его знатность и богатство обѣщали ей наслажденіе всѣми удовольствіями изобилія, которыя предпочитала удовольствіемъ сердца. Не много спустя Жіованни лишился матери, которую онъ любилъ нѣжно.

Смерть ея споль скоро послѣдовала за несчастною его любовью, что онъ вдругъ наскучилъ жизнью и лишился всякой надежды. Слѣдуя первому движенію сердца, онъ вступилъ въ орденъ госпепріимныхъ рыцарей святаго Іоанна Іерусалимскаго.

Сей знаменитый орденъ, чешыре уже вѣка служилъ глав-

нѣйшею подпорою христіанства. Проливъ чистѣйшую кровь свою въ сраженіяхъ, происходившихъ у христіанъ съ невѣрными, придавъ блескъ рыцарству безпорочною жизнію своихъ сочленовъ; сей орденъ видѣлъ слабые остатки силъ своихъ, изгнанными съ острова Родоса, бывшаго нѣкогда театромъ его славы; — лишенный завоеваній своихъ Оптоманскимъ оружіемъ, и богатѣйшихъ командорствъ, тѣми самыми Королями, коихъ защищалъ своею храбростію, онъ не нашелъ другаго убѣжища, кромѣ бесплодныхъ утесовъ острова Мальпы. Туда посправился и Жіованни Цигала, горя желаніемъ сдѣлаться достойнымъ сочленомъ рыцарей, въ число коихъ намѣренъ былъ вступить.

Ему не минуло еще двадцати одного года, какъ онъ произнесъ уже клятву хранить цѣломудріе и посвятить себя на защищеніе религіи. Пять лѣтъ исполнялъ онъ свои обязанности, и въ теченіи сего времени его поступки отличались повиновеніемъ и непорочною, а служба, усердіемъ и мужествомъ, которое онъ непрестанно оказывалъ. Будучи скромнѣе и крошкѣе во время міра, Жіованни перемѣнялъ свой характеръ только въ минушу сраженія, и славился между христіанами своими подвигами до такой степени, что одинъ звукъ его оружія приводилъ въ страхъ невѣрныхъ.

Въ теченіи сего времени, смерть старшаго его брата произвела большую перемѣну

въ чувствованіяхъ е п а р а т о
Цигалы, а также и въ участи
младшаго его сына. Ему не
пріятно было, что почести и
богатства его древней фами-
ліи переходили къ дальнимъ
родственникамъ въ то время,
когда оставался еще законный
наслѣдникъ. — Надобно сказать,
что старый Цигала имѣлъ
дочь, но она сдѣлалась чуждою
его сердцу съ того времени,
какъ тайно вышла замужъ за
одного Француза. Она бѣжала
съ своимъ любовникомъ, и отецъ
не старался даже узнать о мѣ-
стѣ ея пребыванія, и не хотѣлъ,
чтобы имѣніе его досталось
дѣтямъ, которые могли отъ
нее родиться.

Находясь въ такомъ положе-
ніи, онъ просилъ Римскій Дворъ
о разрѣшеніи обѣтовъ сына
своего, въ чемъ и не было ему

отказано. Такимъ образомъ Жюванни освобожденный ошъувъ, не безъ сожалѣнія возвратился въ суешной свѣтъ.

Хотя давно уже не ощущалъ онъ нисалѣйшей привязанности къ женщинѣ, которую нѣкогда любилъ и думалъ объ ней не иначе какъ съ презрѣнiемъ, но не могъ однако же совершенно забыть объ ея жестокости, и потому съ отвращенiемъ помышлялъ объ обязанности вступить въ новую связь.

Боязнь внушаемая ему любовью составляющею благополучiе или несчастiе жизни нашей, была столь сильна, что онъ убѣгалъ даже тѣхъ обществъ, гдѣ думалъ встрѣтить женщинъ. — Никогда не оказывая явнаго отвращенiя къ браку, и не заставляя отпасть всего думать, что обманетъ

его надежды, цѣлый годъ про-
велъ онъ, послѣ возвращенія
изъ Мальты, не давши замѣ-
тить, чшобы предпочиталъ
копору нибудъ изъ любез-
ныхъ своихъ соотечественницъ.

Однако же Жіованни не бѣ-
галъ людей и не былъ мрач-
нымъ меланхоликомъ.—Можетъ
быть въ самомъ себѣ находилъ
онъ болѣе средствъ къ благо-
получію, какъ и большая часть
молодыхъ людей въ его лѣта,
почему и не искалъ онаго въ
себя. — Воображеніе его все
находило прекраснымъ; для не-
го каждое мѣсто имѣло свои
удовольствія, всякое время го-
да свои пріятности, и каждый
сельскій видъ свои красоты;
во всякомъ характерѣ нахо-
дилъ онъ добрыя качества, —
и въ самомъ несчастіи видѣлъ
пользу. Привыкнувъ искать

благости провидѣнія въ томъ, что съ перваго взгляду казалось несправедливымъ, онъ представлялъ другимъ шѣмъ огорчаться, а самъ размышлялъ до тѣхъ поръ, пока не находилъ средства къ утѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, какого бы роду не были наши несчастія, но всё спремается къ той блистательной цѣли: что всё бѣдствія и злоключенія сей жизни окончатся во время краткаго пуши, долженствующаго привести насъ къ вѣчности. Сердце Жіованни воспламенялось отъ единой мысли о безсмертіи. Люди встрѣчавшіеся съ нимъ во время продолжительныхъ прогулокъ, немогшіе замѣтить выраженія взоровъ его, пошупленныхъ въ землю, почти бы его преданнымъ глубокой задумчивости; но они ошиба

лись бы въ своемъ заключеніи; мрачное осеннее небо и обнаженные деревья, напоминали ему о краткости человѣческой жизни, но огонь сей самой жизни ощущаемый имъ въ самомъ себѣ, внушалъ ему мысль, что прахъ, составляющій человѣческое тѣло и долженствующій погибнуть, заключаетъ въ себѣ свѣшильникъ, который могила не можетъ погасить, и также начало жизни, надъ коимъ смерть не имѣетъ никакой власти. — Изъ сего можно видѣть, что онъ былъ важенъ, не будучи мрачнымъ, любилъ уединеніе, не будучи нелюдимомъ — и что истинный образъ души изображался на кропкомъ его лицѣ.

Гласъ публики не оправдывалъ стараго Цигала, или лучше сказать, всѣ ошибались въ

истиинномъ основаніи его характера, приписывая мстительности, требованія его на помѣсть въ Нерви. — Единственною причиною сего поступка, было корыстололюбивое желаніе умножить свое богатство. Правда, что когда Адимарій пользовался выгоднымъ мѣстомъ Градоначальника въ Корсикѣ, то Цигала просилъ сего мѣста, и своими происками наконецъ получилъ оное; но если бы Адимарій былъ лучшимъ его другомъ, то и тогда онъ не поступилъ бы иначе. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сего, случайно попались ему документы на владѣніе помѣстьемъ въ Нерви; онъ не могъ преодолѣть жадности къ приобрѣтенію; думалъ, что поступаетъ справедливо и дѣйствительно единственно для поль-

зы потомства ; и съ симъ на-
мѣреніемъ началъ и продол-
жалъ сей процессъ.

Въ теченіи сего времени ,
Адмарій претерпѣлъ большія
потѣри въ своей коммерціи ;
Процессъ тянулся долго и
стоилъ ему весьма дорого , а
отсутствіе сына его продол-
жалось сверхъ положеннаго сро-
ка. Переписка была тогда за-
труднительнѣе, нежели нынѣ ,
и въ теченіи трехъ лѣтъ ,
только однажды получилъ онъ
извѣстіе о Цезарѣ ; но сіе из-
вѣстіе не подавало ни малѣйшей
надежны въ успѣхъ дѣла , ко-
торое онъ ему поручилъ. Видя
всѣ свои ожиданія обмануты-
ми , а долгъ умножающимся ,
Адмаріи принужденъ былъ
ограничить свою благопвори-
тельность. Безпокоясь же о
судьбѣ сына , несчастный на-

чалъ изнемогашь — и смерть скоро избавила его отъ мученій.

Бѣдспивенная его кончина сдѣлала нѣкоторое впечатлѣніе надъ Цигалою; но ни сіе впечатлѣніе; ни убѣдительныя прозьбы Жіованни не могли принудить его оставишь свои требованія.

Процессъ продолжался противъ исполнителей завѣщанія Адимарія; — и чипашель знаетъ уже слѣдствія онаго.

Старикъ Цигала и сынъ его жили между собою въ добромъ согласіи, не взирая на то, что вкусы и характеры ихъ были совершенно различны. Жіованни имѣлъ на отца своего вліяніе, какое всегда имѣетъ твердая душа на слабую — вліяніе, могущее иногда управлять поступками того человека, не

перемѣня еѳо склонностей ; — наконецъ такое вліяніе , копорому всегда уступаютъ изв уваженія къ свѣтскому мнѣнію.

Жіованни присоединялъ сколько крепости къ прочимъ прекраснымъ своимъ качествамъ , что не возможно было ни ненавидѣть его , ни ему завидовать ; и естли старый Цигала чувствовалъ когда нибудь благородную гордость : по это тогда только , когда превозносили великодушіе и рыцарскіе подвиги еѳо сына ; — слушая сіи похвалы , онъ воображалъ , что они дѣлали честь собственному еѳо характеру ; и такимъ образомъ присвоивъ себѣ , такъ сказать , добродѣтели и славу молодого Жіованни , онъ тѣмъ не менѣе любилъ его , не взирая на то , что сіе

еамое превосходство въ другомъ человѣкѣ весьма бы его унизило.

Мы сей часъ видѣли случай, въ которомъ почтеніе къ сыну и природный его эгоизмъ, имѣли жестокое сраженіе. Долго Цигала сопротивлялся его прозьбамъ и представленіямъ; но наконецъ Жіованни объявилъ, что если отецъ не сочтетъ выиграннаго процесса обыкновенною покупкою, то онъ на всегда вступишь въ службу ордена имъ оставленнаго.

Воспомяная о сценѣ своей съ Цезаремъ, Жіованни огорчался, что сей послѣдній не отдавалъ ему справедливости, потому, что заслужить почтеніе Цезаря Адимарія, было главнымъ желаніемъ его сердца; но не понятно отъ чего родилось въ

немъ это желаніе? Отъ того ли, что онъ замѣтилъ до какой степени сей молодой человекъ любилъ отца своего, или отъ романическаго воображенія, внушавшаго чувствительной его душѣ, исполненной доброты и любви къ ближнему, состраданіе и почтеніе къ обиженному Цезарю? Можетъ быть даже всѣ сіи причины вмѣстѣ соединились, чтобы занявъ, такъ сказать, пустошу сердца, ощущаемую чувствительнымъ человекомъ, когда онъ видитъ себя окруженнымъ существами, уступающими ему въ душевныхъ качествахъ и далекими отъ того образца добродѣтели, какой онъ себѣ воображаетъ.

Но кромѣ сихъ чувствъ, одно весьма терзало его душу, до сего времени столь покойную.

Мал. Рыц. Ч. I.

Д

Примѣчая, что очень часто правосудіе не слѣдовало гласу справедливости, и зная притомъ, что помѣстье въ Нерви имѣло въ глазахъ Адимарія цѣну большую, нежели чего оно въ самомъ дѣлѣ стоило, онъ чувствовалъ, что отецъ его неправеднымъ образомъ завладѣлъ симъ помѣстьемъ.

Ему казалось даже, что замараемъ честь Мальпійскаго рыцаря, согласясь на таковой поступокъ и наслаждаясь плодами онаго; и по сей причинѣ думалъ, что до тѣхъ поръ не будетъ спокоенъ, пока не докажетъ неоспоримо своей невинности, перенесши все негодованіе Цезаря, и посвятивъ себя его услугамъ. Благородное его сердце не иначе надѣялось загладить сіе пятно, какъ

принудивши нещаснаго Адимарія признати вѣ себѣ друга.

Жіованни спрашивалъ себя иногда, откуда происходило участіе, внушаемое ему Цезаремъ Адимаріемъ? и вышеизъясненныя нами причины удовлетворяли его сердцу; но однакоже онъ всегда чувствовалъ нѣкоторое замѣшательство; когда отецъ спрашивалъ его: какое основаніе имѣлъ характеръ Цезаря, когда онъ не былъ ослѣпленъ своимъ положеніемъ. Тогда Жіованни старался припомнить всѣ черты лица сего молодаго челоука, чтобъ по онымъ здѣлать заключеніе. По его замѣчанію Цезарь имѣлъ Азіатскую фізіономію, мрачную и вмѣстѣ блистательную, исполненную пылости и предприимчивости, живую — выразительную — и безпрестанно

перемѣняющуюся ; имѣлъ черные и бышрые глаза и возвышенное чело, осененное черными блистающими кудрями. Однимъ словомъ онъ подобенъ былъ жителю востока. Не ужели, думалъ Жіованни, черты сіи скрывали огонь, снѣдающій душу сихъ жителей? Не ужели сіе гордое величіе, царствовавшее во всѣхъ его поступкахъ, происходило отъ жестокости и непреклонности сердца? А эта строгая выразительность на устахъ образованныхъ самими граціями и любовью, не ужели раждалась отъ неутолимой жажды къ мщению? Впрочемъ эти уста, эти щеки, эти глаза, исполненные мужественной красоты, не могли ли они вдругъ измѣнить свое благородство, чтобъ выражать одно только

сладострастіе, которое всегда присоединяется къ числу необузданныхъ страстей? —

Жіованни разсуждалъ самъ съ собою, что кропкая и невинная душа его никогда не ощутитъ чувствъ дружбы къ человѣку подобнаго характера; но если напропивъ онъ увидитъ, что Цезарь столько же способенъ къ дружеству, сколько къ сыновней любви; если онъ обратитъ свое мужество къ благородной ревности, къ защитѣ отечества и религіи, если льта умноживъ его добродѣтели и опытность заставятъ его побѣдить свои предразсудки: то Жіованни чувствовалъ, что соединится съ нимъ тогда не разрывными узами дружбы.

Обладаніе Нервскимъ помѣстьемъ было источникомъ

Мал. Рыц. Ч. I. Д 2.

удовольствій для стараго Цигалы и вмѣстѣ источникомъ жестокихъ горестей для его сына. Правда, что карпины, драгоценные мраморы и всѣ украшенія дома были отданы заимодавцамъ Адимарія, но въ этомъ мѣстѣ осталось еще много слѣдовъ, напоминавшихъ о прежнемъ владѣтелѣ. Тутъ украшенія, сдѣланныя имъ въ саду. — Тамъ зданія воздвигнутыя имъ для спокойствія и удобства своихъ вассаловъ.

Жіованни часто посѣщалъ дома работниковъ, приготавливавшихъ шолкъ, и собирателей винограда, въ надеждѣ подать имъ причину придти къ себѣ, чтобъ оказать имъ какую нибудь помощь. Сначала они принимали его съ глубокимъ молчаніемъ, и уже послѣ многихъ покушеній, удалось ему након-

нецѣ пріобрѣспь ихъ довѣренность и заставишь говоритъ съ собою. При подобныхъ случаяхъ они оказывали холодныя учтивости своему новому господину и не преставали оплакивать смерть прежняго владѣтеля.

Когда они описывали характеръ и привычки отца, или сына, то слова ихъ представляли картину семейственнаго благополучія. Согласіе въ фамиліи Адимарія, было столь совершенно, вкусъ столь умѣренъ, щастіе или нещастіе такъ мало имѣло вліянія на спокойствіе оной, что Жіованни, вспомнивъ о томъ, что отецъ его разрушилъ се прогательное зрѣлище ощущалъ живѣйшее прискорбіе.

Одинъ крестьянинъ по пальцамъ зналъ исторію — такъ

сказать — каждого куста и
каждого камня; на примѣрѣ: въ
этой жасминной бесѣдкѣ, го-
ворилъ онъ, Синьоръ Адимари
отдыхалъ послѣ обѣда; — эти
кусты шиповника были поса-
жены во время отбѣзда Синьо-
ра Цезаря; подъ этими мир-
тами отецъ и сынъ обнялись
въ послѣдній разъ; а на сей
Террасѣ, почтенный старецъ
каждый вечеръ прогуливался
въ ожиданіи возвращенія сына,
слѣдуя взорами за каждымъ
кораблемъ, приближавшимся къ
берегу, не видя исполненія сво-
ей надежды.

Жіованни сдѣлалъ привычку
ходить на Террасу всякой
разъ, какъ чувствовалъ себя
расположеннымъ къ меланхоліи;
потому, что это мѣсто, кро-
мѣ воспоминаній, какія раждало

въ душѣ его, само по себѣ возбуждало къ размышленію.

Подобно прочимъ помѣстьямъ, находящимся въ сей живописной странѣ, гдѣ пропекаетъ Генуезская рѣка, — Нерви было построено въ видѣ Амфитеатра, и сады онаго расположенные на многихъ возвышеніяхъ, соединялись между собою лѣстницами, которыя съ морскаго берега вели къ самому замку, пересѣкая многія Террасы, построенныя одни надъ другими. Сіи лѣстницы и террасы, сдѣланныя изъ зеленаго Бокчепскаго мрамора, покрыты были спелющимися растѣніями, пріятными взору и обонянію, висѣвшими въ видѣ фестоновъ и гирляндъ повсѣмъ отлогостямъ.

Синьоръ Адимари былъ страстный охотникъ до произве-

деній природи, и пошому да-
же на такихъ террасахъ, гдѣ
ничего не могъ посадить, по-
спавлены были алебастровыя
и фарфоровыя вазы, заключа-
шія цвѣшны и небольшія де-
ревца.

Въ срединѣ кустовъ Герані-
ума, устроенныхъ такимъ об-
разомъ на самой высокой тер-
расѣ, былъ прозрачный фон-
танъ, коего журчаніе возбуж-
дало къ меланхоліи; не подале-
ку отсюда возвышался вели-
чественный вѣтвистый кедръ,
осѣнявшій широкій пенъ, еди-
ный памятникъ оставшійся по-
слѣ его товарища; этотъ пенъ
обросшій мохомъ и фіалками
образовывалъ сельское ложе,
на коемъ Синьоръ Адимари лю-
билъ покоиться. Каждый ве-
черъ Жіованни посѣщалъ это
мѣсто; занимался тамъ чте-

ніемъ книгъ или, принесши свой молищвенникъ, повторялъ по оному Божественную службу; потому, что сердце его всегда привязано было къ священному ордену, который оставилъ единственно изъ повиновенія волѣ отца: иногда онъ въ задумчивости прохаживался по террасѣ, изчисляя время, которое старикъ Адимари провелъ въ семъ мѣстѣ, тщетно дожидаясь возвращенія сына, котораго не долженствовалъ болѣе увидѣть въ этомъ мѣрѣ.

Въ одной запущенной рощицѣ Жіованни нашелъ помѣнвореній Виргилія, который Адимари безъ сомнѣнія забылъ шупъ; и когда поднялъ оный съ земли, по книжка сама собою открылась на одиннадцатой страницѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ описана горесть Евандра,

плачущаго надъ кладнымъ тѣломъ юнаго Палласа. Листы слѣпились и потеряли цвѣтъ свой; и на нихъ видны были еще слѣды слезъ несчастнаго отца, который безъ сомнѣнія въ горести Евандра, видѣлъ собственныя свои чувства.

Жюванни соспрадая къ несчастію Адимаріевъ, непрестанно думалъ о Цезарѣ, и все имъ слышанное о семъ молодомъ человѣкѣ усугубляло печаль его и лишало спокойствія. Онъ узналъ, что Цезарь продавши все у него оставшееся и заложивъ маленькое имѣніе свое въ Полчиверрѣ, уплатилъ нужнѣйшіе долги, взявши съ прочихъ кредиторовъ обѣщаніе, дождашься его возвращенія изъ Леванта, куда намѣревался ѣхать по комиссіямъ: продашь грузъ и купишь

тамъ другихъ поваровъ. Это предпріятіе должно было принести ему не малую выгоду.

Послѣ втораго свиданія Жіованни всячески старался съ нимъ встрѣпиться; но, или по случаю, или попому, что Цезарь съ намѣреніемъ убѣгалъ его, только онъ не могъ сего достигнуть. Дурной успѣхъ ни мало не уменьшая желанія Жіованни пріобрѣсти дружбу Цезаря, придавалъ оному еще новыя силы, заставивъ его безпрестанно о томъ помышлять; это желаніе скоро превратилось въ страсть, и онъ перенесъ бы охотно весь гнѣвъ Цезаря, еслибъ могъ только надѣяться, что сей нѣкогда отдастъ ему справедливость и не станетъ почитать его такимъ, каковъ былъ отецъ его.

Мал. Рыц. Ч. I.

Е

Къ несчастію сближеніе ихъ установилось часъ отъ часу невозможнѣе, потому, что родъ жизни избранной Цезаремъ заставлялъ его безпрестанно быть на морѣ, а въ обществахъ посѣщаемыхъ имъ между своими путешествіями, Жіованни никакъ не могъ найти его.

Мысли сіи представляясь Жіованни, возбуждали въ душѣ его весьма горестныя чувствованія, потому, что онъ видѣлъ молодаго челоѣка, произшедшаго отъ благородной крови, воспитаннаго во ожиданіи большаго богатства и знатныхъ достоинствъ въ республикѣ, — великодушнаго, одареннаго талантами и дорожащаго честію; — видѣлъ сего молодаго челоѣка на двадцать четвертомъ году своего возраста вдругъ

принужденнаго терпѣть бѣд-
носшь и заниматься коммерці-
ею, единственно для того, что-
бы спасти отъ посрамленія
честь отца своего. Воспитаніе
и навыки позволяли ему обра-
щаться только съ людьми об-
разованными, а теперь онъ
долженъ былъ или во все ли-
шиться сладостнѣйшихъ чув-
ствованій дружбы и любви,
или видѣть несовершенный
ихъ образъ въ обществѣ, гдѣ
каждый имѣлъ свой вкусъ и свой
характеръ, или въ бракѣ, гдѣ
соединеніе лицъ не было еще
соединеніемъ сердецъ.

Если бы Жіованни могъ
перемѣнить жребій Адимари,
то онъ охотно всѣмъ бы по-
жертвовалъ. Но ему остава-
лось только сожалѣть о своей
невозможности и ожидать сча-

спливаго случая, чшобѣ ока-
зати услугу несчастному Це-
зарю, противѣ его воли.

Г Л А В А III.

Послѣ двухъ мѣсячнаго пре-
быванія своего въ помѣстѣ
Нерви, Синьорѣ Цигала сталъ
домогаться мѣста прокурато-
ра, которое было вторымъ до-
стоинствомъ въ республикѣ.
Во время выборовъ онъ жилъ
по большей части въ Генуѣ,
оспаля сына своего спокойно
наслаждаться сельскими удо-
вольствиями и науками, и спа-
раться о благополучіи своихъ
вассаловъ.

Однажды Жіованни, спѣша
возвратиться домой послѣ про-
гулки на морскомъ берегу, чшо-

бы избѣжать наступавшей грозы, примѣшилъ при входѣ въ Паркъ человека, пробѣжавшаго изъ кипарисной роши въ аллею, ведущую въ церковь.

Незнакомецъ былъ завернутъ въ широкую мантію; скорая походка его показывала безпокойство и заспавила Жіованни возвратиться назадъ, чтобы примѣчать всѣ его поступки. Видя же, что онъ не останавливаясь продолжалъ путь свой, Жіованни издалека за нимъ слѣдовалъ, скрываясь по временамъ за деревьями, чтобы не быть имъ замѣченнымъ. Но какъ онъ удивился, когда незнакомецъ, не могши отворить дверей церкви, вышибъ окно — и такимъ образомъ открылъ себѣ туда свободный входъ.

Въ сей церкви построенной во имя Св. Стефана, находилось множество рѣдкихъ спатуй, карпинъ и сосудовъ, украшенныхъ драгоценными каменьями, шубъ были такъ же мощи святыхъ, наои и ризы изъ богатыхъ матерій. — Всѣ эти сокровища, священные для всякаго набожнаго Каполика, пѣмъ болѣе казались таковыми для человека, нѣкогда давшего клятву посвятить жизнь свою на защищеніе Религіи.

Думая, что незнакомецъ принадлежалъ къ шайкѣ разбойниковъ, рѣшившихся ограбить церковь, Жіованни обошелъ кругомъ оной, чтобы найти маленькую дверь, отъ которой по случаю взялъ съ собою ключъ. Тихонько отперевъ оную, онъ вошелъ въ церковь и попомъ

опять заперъ за собою дверь сію.

Расписанныя стекла въ большихъ окнахъ со стрѣлками, тѣнь отъ широкихъ архитравовъ, возвышавшихся надъ оными и отъ знаменъ висѣвшихъ по сводамъ умножали темнопу царствовавшую въ этомъ зданіи. Жіованни обнажилъ свой кинжалъ и спрятался за олпяремъ, ни на минуту не сводя взоровъ съ незнакомца.

Сей послѣдній поспѣшно приблизился, и голосомъ приведшимъ въ трепетъ Жіованни, — голосомъ, столь знакомымъ его сердцу и никогда неказавшимся ему столь прогательнымъ какъ въ эту минуту, произнесъ: „Здѣсь — здѣсь это мѣсто, о родитель мой! — Здѣсь я долженъ искать тебя.“

Сказавъ сіи слова, Цезарь Адимари бросился на землю, лобызая черную мраморную доску, покрывавшую могилу, гдѣ покоился прахъ его родителя. Слезы препятспивовали ему говорить, и рыданія раздаваясь подъ сводами церкви, ясно показывали любовь его къ покойному.

Жіованни остался неподвиженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ спряпался. Онъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, лишь бы только удалиться не бывъ примѣченнымъ: потому, что ощущалъ ужасное смущеніе при мысли, что оскверняетъ не достойнымъ взоромъ священную горестъ сына, пришедшаго на всегда проспитъся съ прахомъ отца своего. Цезарь не подозрѣвая, чтобы кто нибудь его подслушивалъ, могъ обвинять

себя во многих заблужденіяхъ. Почему Жіованни рѣшился выйти, во чтобы то ни стало, но вдругъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ; — хотѣлъ говорить, и слова замерли на устахъ его; между тѣмъ Цезарь опять началъ свои жалобы.

„О! родитель мой! ты меня слышишь и можешь быть зрираешь на меня въ сію ужасную минушу, подай мнѣ силы перенести несчастную судьбу и уединенную жизнь меня ожидающія; прости мнѣ, если оскорблялъ тебя; — моли Создателя, чтобы онъ укрѣпилъ сердце мое мужествомъ противъ моей собственной слабости и прельщеній недостойной фамиліи, которую долженъ ненавиждѣть за то, что она была виновницею твоей смерти.“

„Остановитесь, Адимари!“ прервалъ Жіованни, „вы не одни здѣсь.“

Цезарь отъ удивленія и гнѣва сначала не могъ ни слова выговорить; но потомъ вставши вскричалъ: „Не ужели и въ этомъ мѣстѣ вы не преспа-нете меня преслѣдовать.“

Жіованни обьяснивъ въ короткихъ словахъ причину, приведшую его въ церковь, — отворилъ дверь, отъ чего въ оной сдѣлалось нѣсколько свѣтлѣе. Лучъ заходящаго солнца отразился прямо на лицѣ Цезаря, и показалъ блѣдность его, покраснѣвшіе глаза, и уныніе царствовавшее на лицѣ.

Физиономія его не была уже столь свирѣпа, — какъ прежде, когда опчяніе владѣло имъ, но никогда она не была столько прогашельна и никогда не

имѣла столько дѣйствія надъ чувствительнымъ сердцемъ Жіованни.

Цезарь не могъ рѣшиться выйти изъ церкви, — и ощущая можетъ быть вліяніе чувства, блиставшаго во взорахъ Жіованни, — чувства, коего хотѣлъ избѣжать, онъ далъ ему знакъ удалиться, а самъ возвратился въ трапезу.

„Я бы желалъ, чтобъ вы видѣли, что шутъ происходитъ,“ сказалъ Жіованни показывая на сердце, и устремивъ взоры на Цезаря.

„Я не хочу этого знать,“ произнесъ Цезарь съ мрачнымъ видомъ, „оба мы не должны знать, что думаемъ другъ о другѣ. Вы Цигала, а я Адимарій, послѣдній изъ роду Адимаріевъ. — Правда, многіе Цигалы и Адимаріи вмѣстѣ въ

мірѣ покояться подѣ ногами нашими, но никогда здѣсь на землѣ не будетѣ союза между сыномѣ Павла Цигалы и Людовика Адимарія.“

„Не ужели я долженѣ опивѣ-
чати за то, что родился?“ ска-
залѣ Жіованни приближась.

„Я не знаю никакихѣ разли-
чій!“ возразилѣ Цезарь, устре-
мивѣ взоры на могилу опца
своего.

Во время продолжительнаго
безмолвія, Жіованни слышалось,
что слезы Цезаря падали на
хладной мраморѣ; но онѣ былѣ
слишкомѣ отѣ него далеко, и
мракѣ не позволялѣ удостовѣ-
риться вѣ истинѣ; однако же
молчаніе Цезаря довольно по-
казывало, что онѣ точно пла-
калѣ, и Жіованни не сомнѣвал-
ся вѣ томѣ, что возбудилѣ вѣ

немъ такъ же нѣкоторое къ себѣ участіе.

Въ самомъ дѣлѣ гордый духъ Цезаря нѣсколько смирился. Произшедшая между ими сцена; чувства, коимъ онъ предавался; мысль, что готовъ былъ оставить опечесство — и положеніе, въ которомъ теперь находился, все сіе соединилось вмѣстѣ для того, чтобъ тронушь его сердце.

Какъ бы дорогъ былъ для него другъ въ сію минуту! какъ былъ бы онъ счастливъ, еслибъ могъ броситься теперь въ объятія чувствительнаго человека, чтобъ изливать на груди его свою горестъ, о потерѣ любиматаго отца и расточать похвалы его добродѣтелямъ.

Онъ видѣлъ предъ собою такого человека, но сей не могъ

бить тѣмъ другомъ, котораго онъ искалъ. Нѣтъ! еслилибъ Жіованни былъ даже небеснымъ ангеломъ, то и тогда прелестныя черты его и очаровательныя слова не могли бы принудить Цезаря нарушить обѣтъ: вѣчно ненавиждѣшь все носящее имя Цигалы, — обѣтъ, почидаемый имъ священнымъ.

По чему, вдругъ вооружась противъ слабости, которой предался на минуту, Цезарь поспѣшно завернулся въ мантию, и сказалъ съ благородною важностію: „Я пришелъ сюда не для того, чтобы высипать себя на сцену, а хотѣлъ только бесѣдовать съ прахомъ родителея. Знаю, что долженъ былъ просить позволенія вашего войти сюда, но клянусь Богомъ, не могъ на то рѣшиться. Оставляю вамъ должную спра-

ведливостъ, и чтобъ это дока-
зать, хочу просить васъ даже
объ одной милости; которой
Цезарь Адимарій никогда—и ни
ошъ кого еще не прашивалъ.“

„Какъ я счастливъ! вскри-
чалъ Жіованни, подошедъ къ
нему,“ чего бы вы ни пожела-
ли, клянусь все немедленно вы-
полнить!“

Цезарь потупилъ въ землю
глаза, полные слезъ и сказалъ:
„эштъ мраморъ я вамъ по-
ручаю. Не допускайте, чтобъ
кто нибудь надъ нимъ нару-
гался или отсюда его похи-
тилъ.“

„Клянусь небомъ, клянусь
надеждою нѣкогда заслужить
вашу . . .“

Онъ хотѣлъ присовокупить
слово *дружба*; но Цезарь, выр-
вавши свою руку, которую
Жіованни взялъ было, бросилъ

ся вонѣ извѣ Церкви, поспѣшно
пробѣжалъ по аллеямъ, сошелъ
свѣ лестницы, и сѣвши на шлюб-
ку, приближался уже къ ко-
раблю, на коемъ готовился от-
плыть; прежде нежели Жиован-
ни пришелъ въ себя отъ изу-
мленія, въ которое приведенъ
былъ быстрымъ его движені-
емъ.

Г Л А В А IV.

Чрезъ пять мѣсяцовъ послѣ
сего произшествія, Цезарь Ади-
марій возвратился въ Геную,
претерпѣвши большія несча-
стія и кораблекрушеніе близъ
береговъ Калабріи, отъ кото-
раго едва самъ могъ спастись.
Во время путешествія черны
лица и поступки молодого Ци-

галы часто возобновлялись въ его памяти, и онъ прошивъ воли сожалѣвъ въ сію минуту о жестокой необходимости, принуждавшей его, какъ онъ думалъ, питать ненависть къ сему молодому человѣку.

Не посѣщая еще гроба отца своего, онъ говорилъ съ нѣкоторыми крестьянами, спрашивая ихъ о перемѣнахъ, какія ожидалъ найти въ семъ любезномъ для себя мѣстѣ, и сверхъ чаянія узналъ съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, что не было ни малѣйшей перемѣны, ни внутри дома, ни въ садахъ. Должно признаться однако же, что новый владѣтель имѣлъ въ мысляхъ сдѣлать нѣкоторыя поправки; но Жіованни убѣдилъ его своими прозьбами и представленными причинами. оста-

вить все по прежнему. Ни одно растѣніе, посаженное рукою Адимарія, не было исторгнуто; ни одно зданіе, имѣ построенное, не было разрушено. Сельское ложе подѣ большимъ кедромъ все еще существовало, и Синьоръ Жіованни продолжалъ называть оное шѣмъ же именемъ. Онъ сталъ покровительствовать даже и бѣлому филину, съ давнихъ лѣтъ имѣвшему гнѣздо свое въ дуплѣ сего дерева, когда узналъ, что Адимарій кормилъ его.

Жіованни имѣлъ такъ же попеченіе и о важнѣйшихъ предметахъ. Раздавалъ милостыни въ дни, назначенные его предѣстникомъ. Слуги и работники обязаны были ему сохраненіемъ своихъ прежнихъ правъ въ годовыхъ праздниковъ. Од-

нимъ словомъ: ничто не измѣнилось въ Нерви, и жители сожалѣли о томъ только, что не увидятъ болѣе прежняго любезнаго своего господина, и сыновней нѣжности къ нему Цезаря Адимарія. Но отецъ Жіованни нимало не заслуживалъ ни любви, ни почтенія.

Узнавъ сіи подробности, Цезарь пришелъ къ гробу отца своего, и избѣжалъ и сканію Жіованни, съ новою причиною почитать его. Это впечатлѣніе преслѣдовало его и во время путешествія, которое началось самымъ счастливымъ образомъ; но несчастіе, имъ претерпѣнное, мало помалу истребило оное изъ его памяти. Плоды трудовъ его: основаніе, на коемъ надѣялся онъ утвердить нѣкогда свое благополучіе; собственность его

поручителей, все погибло въ одно время, и онъ возвратился въ Геную бѣдѣ и опчаянѣ, нежели изъ нее выѣхалъ.

Цезарь вышелъ на берегъ, въ пасмурный осенній вечеръ, и пошелъ въ доль страны Нуовы къ дому родственника своего, жившаго на площади Акваверде, у котораго и прежде сего останавливался.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, самыя великолѣпнѣйшія Италіанскіе города освѣщались только восковыми свѣчами, зажигающимися предъ иконами Богоматери и святыхъ, или фонарями, повѣшенными у входовъ публичныхъ зданій и домовъ знатныхъ господъ. Такимъ образомъ одна половина улицы была освѣщена, между тѣмъ какъ въ другой царствовалъ глубокій мракъ, что дѣлало города

сіи опасными; пошому, что убійца, завидѣвъ издалека свою добычу, могъ удобно спрятаться въ темношѣ.

Цезарь продолжалъ путь свой по извѣстнымъ ему улицамъ, не обращая вниманія на мракъ, царствовавшій вокругъ него. Проходя мимо церкви Благовѣщенія, примѣтилъ онъ, что двери были опперты, а зазженныя шамъ свѣчи заставили его заключить, что начали служить всенощную.

Домъ Божій — есть убѣжище несчастныхъ и Цезарь вошелъ во храмъ. Онъ нашелъ шамъ нѣсколько служителей занимавшихся приготовленіями. Свѣчи не были еще зазжены въ паникадилахъ, окружавшихъ олшарь, и пошому въ церкви едва было можно различать предметы; но слабый

свѣтъ не воспрепятствовалъ Цезарю увидѣть, что одинъ придѣлъ на лѣвой рукѣ былъ весь обитъ чернымъ сукномъ и украшенъ кипарисными вѣтвями. Онъ вошелъ туда — и открытый гробъ на нѣкоторомъ возвышеніи, окруженный большими свѣчами изъ чернаго воску, занимавшій средину придѣла представился глазамъ его. Тогда было въ Генуѣ обыкновение, сохраняемое еще и понынѣ во Флоренціи, выставлятъ такимъ образомъ мертвыхъ за нѣсколько дней до погребенія Любопытство заставило Цезаря подойти къ гробу: онъ увидѣлъ тѣло молодого человека, коего бѣлокурые волосы украшены были вѣнкомъ изъ Нарциссовъ, а гробъ усыпанъ сими же цвѣтами; въ головахъ выставленъ былъ

щитъ, на которомъ съ трудомъ можно было примѣтить гербъ, закрытый до половины мирповыми вѣтвями.

Онъ взглянулъ на лицо покойника, — и опступилъ отъ ужаса, когда узналъ черты лица Жіованни Цигалы! посмотрѣлъ на щитъ и увидѣлъ орла съ двумя коронами, — гербъ Цигаловъ. Цезарь едва могъ устоять на ногахъ и поэтому прислонился къ рѣшеткѣ. Помышляя съ горестію о томъ, что видѣлъ, онъ почувствовалъ, что никогда не могъ ненавидѣть Жіованни.

Одинъ изъ служителей вѣроятно услыша восклицаніе, вырвавшееся у Цезаря, или по своей надобности, вошелъ въ церковь. Примѣтивъ человека облокотившагося на рѣшетку, онъ произнесъ нѣсколь-

ко словъ, коихъ Цезарь не слышалъ.

„Кто эптовъ покойникъ? “ спросилъ сей послѣдній съ препомб.

„Маптео Цигала, “ отвѣчалъ служитель.

„Благодареніе Богу! я думалъ эпто Жіованни. “

— „Сей былъ ему двоюродный братъ, и много на него походилъ. “

„И такъ Жіованни живъ еще? “ возразилъ Цезарь, подошедши твердымъ шагомъ ко гробу, и опять разсматривая черты, приведшія его въ заблужденіе.

— „Вчера онъ слушалъ здѣсь обѣдню, “ подхватилъ служитель. Бѣдный молодой человекъ! какъ онъ похудѣлъ поелъ смерти отца своего. “

„Какъ!“ вскричалъ Цезарь съ великимъ удивленіемъ, и отецъ его такъ же умеръ?“

Служитель подтвердилъ слова сіи, присоединивъ еще нѣкоторыя подробности о смерти стараго Цигалы; но Цезарь не слушалъ его болѣе; потому, что умъ его терялся въ воспоминаніи о прошедшемъ; представивъ себѣ то время, когда возвратился въ послѣдній разъ въ Геную, онъ находилъ въ немъ большое сходство съ настоящею минутою.

— Правда, что это сходство было весьма слабое, но оно достаточно было для соединенія сихъ двухъ эпохъ, смерти его отца и отца Цигалы; эта мысль укропила на минуту господствующую страсть Цезаря.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ и въ другое время, онъ узналъ бы о смерти Цигалы съ нѣкоторымъ мрачнымъ удовольствіемъ, и можетъ быть взиралъ бы на оную, какъ на справедливую жертву тѣни отца своего; но теперь помышлялъ о томъ, ничего такого не чувствуя; и даже слыша о горести Жіованни, сказалъ со вздохомъ: „можетъ быть онъ любилъ его!“

Раздался звукъ колокола и многія особы вошли въ церковь. Цезарь вышедши поспѣшно изъ капеллы Цигаловъ прошелъ въ прапезу, гдѣ соединясь съ прочими христіанами, принялъ участіе въ священномъ занятіи, въ коемъ всѣ они имѣли нужду, но не искали его съ такимъ усердіемъ какъ онъ.

ГЛАВА V.

Занятія слѣдующаго дня разсѣяли тѣ горестныя впечатлѣнія, какія произвелъ этотъ случай въ душѣ Цезаря. Онъ принужденъ былъ видѣться съ купцами, которые давали ему порученія съ тѣмъ, чпобъ извяснить имъ причины гибели корабля, и представить доказательства усердія и искусства, съ какимъ исполнялъ свою трудную должность.

Причина несчастія была очевидна, и никто не могъ въ томъ упрекать его; купцы имѣли благородный образъ мыслей, они терпѣливо перенесли свои потери и даже предложили Цезарю опважиться

на новое путешествие. Но жизнь, в которой он должен был заниматься безпрепятственными расчетами, ему не нравилась; он хотел трудиться только для самого себя и сохранял предразсудки своего рождения, которое заставляло его считать купеческое состояние низким и недостойным званием дворянина. По чему и решился вступить в морскую службу республики, если только кредиторы отца его дадут ему новую опрочку платежу долга. Он надеялся, что может быть фортуна сделается к нему благосклоннее там, где по крайней мере не должен будет стыдиться своей бедности, и из небольшого жалованья в состоянии будет ублажать нечто для уплаты долгов. Це-

заря вездѣ принимали ласково и учтиво; но его характеръ былъ главною причиною того, что трудно было ему привести дѣла свои въ лучшее состояніе.

Одна мысль, быть обязаннымъ, приводила его въ ужасъ, — и это воспрепятствовало ему занять у друзей денегъ для уплаты опцовскихъ долговъ; принять же ихъ вмѣсто подарка, казалось для него такою подлостію, о которой не могъ онъ и думать: никто, зная его, не осмѣлился бы сдѣлать такого предложенія. Онъ съ стыдомъ просилъ даже объ отсрочкѣ времени на уплату долговъ, кои признавалъ законными и почиталъ себя слишкомъ много обязаннымъ, согласившись жить въ домѣ одного изъ дальнихъ своихъ родственниковъ.

никовъ, не смотря на то, что домъ подаренъ былъ сему послѣднему его опщомъ.

Къ счастью, этотъ родственникъ не употреблялъ во зло услугъ, имъ оказываемыхъ. Онъ былъ не молодъ, женатъ, но бездѣтенъ. Не обладалъ большими сокровищами, но имѣлъ довольно для своихъ нуждъ и даже для нѣкоторыхъ удовольствій жизни.

Служа Синдикомъ въ Сенатѣ, онъ весьма радовался, что въ вечеру вмѣстѣ съ своею супругою, пожилою и почтенною женщиною, могъ бесѣдовать съ веселымъ Цезаремъ.

У сего-то родственника молодой Адимарій нашелъ убѣжище, когда увидѣлъ себя изгнаннымъ изъ родительскаго дома, и съ той самой минуты Синдикъ спалъ почитая домъ

свой домоу Цезаря, но не говорилъ ему о томъ ни слова, предполагая, что онъ самъ догадается.

Въ самомъ дѣлѣ Цезарь привыкъ наконецъ думать, что онъ у себя дома, и тѣмъ болѣе былъ за то признателенъ, что благодарность не была ему воспрещена. Разговаривая въ одно время съ Синдикомъ, Цезарь объявилъ ему, что намѣренъ вступить въ морскую службу, Синдикъ одобрилъ его намѣреніе потому, что служба сія могла открыть ему свободный путь къ почестямъ и богатству; тѣмъ болѣе, что имя отца его было любезно отечеству и страшнo для враговъ.

Жюванни не замедлилъ узнать о возвращеніи Цезаря и о критическомъ его положеніи.

Лишь только онъ услышалъ о желаніи его вступить въ службу, какъ и сталъ изыскивать всѣ средства быть ему полезнымъ, почему немедленно отправился къ управляющему морскимъ департаментомъ, во время отсуствія Принца Мельфи, и выпросилъ отъ него обѣщаніе дать Цезарю такое мѣсто, гдѣ бы онъ скоро могъ найши случай отличиться. Жіованни желалъ бы сдѣлать болѣе, взявъ на себя удовлетворить всѣмъ нуждамъ нашего героя; но зная гордый и вспыльчивый духъ молодаго Адимарія, и боясь распротганъ его щекопливость, онъ оставилъ свое намѣреніе.

Сердце его внутренно страдало: онъ гнушался богатствомъ, котораго былъ единственнымъ обладателемъ, и не-

пораго часть почиталъ неправеднымъ приобрѣтеніемъ. Но какимъ образомъ избавитъся отъ сей тяжести его угнѣтавшей? — Не отъ него зависѣло возвратитъ Цезарю родовое имѣніе, потому, что фамилія Цигала была многочисленна, и Жіованни надѣялся даже, что когда нибудь сестра его или ея дѣти, по потребуютъ принадлежащей имъ части изъ наслѣдства.

Три года уже прошло съ того времени, какъ Розаура Цигала бѣжала съ кавалеромъ Фронзакомъ. Разгнѣванный отецъ не дѣлалъ никакихъ поисковъ, чтобъ открыть ея убѣжище; но Жіованни надѣялся, что его старанія не будутъ безплодны. Осуждая безразсудство сей дѣвицы, лишившее ее нѣжности отца, онъ

внутренно извинялъ ее, помышляя, что она уступила краснорѣчію обожаемаго любовника единственно съ тѣмъ, чтобъ избѣгнуть союза съ человекомъ непріятной наружности и жестокаго характера. Когда Жіованни вступилъ въ Мальтійскій орденъ, то сестра его была только десяти лѣтъ, и чрезъ четыре года послѣ сего она увезена была своимъ любовникомъ. Слѣдовательно Жіованни зналъ ее еще невиннымъ и любезнымъ ребенкомъ, котораго ласки были для него забавны и пріятны. Онъ не ощущалъ къ ней братней дружбы, и старался отыскать ее не потому, чтобы безъ нее скука снѣдала его сердце, но для собственной ея пользы.

Занимаясь симъ дѣломъ, слу-

чайнымъ образомъ узналъ онъ, что одинъ изъ кредиторовъ Адимарія, не давшій ему просимой отсрочки, расудилъ его задержать, чтобъ принудить заплатить за издержки при погребеніи его отца, думая симъ поступкомъ заставить Цезаря прибѣгнуть къ щедрости друзей своихъ.

Жіованни не размышляя о слѣдствіяхъ, какія могли произойти отъ его поступка, поспѣшилъ удовлетворить требованію кредитора. Исполнивъ сіе, вспомнилъ онъ о гордости Цезаря и обязалъ сего человека, никому не открывать имени того, отъ кого получилъ деньги. Молодой Адимарій съ своей стороны весьма удивился, когда, безпокоясь объ долгѣ, угрожавшемъ лишить его чести и свободы, прошивъ ожи-

данія узналъ, что оный былъ уплаченъ.

Онъ побѣжалъ къ кредитору, и сей послѣдній сказалъ, что ничего болѣе отъ него не пребудетъ, не обвѣявляя однакожъ къмѣ отданы были ему деньги. — Цезарь тотчасъ догадавшись, кому обязанъ былъ сею несносною для него службою, выпытывалъ о томъ кредитора: Онъ назвалъ многихъ особъ на удачу, смотря на него пристально, когда же произнесъ имя Жіованни Цигалы, то ему показалось, что кредиторъ отрицался не столь твердымъ голосомъ: — Подозрѣніе его оправдалось смятеніемъ сего человека, и онъ не спрашивая болѣе удалился.

Возвратясь домой, Цезарь вошелъ въ свою комнату, и открывъ маленькой ларчикъ,

заклучавній между нѣкоторы-
ми дорогими вещами послѣднее
письмо отца и локонъ его во-
лосъ, онъ вынулъ опшуда драго-
цѣнный персень, — имѣвшій
въ глазахъ его еще болѣе до-
стоинства.

Въ семъ перснѣ вставленъ
былъ солиперъ, который без-
смертный Андрей Доріа сорвалъ
съ руки одного Турецкаго Прин-
ца, и носилъ до нападенія Кар-
ла пятаго на Африку.

Во время сей компаніи, когда
ужасная и достопамятная бу-
ря разсѣяла Христіанской
флотъ и погубила лучшіе ко-
рабли онаго близъ Варварій-
скихъ береговъ; то одинъ изъ
нихъ, на коемъ находился моло-
дой Жіанештино Доріа, пле-
мянникъ Великаго Андрея, по-
палъ на мѣль, и подвергся не-
избѣжной участи бышь взя-

тѣмъ въ плѣнѣ непріятелемъ, Галера, на коей командовалъ его дядя, имѣвшій начальство надъ цѣлымъ флотомъ, находилась такъ же въ большой опасности. Адмиралъ, не могшій дать помощи своему племяннику по причинѣ отдаленности, былъ однакожъ довольно близко, чтобъ судить о бѣдственномъ его положеніи.

Весь экипажъ попавшаго на мѣль корабля, предпочитая смерть рабству, бросился въ море, надѣясь достигнуть Императорскихъ кораблей. — Но одинъ только Жіанеппино не погибъ; дядя долгое время смотрѣлъ на него, когда онъ боролся съ волнами, держась за весло, и не выпуская изъ рукъ флага, съ коимъ бросился въ морѣ. Нѣкоторые изъ экипажа Адмиральскаго корабля,

готовые всѣмъ пожертвовать для спасенія жизни молодаго человека, столь близкаго родственника храброму ихъ начальнику, сѣли тотчасъ на шлюбку и полетѣли къ нему на помощь; но не взирая на всѣ свои усилія, не могли поспѣть во время; потому что когда они приблизились, то Жанеттино исчезъ. Синьоръ Адимарій, молодой человекъ сильный и мужественный, видя опасность своего друга, бросился за нимъ въ море. — Онъ употребилъ всѣ силы, чтобъ противиться свирѣпости волнъ; и воспользовавшись минутою, когда молодой Дорій показался на поверхности воды, схватилъ его за волосы. — Шлюбка, близко за нимъ слѣдовавшая, выпатила ихъ обоихъ, и привезла на Адмиральскій корабль, при

всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ. При этомъ по случаѣ почтенный республиканецъ вскричалъ прижимая къ груди своей племянника: „Небо подвергло тебя сей опасности, чтобъ показать свѣту, что и Андрей Дорій можетъ такъ же проливать слезы!“ Сказавъ сіи слова, онъ снялъ съ руки драгоценный перстень, о коемъ мы говорили, и надѣлъ оный на палецъ Адимарія. Перстень сей сдѣлался залогомъ ихъ дружбы, и Цезарь видѣлъ въ ономъ доказательство храбрости отца своего и благодарности Дорія.

Цезарю оставалось теперь или принять услугу, оказанную ему Цигалою, или продать эту драгоценную вещь за насущную ея цѣну, или наконецъ предложить оную фами-

ліи Доріевъ, которая вѣроятно
 заплашила бы весьма дорого,
 чтобъ обратино получить та-
 кое сокровище. Всѣ сіи слу-
 чаи были равнымъ образомъ
 непріятны; однаковъ должно
 было сдѣлать непремѣнный вы-
 боръ. Ни на минути не оста-
 навливаясь на двухъ первыхъ
 случаяхъ, онъ долго размыш-
 лялъ о послѣднемъ. Безъ сом-
 нѣнія фамилія Дорія весьма
 много была обязана его отцу
 и пошому драгоценный сей по-
 дарокъ Андрея не иначе можно
 было считать, какъ только
 залогомъ вѣчной признатель-
 сти и дружбы. Однако же не
 смотря на то Адимарій, по
 смерти сего великаго мужа
 ничего не требовалъ у его фа-
 миліи. Хотя Андрей Дорій и
 доставилъ Синьору Адимарію
 мѣсто градоначальника въ Кор-

сикѣ, но лишь только онъ умеръ, какъ сіе мѣсто было опиято у его друга и отдано Цигаль.

Адмарій въ неудовольствіи за сіе, можетъ бытъ неосновательно приписывая такое оскорбленіе холодности къ себѣ Жіанепшина, началъ его чуждаться. Жіанепшино, Принцъ Мельфи, сдѣлавшись Адмираломъ республики и опцомъ многочисленнаго семейства, не имѣлъ болѣе свободнаго времени особенно заниматься своими друзьями. Адмарій же съ своей стороны совершенно оставилъ службу и такимъ образомъ связь ихъ сама собою разрушилась.

Адмиралъ былъ на морѣ въ то время, какъ его избавитель окончилъ дни свои и возвратился уже по стѣздѣ Цезаря

въ Сирію. Принцъ нѣсколько разъ спрашивалъ о сынѣ своего стараго друга, и Цезарь узнавъ сіе отъ Синдика, рѣшился пожертвовати Жіанеппину профеемъ, который до сего времени хранилъ какъ драгоценность. — Вошъ письмо, которое онъ писалъ къ нему съ смущеніемъ и дрожащею рукою:

„Принцу Мельфи,

„Ваше Превосходительство!
 „Вы безъ сомнѣнія извѣстны
 „о смерти моего родителя, и
 „жестокомъ несчастіи, быв-
 „шемъ причиною оной. Не спа-
 „ну распространяться о семъ
 „произшествіи, но вѣчно буду
 „его оплакивати. Я всего ли-
 „шился, кромѣ чести и почше-
 „нія къ самому себѣ.“

„Родитель мой оставилъ по-
 „слѣ себя много долговъ, кото-
 „рые были слѣдствіемъ тяжбы
 „и потери, претерпѣнной имъ
 „въ своей коммерціи. — Я все
 „сдѣлалъ, что отъ меня зави-
 „сѣло, лишь бы заплатить
 „долги сіи; но имущества мо-
 „его къ тому недостаточно, и
 „я принужденъ продать един-
 „ственную драгоценность, у
 „меня оставшуюся, чтобы из-
 „бавиться отъ одолженія, ко-
 „торое тѣмъ болѣе для меня
 „несносно, что сдѣлано Цига-
 „лою.

„Эта драгоценность есть
 „Бриліантовой перстень, дан-
 „ный отцу моему въ 1541 году
 „16 Октября во время ночи;
 „я не хочу, чтобы кто нибудь
 „посторонній владѣлъ онымъ;
 „не продалъ бы его даже для
 „спасенія собственной жизни;

„но крайность, въ коей нахо-
 „жусь теперь къ тому меня
 „принуждаютъ; и я вручаю сей
 „перстень племяннику Велика-
 „го Доріа только за ту сумму
 „денегъ, въ какой имѣю теперь
 „нужду. — Послѣ чего не ос-
 „тается мнѣ ничего болѣе ис-
 „кать: кромѣ славной жизни
 „или славной смерти.“

Цезарь Адимарій.“

Человѣкъ, претерпѣвшій на
 свѣтѣ всѣ возможныя горести,
 и взирающій на оныя съ фило-
 софской точки зрѣнія, не упу-
 ститъ замѣтить, что опыты,
 коимъ мы подвержены во вре-
 мя нашего здѣсь странствованія,
 всегда бывають съ той
 стороны, гдѣ мы болѣе чув-
 ствительны.

Какого бы рода ни была страсть, въ насъ господствующая; къ какой бы цѣли ни стремились наши усилія и надежды, мы шутъ по всегда и претерпѣваемъ самыя жесточайшія непріянности. Гордость была главнѣйшимъ порокомъ Цезаря, и всѣ несчастія его, казалось, происходили отъ одной причины. — Оскорбленія сей гордости: то долженъ онъ былъ сносить обиды, то благодаренія, его унижавшія; но во всемъ ясно видна была воля Провидѣнія.

Ничто не можетъ сравниться съ безпокойствомъ, какое ощущалъ Цезарь съ минуты отправленія письма до полученія отвѣта; — то одобряя, то осуждая свой поступокъ, смотря по расположенію духа; онъ находилъ слогъ или

слишкомъ гордымъ или слишкомъ низкимъ, и наконецъ спалъ сожалѣть, что лѣна и опытность научили его знать цѣну деньгамъ. Образъ отца представился его душѣ и тѣмъ болѣе пронулъ, что сей священный образъ присоединился къ воспоминаніямъ о счастливыхъ лѣтахъ независимости, въ которой онъ могъ надѣяться провести всю жизнь свою. — Цезарь находился въ чрезвычайномъ волненіи, когда вручили ему отвѣтъ Принца, и не имѣя силы прочесть онаго, онъ напередъ угадывалъ содержаніе письма:

Цезарю Адимарію:

„Вы заслуживаете съ моей стороны не меньшую благодарность, каковою я обязанъ

„былъ вашему покойному роди-
 „телю за 32 года до сего вре-
 „мени. Ни за что на свѣтѣ
 „не согласился бы я, чшобъ
 „кто другой кромѣ Доріа или
 „Адимаріа обладалъ перстнѣмъ,
 „о коемъ вы упоминаете. — Но
 „не оскорблю вашей чувстви-
 „тельности разсужденіями, ко-
 „торыхъ не упустилъ бы сдѣ-
 „лать въ другое время, и огра-
 „ничу себя просьбою, чшобъ
 „вы цѣнили эту драгоценность
 „какъ заблагоразсудите, и ду-
 „мали, что она остается въ
 „рукахъ моихъ только зало-
 „гомъ, который вы или ваши
 „наслѣдники могутъ всегда об-
 „ратно потребовать. —

„Казначей мой доставитъ
 вамъ письмо сіе, и получа пер-
 стень дастъ Ассигнацію въ
 Банкъ Святаго Георгія на по-

лученіе суммы, какую сами назначите.

„Когда кончите сіе дѣло, то я воспользуюсь правомъ дружбы, какую имѣлъ съ вашимъ родителемъ, чтобы доставить вамъ всевозможное повышеніе отъ меня зависящее по военной службѣ, въ которую, какъ я слышалъ, вы намѣрены вступить.

*Жіанеттино Дорій
Принцъ Мельфи.*

Успокоившись, Цезарь три или четыре раза прочелъ письмо, не понимая смысла онаго; но однако же оно облегчило сердце, страдавшее отъ ранъ, имъ полученныхъ, и въ первый еще разъ мрачныя черты лица его озарились лучемъ радости. Онъ приказалъ позвать казначея, потребовалъ имянно ту

сумму, какая была нужна. и отдавъ ему перстень съ краткимъ письмомъ къ Принцу, получилъ вышеупомянутую Ассигнацію.

Г Л А В А VI.

Теперь только сердце Цезаря, едвавшись свободнымъ подобно, инуго, натянутому, и вдругъ опущенному луку, приняло опять прежнее свое положеніе; всѣ страсти человѣческія: гордость, страдающая отъ щекоплевоси; предразсудокъ, сопротивляющійся душевной склонности; признательность и возраждающаяся надежда, соединясь вмѣстѣ, заставили его пролить источникъ слезъ. Въ сію уединенную мину, всѣ

радости, всѣ горести, всѣ не-
 чали и удовольствія, всѣ прі-
 ятности и недостаѣтки про-
 шедшей жизни, живо возобно-
 вились въ его памяти.

Слѣдовательно первому движе-
 нію страсти, кажепся слабо-
 стію въ глазахъ жителей хо-
 лодныхъ климатовъ; но нату-
 ра производитъ столько же
 разнообразія въ человѣческихъ
 характерахъ, сколько есть ро-
 довъ животныхъ и растеній; —
 такимъ образомъ въ жителяхъ
 полуденныхъ странъ ооще-
 нія до такой степени сильны,
 что они такъ же не могутъ
 скрыть движеній, происходя-
 щихъ въ душѣ, какъ и пере-
 мѣнитъ черты лица своего.
 Сіи народы искреннѣе насъ
 пошому, что они не стыдятся
 извѣлять своей страсти, ко-
 торая сама въ себѣ не заклю-

чаєть нічого преступнаго ; и совершенно не имѣють понятія о характерѣ Англичанъ, скрывающихъ сердечныя чувствованія, съ такимъ же тщаніемъ, какъ Музульмане своихъ женщинъ въ Гаремахъ, сохраняя подъ ледяною наружностію пылающій огонь.

Къ натуральному характеру своихъ соотечественниковъ, Цезарь присоединялъ обыкновенія того вѣка. Италійскія владѣнія безпрестанно были волнуемы ужаснѣйшими революціями, и все способствовало къ раздраженію духа паршій. — Каждый гражданинъ приспавалъ, или къ могущественному родешвеннику, или къ счастливому искашелю ; отъ чего превратности фортуны очевидно спановились примѣшнѣе даже и въ самыхъ малыхъ вла-

дѣніяхъ. Сильнѣйшія страсти были непрестанно въ движеніи; дружба и ненависть питались благодареніями и обидами, превышающими всякую мѣру, и сердце человеческое, презирая обыкновенными удовольствіями жизни, отваживалось, нимало не колеблясь, искать большихъ выгодъ. Въкѣ, о коемъ мы говоримъ, былъ изобилень, какъ величайшими преступленіями, такъ равно и чертами пылкаго Героизма. Тамъ видѣли брата, лишающаго жизни роднаго брата, имъ побѣжденнаго; сына умирающаго опѣ горести на могилѣ отца своего.

Цезарь Адимарій имѣлъ необузданныя страсти, которыя составляютъ характеръ или удивительный, или ужасный, смотря по тому, что оными

вздѣло; онѣ находился въ та-
кихъ лѣтахъ, когда человѣче-
скій разумъ получаетъ напра-
вленіе къ добру или злу, — на-
правленіе, которому долженъ
слѣдовать во всю жизнь; въ сію
эпоху, раздѣляющую юность
отъ совершенныхъ лѣтъ, ду-
ша, разсмотрѣвши вниматель-
но свои силы и надѣжды, всту-
паетъ на всегда, или въ мрач-
ную тропинку эгоизма, или
въ блистательный путь истин-
ной славы.

Цезарь ясно видѣлъ, что бу-
дущій его жребій зависѣлъ нѣ-
которымъ образомъ отъ об-
ществъ, которыя намѣревался
посѣщать, а такъ же и отъ
его привычекъ. Онъ радовался,
размышляя о томъ, что всту-
питъ въ кругъ знаменитой фа-
миліи Доріевъ; и однакожъ не-
вольно сожалѣлъ, что кропкій

Жіованни Цигала, могшій на всю жизнь привязать его къ себѣ. былъ единственнымъ твореніемъ на свѣтѣ, въ которому ему возпрещено было ощущать дружбу. Но увѣренъ будучи, что чѣмъ болѣе найдеть трудностей избѣгать и ненавидѣть столь любезнаго врага, тѣмъ болѣе пожертвуетъ сыновней любви, Цезарь не хотѣлъ терять времени, чтобы избавиться отъ одолженія, коимъ былъ ему обязанъ; почему немедленно пошелъ въ домъ его въ Спрада-Ломеллино, гдѣ сказали ему, что молодой Цигала былъ въ деревнѣ.

— „Въ которой, спросилъ Цезарь, въ Кампо-Морроне или въ Нерви?“

— „Въ Нерви.“

Цезарь имѣлъ мужество спр-
являться даже въ Нерви.

Жіованни прогуливался на
террасѣ, обращенной къ полу-
дню, на которой и въ зимнее
время можно было наслаждать-
ся пріятною теплотою; когда
ему доложили, что Синьоръ
Адмарій дожидается его въ
замкѣ.

„Не ошибся ли ты?“ спро-
силъ Жіованни слугу, которой
подтвердилъ слова свои. Тогда
Жіованни, догадавшись о цѣли
посѣщенія горделиваго Цезаря,
поспѣшилъ къ нему.

Адмарій пробылъ нѣсколько
времени въ комнатѣ, гдѣ про-
текли сладостнѣйшія минуты
его жизни, и видѣ сей комна-
ты, возбуждѣвъ въ душѣ его во-
споминанія, придалъ новую си-
лу ненависти, накую питалъ
онъ къ фамиліи Цигалы, и по-

гасилъ въ его сердце чувства расположенія, которыя прежде сего внушило ему великодушіе Жіованни.

Движенія и поступь его извѣляли необыкновенную гордость, когда онъ сказалъ подошедши къ Жіованни.

— „Вы безъ сомнѣнія знаете, что меня привело сюда, Синьоръ Цигала?“ Онъ произнесъ это имя съ особеннымъ выраженіемъ, какъ бы желая придать себѣ мужества.

— „Какого бы рода ни было это дѣло,“ отвѣчалъ Жіованни, но оно для меня пріятно, попому, что доставило удовольствіе васъ видѣть.“

Цезарь съ суровымъ видомъ пристально смотрѣлъ на него. — „Я не ожидаю, государь мой! того, чтобы вы сами признались въ поступкѣ, которой

хотѣли скрыть съ такимъ стараніемъ; но надѣюсь однако же, что вы откровенно станете отвѣчать на мой вопросъ: Были заплачены за меня долги Г. Перлошпи?“

Жюванни покраснѣлъ, не отвѣчая ни слова. Эпопѣ румянецъ и благородное молчаніе пронули Цезаря. Переменная голосъ и видъ, онъ продолжалъ: „Благодарю васъ за доброе намѣреніе, — вотъ все, что я могу сдѣлать для Пигалы. Молчаніе ваше есть отвѣтъ на вопросъ мой, и я вторично извѣщаю вамъ мою признательность;“ сказавъ сіе, онъ положилъ на сполъ кошелекъ и взялъ шляпу.

„Вы не великодушны?“ вскричалъ Жюванни съ необыкновеннымъ для него жаромъ.“

„Вы хотише сказать. . . . я неблагодаренъ!“ возразилъ

Цезарь бросивъ на него страшный взглядъ: “ Но знайте, что когда благодаренія оказываются намъ людьми для насъ ненавистными, то мы не имѣемъ нужды быть благодарными. Въ послѣдній разъ позволяю я вамъ оскорблять мои чувствованія. — “

„И такъ я ошибся въ вашемъ характерѣ.“ сказалъ Жіованни съ горестнымъ и вмѣстѣ благороднымъ видомъ, “ почитая васъ способнымъ къ чувствительности. — То, что почелъ я сыновнею любовію, было ничто иное, какъ... Но нѣтъ!... я не могу вообразить, чтобъ это была одна только гордость.“

Быстрый переходъ Жіованни отъ справедливаго гнѣва къ великодушнымъ чувствамъ, заславилъ Цезаря покраснѣвъ.

„И такъ чего же вы отъ меня требуете?“ сказалъ онъ смягчивъ голосъ.

— „Нѣсколько любви, какую каждый человекъ долженъ имѣть къ своему ближнему. — Я не могу снести такого обращенія ни отъ кого на свѣтѣ, а тѣмъ менѣе отъ васъ.“

— „Для чего такое исключеніе?“ спросилъ Цезарь, отворачивъ взоры.

„Эти стѣны дадутъ вамъ за меня отвѣтъ!“ сказалъ Жіованни тихимъ голосомъ.

— „Такъ, безъ сомнѣнія, онѣ мнѣ могутъ отвѣчать; жилище моего родителя... Это дерево, возвращенное его рукою... Церковь, гдѣ почивающъ его священные остатки, все взываетъ ко мнѣ, повѣщая.“ Цезарь вдругъ остановился, вспомнивъ объ обѣщаніи, копо-

раго требовалъ отъ Жіованни, когда встрѣтился съ нимъ въ церкви. Пораженный симъ воспоминаніемъ, онъ бросился на стулъ, закрывъ лицо руками.

Жіованни угадывая, что происходило въ душѣ его, хранилъ молчаніе. — Но спустя нѣсколько времени, Цезарь вспалъ и сказалъ съ глубокимъ чувствомъ: „Судьбу должны мы обвинять, Жіованни, потому, что она дѣлаетъ насъ неприятелями. Будьте вы сыномъ другаго, а не Цигалы, и вы нашли бы во мнѣ вѣрнѣйшаго друга; но въ моемъ положеніи тѣнь родителя моего возстанетъ и осыплетъ меня проклятіями, если я замедлю отъ васъ удалиться.“

Такимъ образомъ Цезарь снова избѣжалъ Жіованни,
Мал. Рыц. Ч. I. К

тщательно старавшагося удержать его, — и сей послѣдній видѣлъ опять свои намѣренія разрушенными, а благопшворительность отвергнутою. Куда ни обращалъ онъ свои взоры, вездѣ находилъ только предметы, долженствовавшіе бытъ для его сердца вѣчною пищею жестокихъ упрековъ.

Оставивъ Нерви, Цезарь спѣшилъ исполнить другую обязанность: принести Принцу Дорію благодарность за его къ себѣ милости. Однако же не ловко было идти во дворецъ въ такомъ распроенномъ духѣ, въ какомъ онъ находился, и потому Цезарь направилъ путь свой къ кварталу, занимаемому теперь Албергомъ; тогда же находились пути уединенныя боскешы, предлагавшіе ему пріятную тѣнь и средство

успокоиться. Но не успѣлъ онъ взойти на вершину пригорка, какъ размышленія его были прерваны шумомъ приближавшихся охотниковъ. Раздались смѣшанные голоса, лошадиный пошопъ и звукъ гремушекъ, навязываемыхъ на шею соколамъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ множество дамъ, кавалеровъ, пажей и сокольниковъ, въ веселомъ безпорядкѣ возвращавшихся по видимому съ птичьей охоты. — Различные цвѣта одеждъ и перьевъ, украшавшихъ дамскихъ лошадей, и странный уборъ на головахъ соколовъ, представляли пріятную картину разнообразія, и въ другое время Цезарь вѣроятно остановился бы взглянуть на оную; но теперь онъ желалъ скрыться отъ взоровъ сихъ людей, и для того повер-

нулъ въ темную проходную аллею, избѣгая встрѣчи съ охотниками; — какъ вдругъ вниманіе его обратилось на предметъ необыкновенный по тогдашнему времени. Это была небольшая открытая колесница, запряженная въ чепыре Неаполитанскихъ лошади. Сіи прекрасныя животныя казались Цезарю издали не болѣе гончихъ собакъ. — На нихъ надѣты были серебряные ошейники, къ которымъ прикрѣплялись возжи небесно-голубаго цвѣта. Молодая женщина, съ гибкимъ и прелестнымъ станомъ, стоя на колесницѣ управляла ими, и весьма соопвѣпствовала красивому экипажу. Вдругъ въпервъ приподнялъ легкую ея робу и обнаружилъ прекраснѣйшую ножку образованную Граціями; она покрае-

нѣла; и стараясь въ одно и то же время управлять лошадьми и сопровождаться въспру, въ такое пришла замѣшательство, что поравнявшись съ Цезаремъ уронила шарфъ свой. Онъ поднялъ оный и возвратилъ ей съ почтительнымъ видомъ, получа въ награду приятный взоръ прекрасныхъ голубыхъ ея глазъ.

Продолжая путь свой, Цезарь не могъ вытерпѣть, чтобъ еще однажды не оглянуться; прелесная незнакомка такъ же обернулась и смотрѣла на него. Поклонясь ей въпорично, онъ болѣе не останавливался: сердце и разумъ его слишкомъ заняты были другими мыслями, почему оставивъ охотниковъ наслаждаться веселіемъ, онъ спѣшилъ крат-

Мал. Рыц. Ч. I. К 2.

чайшею дорогою во дворець Дорієвв.

Тамъ испыталъ онъ пріятнѣйшія чувствования отъ благосклоннаго приѣма Дорія, который съ великимъ участіемъ вошелъ въ малѣйшія подробности, до него касавшіяся, и съ откровенностію разсуждалъ съ нимъ о причинѣ удаленія отъ себя стараго друга своего Синьора Адимарія. Теперь только Цезарь могъ видѣть, что отецъ его имѣлъ слишкомъ неограниченную идею о могуществѣ Принца, и что въ то время, когда почиталъ себя совершенно отъ него оставленнымъ, и рѣшился лучше молчать, нежели видѣть оправданными свои подозрѣнія, Принць Дорій, съ своей стороны, употребивши всѣ средства, отъ него зависѣвшіе, что-

бы услужить своему другу ;
видя, что усилія его къ тому
были тщетны и самъ началъ
такъ же удаляться отъ Ади-
марія.

Послѣ сего обьясненія, Це-
зарь не только убѣжденъ былъ
въ искренности чувствъ Дорія,
но даже и въ неутомимыхъ про-
искахъ стараго Цигала. Рев-
носно желая заслужить лю-
бовь Принца, онъ еще менѣе
былъ расположенъ сдѣлаться
другомъ сыну своего непрія-
теля.

Опккровенность была глав-
нѣйшею чертою Цезарева ха-
рактера , и теперь, когда ни
гнѣвъ, ни гордость не препят-
ствовали ему быть чистосер-
дечнымъ предъ Принцомъ , онъ
въ короткихъ словахъ расска-
залъ ему исторію всей своей
жизни, и ввѣрилъ ему свои же-

данія и намѣренія на будущее время.

Дорій былъ мореходецъ, но не придворный, и потому не могъ проникнуть въ глубину характера Цезаря. Онъ видѣлъ въ немъ только человека, нежелающаго никому быть обязаннымъ, и рѣшившагося положить основаніе своей фортуны. Однако же Цезарь просилъ знаменитаго своего друга о мѣстѣ на кораблѣ, и повышеніи емопрѣ по заслугамъ: онъ желалъ жить съ честію, почему и просилъ Адмирала такъ же покровительствовать ему противъ забвенія и зависти своихъ согражданъ.

Когда между прочимъ Цезарь сказалъ, что совершенно былъ равнодушенъ ко всѣмъ свѣтскимъ забавамъ, и что презиралъ блестящую наруж-

ность богатства, то Дорій разсмѣялся видя столько философіи въ человѣкѣ 24 лѣтъ, и похвалилъ его за такую скромность. — Но опытный наблюдатель легко замѣтилъ бы въ опчаянномъ краснорѣчии, съ какимъ сей молодой человѣкъ описывалъ свои несчастія, свое негодованіе и презрѣніе къ богатству, тотъ опасный порывъ чувствительности, которая рано или поздно найдеть для себя пищу. Поэтому, что и тогда даже, когда неуспѣшная гордость и мнимое почтеніе къ памяти отца заставляли его убѣгать Жіованни Цигалы, сія самая чувствительность тайно влекла его къ нему.

Адмарій предполагалъ вѣроятно, что Принцъ Дорій скажетъ чтонибудь вопреки на-

мѣренію его убѣгать Жіованни; но молчаніе Принца заставило его думать, что онъ одобряетъ сіе намѣреніе, и что безъ сомнѣнія почтетъ слабостію всякую перемѣну въ его поступкѣ. Въ самомъ дѣлѣ герой Генуи, обвороженный краснорѣчіемъ молодого человека, принялъ стремленіе спрасстей за силу истины; и видя, что Цезарь не принялъ ни малѣйшей услуги отъ Цигалы, совершенно увѣрился, что если будешь споспѣшествовать соединенію ихъ, то сдѣлаетъ великое насиліе правиламъ и сыновней любви Адимарія. Сверхъ того Принцъ зналъ Жіованни только по имени, потому что когда молодой Цигала возвратился изъ Мальты, то Дорій безпрестанно занимался или дѣлами граж-

данскими, или заботился о многочисленномъ семействѣ, котораго содержаніе весьма было для него обременительно. Слѣдовательно, онъ не могъ судить, до какой степени дружба Жіованни могла быть полезна Цезарю, и даже не подозрѣвалъ, чтобы склонности сего послѣдняго сражались съ принятыми имъ правилами, или, лучше сказать, съ порывами сердца, которую онъ принималъ за правила. Принцъ такъ же не замѣтилъ, что Цезарь, не довѣряя себѣ, ожидалъ отъ него только дружескаго согласія на то, чтобы разорвавъ узы пылкой природы, броситься въ объятія Жіованни, и содѣлаться благороднымъ соперникомъ ему въ любви и довѣренности.

Почтишая дѣло о семъ пред-

метѣ совершенно окончаннымъ, Принцъ условился съ Цезаремъ только въ разсужденіи будущей его службы, и попомъ представилъ его своей фамиліи. Адимарій очутился въ кругу молодыхъ и любезныхъ людей обоого пола; принялъ участіе въ ихъ забавахъ, и мрачное облако, доселѣ осѣнявшее чело его, на нѣсколько минутъ разсѣялось.

Г Л А В А VII.

Съ сего счастливаго дня участь Цезаря совершенно перемѣнилась; входъ во дворецъ Дорія былъ всегда для него открытъ, и хотя Принцъ не имѣлъ времени слишкомъ много заниматься дѣлами постано-

роняго для себя чловѣка, однако же никогда не показывалъ къ Цезарю холодноспи, и съ участіемъ принималъ его довѣренноспъ.

Въ Генуезской гавани дѣлались тогда приготовленія къ экспедиціи, надъ копорою Дорій долженъ былъ начальствовать. Онъ далъ Цезарю значительное мѣсто на собственномъ своемъ кораблѣ, заставивъ его до отплытія основательно учиться искусству, пребующему отъ тѣхъ, которые имъ занимаются, сполько же познаній, сколько и мужества.

Сообразно съ тогдашнимъ вкусомъ своихъ соотечественниковъ Цезарь читалъ въ юности своей много путешествій, слышалъ отъ отца своего о морскихъ сраженіяхъ, ко-

Мал. Рыц. Ч. I. Л

рыхъ сей былъ участникомъ; попомъ и самъ сдѣлалъ два мореплаванія; — слѣдовательно наспавленія племянника великаго Андрея, бывшаго однимъ изъ первыхъ мореходцевъ своего вѣка, принесли ему большую пользу. — Надежда веселы дѣятельную жизнь, сопряженную съ опасностями и славою, воспламеняла душу Цезаря, и горестъ о потерѣ отца замѣнила утѣшительная мысль, что изъ жилища вѣчнаго блаженства онъ могъ быть свидѣтелемъ подвиговъ сына своего. Будучи теперь спокоенъ въ разсужденіи долговъ, свободенъ отъ всякой обязанности, и почитая себя только еще дышащею фортуны, Цезарь легко могъ видѣть, что былъ предметомъ всеобщаго вниманія.

Перемѣна судьбы, возвративъ ему благородное чувство независимости, имѣла удивительное вліяніе и на его поступки. Цезарь скоро примѣтилъ, что ему не нужна уже была гордая наружность, чтобъ заставить почитать себя, а тѣмъ болѣе не имѣлъ необходимости извѣвлять взорами, что за малѣйшимъ оскорбленіемъ немедленно послѣдуетъ мщеніе. Будучи всегда благороденъ, теперь только онъ сдѣлался совершенно свободнымъ по тому, что имѣть долги, значитъ быть невольникомъ. Довольный своею участью, онъ по прежнему сдѣлался кроткимъ, любезнымъ и снисходительнымъ.

Экспедиція Республики, такъ какъ и всѣ предпріятія, копорыя бывають обнародываемы,

безпрестанно была отклады-
ваема. Цѣлюю оной было на-
мѣреніе вспомоществовать Ис-
панской арміи и флоту (сна-
ряжаемымъ слишкомъ медлен-
но) возвратити крѣпость Эл-
пенонъ-де Велецъ.

Эта крѣпость, находящаяся
недалеко отъ Африканскихъ
береговъ, была построена для
удержанія дерзкихъ предпріа-
тій Корсаровъ; — Мавры взя-
ли ее и всѣ Христіянскія Дер-
жавы единодушно рѣшились
опнять оную у нихъ обратно.
Самое благопріятное время къ
нападенію было то, когда всѣ
Корсары пускаются въ откры-
тое море, чтобы перехватить
галіоны, возвращавшіяся изъ
Америки. И такимъ образомъ
рѣшено было, чтобы Испанцы
тотчасъ по полученіи извѣс-
тія о ихъ оплывшій, сдѣлали

приступъ къ вѣрности: а Принцъ съ своими галерами успѣвалъ бы разбить Паратовъ, или покрайней мѣрѣ возпрепятствовать имъ подать помощь осажденнымъ.

Извѣстія сего столь долго не получали, что Цезарь, сначала горѣвшій непрерывнымъ получивъ приказъ къ отплытію, почувствовалъ, что надежды и желанія его получили другое направленіе. Марко Дорій, одинъ изъ сыновей знаменитаго его друга, возвратился изъ путешествія. Онъ былъ уменъ и ловокъ въ обращеніи, и съ самаго начала столько понравился Цезарю, что сей послѣдній искренно любилъ его. Марко былъ веселъ по капризу и умѣлъ шутить съ остроуміемъ, безъ которой никакое удовольствіе не показавъ

лось бы Цезарю пріятнымъ. При томъ же замѣтивъ, что шутки Марко никогда не обращались на него, онъ былъ признателенъ за такое его къ себѣ отличіе. Въ самомъ дѣлѣ шутки Марко, происходя болѣе отъ ума, нежели отъ сердца, были по большей части прищворныя. Сначала онъ шутилъ не принужденно, но видя, что его спали почитать оригиналомъ, вмѣсто того, чтобъ воздержаться, вознамѣрился еще болѣе питать способность свою къ остроумію.

Цезарь смѣялся, спорилъ и опять начиналъ смѣяться, когда Марко, слѣдуя своему равному своему характеру, въ одинъ и тотъ же день дѣлался попеременно, то строгимъ Цицикомъ, то роскошнымъ Сибаритомъ, исполненнымъ или на-

божності, или воинскаго духа. Принцъ, огорченный безпорядочными поступками одного изъ сыновей своихъ и безумными издержками другаго, не имѣлъ времени показать свое неудовольствіе, видя снранности Марко; встрѣчая его поутру въ костюмѣ суроваго философа, а въ вечеру въ убранствѣ Чичисбея, онъ только пожималъ плечами говоръ: „Какъ онъ глупъ!“ и просилъ Цезаря научить его одѣваться и дѣйствовать приспойнымъ образомъ.

Занимаясь то ученіемъ, то забавами, Цезарь переходилъ изъ скромнаго жилища Синдика въ веселой дворецъ Дорія. Рѣдко посѣщалъ онъ другіе дома, почему и не имѣлъ почти случая встрѣчаться съ Жюванни Цигалою, котораго

склонность къ уединенію и тишинѣ не мало способствовала такъ же къ удаленію ихъ другъ отъ друга. Если же и случалось имъ видѣться, то это было или во время диспургій, или въ публичныхъ церемоніяхъ. — Тогда образъ Цезаря возобновлялся въ сердце Жіованни, а Цезарь бывалъ задумчивъ цѣлый день. Жіованни болѣе не старался его искать; но выразительность, съ каковою онъ отъбчалъ на поклоны Цезаря, ясно показывала, что сія перемѣна происходила отъ нѣжности, а не отъ холодности. Онъ хотѣлъ показать, что Адимарій, получивъ независимое состояніе, не долженъ уже былъ опасаться преслѣдованій со стороны великодушнаго сына своего непріятеля, — преслѣдованій, не имѣв-

шихъ другой цѣли, кромѣ благо-
творительности.

Бывали минуты, въ которыя
Цезарь готовъ былъ остано-
виться Жіованни и предложить
ему свою дружбу; но одна
мысль противуполагала путь
непреодолимое препятствіе:
мысль объ отцѣ, *преданномъ*
смерти старымъ Цигалою.
При этомъ воспоминаніи бла-
госклонность удалялась отъ
его сердца и онъ продолжалъ
путь свой, опивращая взоры.
Жіованни всегда замѣчалъ сіе
движеніе, и наконецъ почто увѣ-
рился, что судьба опредѣлила
Адимарію и ему быть врага-
ми. Но будучи исполненъ до-
вѣренности къ мудрымъ пре-
допредѣленіямъ Всевышняго, онъ
упѣшилъ себя въ семъ несча-
стіи, и обратилъ склонности
свои на другой предметъ.—Та-

кая переѣна весьма легка для насъ, если одно только воображеніе бываешь источникомъ нашихъ чувствованій. Чтожь касается до Жіованни, то онъ перенесъ уже жесточайшія горести, когда предметъ нѣжнѣйшей привязанности, такъ сказать, испоргнуть былъ своею неблагодарностію изъ его сердца.

До сего времени Жіованни видѣлъ занимательный характеръ Цезаря тогда только, когда онъ предавался страстямъ своимъ; ему оставалось теперь узнать, съ какою удивительною ловкостію это самый характеръ могъ примѣняться къ каждому тѣну, и составлять прелѣсъ въ обществѣ. — Случайно приглашенъ онъ былъ въ одинъ домъ на вечеръ. Вошедши въ залу

нашелъ тамъ много гостей. Собраніе раздѣлено было на группы ; и въ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ Цезаря. Жіованни безпрестанно наблюдалъ всѣ его поступки, не будучи впрочемъ имъ примѣченъ, и замѣтилъ, что особы, окружающіе его, были любезнѣйшія изъ всего общества, между тѣмъ какъ краснорѣчіе и пріятность Цезаря помрачали ихъ всѣхъ.

Чѣмъ болѣе Жіованни смотрѣлъ на него, тѣмъ болѣе удивлялся тому, что онъ совершенно перемѣнился. Мрачное опечаяніе, свирѣпость раздраженной гордости исчезли ; и прекрасная фізіономія его выражала только остроуміе, искренность и веселіе. Куда ни обращались взоры Цезаря, повсюду извѣявали они крошечность и любезность ; онъ смѣялся ча-

сто съ видомъ человека, не оцущающаго ни страха, ни недѣлчивости. Вниманіе, которое къ нему имѣли, усугубляло въ немъ благосклонность и желаніе въ свою очередь удивляться другимъ.

Живость во всѣхъ движеніяхъ и чертахъ лица Цезаря, но болѣе всего безмолвное вниманіе слушателей, заставляли думать, что онъ рассказывалъ о какомъ либо занимательномъ приключеніи съ нимъ случившемся, или защищалъ любимое свое мнѣніе. Сколь очаровательно должно быть его краснорѣчіе, думалъ Жіованни, приковавшее, такъ сказать, в з о р ы всѣхъ и заставлявшее удивляться ему и самую зависпъ! — Онъ горѣлъ желаніемъ быть въ числѣ слушателей; но боясь произвѣсти замѣшательство,

прервавъ столь занимательный разговоръ, старался быть въ отдаленіи и наконецъ вышелъ изъ залы. Съ сего времени Цигала часто воспоминалъ объ этомъ вечерѣ, сожалься о томъ, что не могъ быть другомъ человека, коего природа одарила столь прекрасными качествами; но увѣренность, что Цезарь находился на пупи, который могъ привести его къ счастью, утѣшала Жіованни.

Характеръ Жіованни, отъ природы пылкій и романическій, не отвращалъ его однако же отъ законныхъ чувствъ родства, чтобы питать бесполезную и безнадежную привязанность. Съ того времени, какъ Цезарь не былъ уже оставленъ безъ всякой помощи, Жіованни менѣе спалъ имъ заниматься и началъ помышлять

о другихъ драгоценнѣйшихъ обязанностяхъ; онъ имѣлъ одно только желаніе открыть мѣсто убѣжище сестры своей.

Написавши фамиліи Фронзака, Жіованни получилъ въ отвѣтъ все свѣденія, какія только могли дать ему. — Они были слѣдующаго содержанія: спустя нѣсколько времени послѣ замужства, сестра его отправилась съ вѣнренымъ кавалеромъ въ Неаполь. Черезъ мѣсяць они поѣхали въ Сицилію; а отсюда въ Марсель, въ намѣреніи основать жителство свое во Франціи; но непостоянство кавалера не позволило ему исполнить этаго предпріятія; въ сіе время корабль проходилъ мимо одной гавани Папскихъ владѣній, и онъ вышелъ шамъ на берегъ, думая проѣхать Италію, чтобъ прибыть

во Францію сухимъ путемъ. Но съ сего времени не получали никакого извѣстія ни о кавалерѣ, ни о супругѣ его, ни о служителяхъ съ ними находившихся. Не извѣстно было: перемѣнили ли они прежнее свое намѣреніе, или претерпѣли кораблекрушеніе, или умерщвлены были разбойниками или наконецъ были живы, но скрывались, хотя не было никакой причины вѣрить послѣднему предположенію. Замокъ кавалера занятъ былъ однимъ изъ его родственниковъ, — законнымъ наследникомъ имѣнія; а мать его удалилась въ монастырь.

Послѣ сихъ свѣденій, самое вѣроятнѣйшее заключеніе было то, что Г. Фронзакъ съ супругою погибли на морѣ, потому, что когда бы они были

убиты, то вѣроятно коимъ-нибудь изъ служившей могъ избѣжать подобной участи; а если бы они живы, то не можетъ быть, чтобъ который-нибудь не оставилъ ихъ, и не возвратился на родину. Жюванни началъ отчаяваться въ успѣхѣ своихъ поисковъ, но не могъ рѣшиться совершенно оставить оныхъ, не побывавши въ Оспіи, той гавани, гдѣ они вышли на берегъ съ Сицилійскаго корабля, и гдѣ надѣялся узнать по крайней мѣрѣ объ участи драгоцѣнныхъ для себя особъ. — Намѣренія его не могли быть приведены къ исполненію до тѣхъ поръ, пока онъ навѣрное не узнаетъ жива ли еще безразсудная сестра его, или зашлапила жизнь за проступокъ молодости; а такъ же не оставила ли по

смерти дѣтей; это заеявило
 Жіованни, поручивъ управленіе
 имѣніемъ своимъ одному изъ
 родственниковъ, выѣхавъ изъ
 Генуи безъ надѣжды, но съ рѣ-
 шимостію ничего не щадить
 для исполненія сей священно
 обязанности:

Г Л А В А V I I I .

Въ то время, какъ Жіованни
 продолжалъ путь свой по Аль-
 пійскимъ горамъ, прилегаю-
 щимъ къ морю, размышляя о
 своихъ предпріятіяхъ и не зная,
 проведетъ ли ему свою жизнь въ
 уединеніи, или искать счастья
 въ нѣдрахъ семейственнаго со-
 юза, — Цезарь Адимарій мало
 по малу забывалъ прошедшія
 горести, колеблясь между
 Мил. Гьц. Ч. Л. М а.

страхомъ и надеждою , ко-
рую подавали ему новыя зна-
комства.

„Я иду въ Палаццо-Россо ,“
указавъ Марко Дорій вошедши
въ комнату Цезаря : „сдѣлай
милость , Адимарій , пойдёмъ
вмѣстѣ скучать бесѣдою мо-
лоденькой и неискусной ко-
кетки ; пожерпуй собою изб-
любви ко мнѣ? “

Цезарь разсмѣявшись прип-
ворно скучному виду , съ ка-
кимъ другъ его произнесъ сло-
ва сіи , припомнилъ ему , что
вся публика съ восторгомъ оп-
зывалась о Синьорѣ Бриньолет-
ти , и просилъ извяснить , что
не нравилось ему въ дѣвицѣ ,
которой всё удивлялись? Мар-
ко былъ расположенъ пропиво-
рѣчить , и потому безъ поща-
ды началъ крипиковать красо-
ту сей дѣвицы , доказывая , что

каждая прелесть въ ней помрачаема была смѣшными поступками. Онъ соглашался, что она имѣла опмѣнный палантъ говорить стихи экспромпомъ, (импровизеръ) и что голосъ ея имѣлъ очаровательную пріятность; но, говорилъ онъ, самонадѣянность въ такихъ юныхъ лѣтахъ совсѣмъ не извинительна, даже и тогда, когда бы Беатриса имѣла геній Сафо. Припомъ же она весьма равнодушно судитъ о всѣхъ предметахъ вообще; и если иногда случается, что разговоръ коснется до такихъ, о которыхъ и понятія не имѣетъ, то сие ни мало не приводитъ ее въ замѣшательство; она продолжаетъ говорить и старается отдѣлаться замысловатыми шутками или забавными глупостями. Невѣжество есть

главнѣйшее достоинство женщинъ, прибавилъ Марко, и они гораздо бывають любезнѣе тогда, когда молчатъ? Правда, продолжалъ онъ, здоровье и цвѣтъ юности придають Беатрисѣ большія прелести; но надобно признаться, что красота ея слишкомъ уже блистательна и не имѣетъ никакой нѣжности; ее можно скорѣе уподобить персику, нежели розѣ. Прекрасныя маленькія ножки ея, весьма дурны — потому, что главнѣйшую красоту составляетъ пропорціональность во всѣхъ частяхъ, а ноги ея слишкомъ малы для поддержанія тѣла.

Цезарь прервалъ громкимъ смѣхомъ слова сіи, но Марко, ни мало оный того не смѣшавшись, продолжалъ съ философскою важностію охуждать пре-

лестныя глаза и бѣлыя зубы своей двоюродной сестрицы; утверждая, что они возбуждаютъ въ немъ отвращеніе.

„Они меня ослѣпляютъ,“ вскричалъ онъ, „потому, что я ненавижу слишкомъ блестящіе предметы, и никогда не смотрю ни на глаза, ни на зубы хорошенькихъ женщинъ. Но пойдѣмъ, Адимарій, — судьбѣ угодно, чтобъ я не избѣжалъ сегодня сихъ отвратительныхъ для меня предметовъ, по крайнѣй мѣрѣ ты со мной будешь на нихъ смотрѣть.“

Цезарь уступилъ его просьбѣ, и пошелъ съ нимъ въ Палаццо-Россо. Теперь мы должны познакомить нашихъ читателей съ молодою особою, копорую Марко представилъ намъ въ столь странномъ видѣ.

Съ большими голубыми гла-

зами, въ которыхъ блисталъ огонь молодости, съ физиономією, какую описалъ намъ Марко, Беатриса Бриньолетти соединяла темно каштановые волосы, разсыпанные большими локонами по снѣгу подобной шеѣ, и была прекрасна вопреки самымъ правиламъ о красотѣ. — Походка ея столь была легка, что уподоблялась танцованію. Въ другой особѣ эта походка показалась бы принужденною, но въ ней всѣ сіи соразмѣрныя движенія казались только дѣйствіями веселости духа; замѣтнаго не только въ глазахъ ея, устахъ и розовыхъ щекахъ, но даже и въ волнующихся локонахъ волосъ.

Сія веселость придавала ей видъ самонадѣянности и даже дерзости, и особы гораздо разсудительнѣйшія Марка Дорія

безъ сомнѣнія такъ же желали бы видѣть въ ней поболѣе стыдливости ; но въ 17 лѣтъ, со всѣми своими талантами, Беатриса была точно такимъ же ребенкомъ въ выборѣ забавъ, въ своихъ капризахъ, и презрѣннѣе къ свѣтскому мнѣнью, какъ и въ то время, когда играла куклой, или гонялась за пестрыми бабочками по зеленому лугу. — Она была забавна, ласкова и любезна какъ дитя, и объ ней судили точно такъ, какъ объ ребенкѣ, потому, что самый угрюмый человекъ не могъ сопротивляться прелестной ея улыбкѣ, и самое хладнокровное сердце не могло не пронуться, когда она хотя и не надолго предавалась своей чувствительности — почему очень мало было такихъ людей, которые бы сами поду-

вали, или рѣшились сказать ей: — Что веселость ея иногда доходила даже до нескромности.

Беатриса была единственная дочь и наследница богатаго имѣнія и находилась подъ опекою матери своей, которая сдѣлалась было набожною; но не имѣя власти, а можетъ быть и желанія жить уединенно, принимала у себя лучшее общество и показывалась въ немъ съ лицомъ, которое въ суровости ничѣмъ не уступило физиономіи Медузы. Доріи величали прекрасную наследницу двоюродною сестрицею, но родство ихъ было очень дальнее, — а главною причиною связи между сими двумя фамиліями предполагали взаимное желаніе заключить брачный союзъ.

Маркиза Бриньолеши согласна была, чтобъ дочь ея вышла за мужъ за наследника знаменитаго дома Доріевъ, и молодой человекъ съ своей стороны всячески старался снискать любовь сей дѣвицы; но Беатриса, не будучи холодною, ни мало не прогалась однако же вздохами своего любовника.

Въ публикѣ носился слухъ, что Цинтіо Дорій отъ того только не получалъ успѣха, что другой молодой Генуезскій дворянинъ, не уступающій ему въ знатности, былъ его прекраснѣе, и не столько былъ влюбленъ, что бы не ловкимъ образомъ волочипься. Какъ бы то ни было, но разрывъ съ Цинтіо былъ рѣшительной; предполагаемаго соперника удалили и принудили къ молчанію; а Беатриса занялась од-

нимъ Піемонтскимъ дворяничномъ, прїѣхавшимъ за нею изъ Турина, который казалось по всей вѣроятности, не замедлитъ завладѣть крѣпостію.

Всѣ сіи свѣденія и многія другія Марко сообщилъ другу своему въ то время, когда шли они вмѣстѣ въ Палаццо-Россо. Утро было прекрасное, изъ числа шѣхъ, какіе бывають только въ одной Италіи. Небо было ясно и только прохладный паръ съ моря умѣрялъ жаръ солнечный. Свѣжій воздухъ, движеніе и интересный разговоръ, придавали красивой фізіономіи Цезаря новыя прїятности, и когда Марко спалъ рекомендовать его, то прекрасная Беатриса подарила Адимарію прелестнѣйшимъ взоромъ. Она вскрикнула, давая шѣмъ знать, что видала его

прежде, и Цезарь тотчасъ вспомнилъ о красавицѣ управлявшей блестящею колесницею, которую онъ встрѣтилъ во время своей прогулки. Беатриса весьма рада была случаю изъяснить ему свою признательность за услугу, которую онъ оказалъ ей поднявши шарфъ, и сказала несравненно болѣе, нежели сколько прѣбывала простая учтивость, что заставило Цезаря почти согласиться съ мнѣніемъ Марка. Онъ улыбнулся, наговорилъ ей въ свою очередь комплиментовъ, и потомъ обратясь къ Маркизѣ, оставилъ друга своего продолжать разговоръ съ молодою особою.

Болтливая Беатриса, но не до такой степени, какъ описалъ ее Марко, начала дѣлать насмѣшки на счетъ задумчиво-

сти сего послѣдняго и печальнаго его пона, похваляя веселость Французовъ и Пиемонтцевъ видѣнныхъ ею при Туринскомъ дворѣ; она спала рассказывать о путешествіяхъ ею сдѣланныхъ, прося Марко рассказать такъ же и свои; — припомнила ему игры и ссоры, какія они имѣли между собою въ дѣтствѣ, съ такою пріятною веселостію и вмѣстѣ чувствительностію, что Цезарь невольнымъ образомъ обратилъ вниманіе на ея рѣчь, удивляясь въ то же время упрямой холодности, съ какою Марко ее слушалъ.

„Ахъ! Братецъ,“ сказала она вставши вдругъ, „не хотите ли вы видѣть моихъ голубковъ? У нихъ крылышки похожи совершенно на крылья Амура, — и онъ могъ бы упо-

требить ихъ перья для своихъ
спрѣль; пойдете въ ппич-
никъ. “

„Какая мнѣ нужда до голу-
бей? “ сказалъ Марко, прип-
ворно зѣвая. — „Нѣтъ ли у
васъ филина, онъ гораздо благо-
разумнѣе ихъ съ виду. “

„Вашъ ласковый отвѣтъ, “
подхватила Беатриса, “ и зер-
кало, которое подлѣ васъ, до-
ставило бы мнѣ случай ска-
зать острое слово но я
терпѣть не могу филиновъ, и
вы, если угодно, оставайтесь
въ гостинной. Синьоръ Адима-
рій! не угодно ли вамъ со мною
идти? “

Не было никакого средства
сопротивляться дѣтской доса-
дѣ, которую выражалъ ея го-
лосъ, и Цезарь вспалъ, чтобъ
за нею слѣдовать, какъ вдругъ
Маркиза съ недовольнымъ ви-

домъ спросила у дочери : куда ты идешь?

„На верхъ въ голубяшню, маминька,“ отвѣчала она, и сказавъ сіе скрылась.

Цезарь пошелъ за нею въ воздушный садъ, сдѣланный на обширной террасѣ, кошую поддерживали мраморные портики. Цвѣтники покрыты были прекрасными растѣніями и разнообразными кустарниками; гранатовыя деревья своими пунцовыми цвѣтами украшали золотую рѣшетку; подлѣ нихъ росли подсолнечники и желтыя розы. На концѣ террасы построены былъ птичникъ, защищаемый отъ солнечныхъ лучей розовыми акаціями; прозрачный фонтанъ билъ внизу террасы и, доставая до высоты сего волшебнаго сада, про-

изводилъ въ ономъ пріятную прохладу.

Беатриса стала выкликать своихъ голубей, и показывая ихъ одного послѣ другаго Цезарю, рассказывала ему достоинства каждаго, а между тѣмъ собственныя ея прелести возрастали, когда она говорила. Отъ красоты птицъ, разговоръ дошелъ до красоты людей, и Беатриса съ нескромною искренностію призналась, что предпочитаетъ оную всему на свѣтѣ. Она сказала, что голова ангела истребителя на картинѣ Мишель-Анжа, видѣнная ею въ Туринѣ, была по ея мнѣнію образцомъ мужеской красоты, и при сихъ словахъ подняла выразительные глаза свои; но встрѣтившись со взорами Цезаря, на нее устремленными, пришла въ замѣшательств-

во ; однакожь не могла не сказать того , что находила въ немъ большое сходство съ образцомъ , изображеннымъ на картинѣ.

Лишь только Беатриса произнесла сіи слова , какъ щеки ея покрылись живымъ румянцемъ. — Цезарь также покраснѣлъ , — и они оба замолчали ; наконецъ Беатриса , побѣжденная стыдомъ , ушла въ гостиную къ своей матери , оставя Цезарю время выпить изъ замѣшательства и послѣдовать за собою. До самаго окончанія визита , разговоръ былъ общій ; и хотя рѣзвая Беатриса все еще не переспавала шутить надъ странностями Марка Доріа , однако же всякой разъ , обращаясь къ Цезарю , невольно краснѣла ; но теперь она краснѣла болѣе отъ удовольствія ,

нежели отъ стыда. Забывши о своей нескромности, она не могла довольно насмотрѣться на прекрасныя черпы лица Цезаря, удивляясь гордому его виду, нѣсколько смягченному, но все еще примѣтному и прелестной ловкости всѣхъ его движеній.

На другой день Цезарь опять пошелъ въ Палаццо-Россо, потому, что Синьора Бриньолепти пригласила его съ своимъ двоюроднымъ братомъ на чашку шоколаду, чтобъ присутствовать при урокъ, который будетъ давать ей одна славная пѣвица, проѣзжавшая чрезъ Геную въ Туринъ. Они не замедлили прийти къ ней, потому, что Марко Дорій былъ въ этотъ день расположенъ къ учтивости, а Цезарь до безумія любилъ музыку. Маркиза

была у обѣдни, и Графъ Кагліари, Піемонтскій обожатель, опершись рукою на спинку кресель Беатрисы, подавалъ ей теплыя тирады, подымалъ букетъ, когда она его роняла, и всякой разъ возвращая ей оныя оставлялъ у себя поцѣпку; однимъ словомъ, онъ поступалъ какъ человѣкъ увѣренный, что имѣетъ надежныя мѣсто въ сердцѣ женщины, и гордящійся правами, какія это мѣсто ему давало.

Въ эту минуту Цезарь не замѣтилъ, но послѣ вспомнилъ, что когда онъ съ вопрошающимъ видомъ взглянулъ на Доріа, видя Графа столь близкимъ къ Беатрисѣ: то сія послѣдняя немедленно перемѣнила поступки свои съ Кагліари, слушала комплименты его съ разсѣянностію, и наконецъ уда-

дась отъ него, притворилась столько занятою съ прочими госпями, что ему никакъ нельзя было подойти къ ней.

Между пѣмъ, какъ маленькое общество, собравшееся у Беатрисы, старалось чѣмъ нибудь занять до прибытія славной пѣвицы, она подбѣжавъ съ пріятностію къ Марку, сказала ему: “ вы сего дня выползли изъ своей бочки, любезной мой Діогенъ! скажите, какъ мнѣ васъ назвать теперь?”

— „Вашимъ невольникомъ, прелестная Беатриса, потому что ничего не видалъ очаровательнѣе съ той минуты. . .“

— „Безъ сомнѣнія съ той минуты, какъ въ послѣдній разъ смотрѣлись въ зеркало?“ прервала она обратясь къ Цезарю; а вы, Синьоръ Адимарій, въ какомъ сегодня расположеніи ду-

жа? сдѣлайте милость скажите, мнѣ не хочется съ перваго свиданія разорвать нашего знакомства, что легко можетъ случиться, если я вамъ почему нибудь не понравлюсь; а мнѣ весьма хотѣлось бы, чтобъ вы оба полюбили меня.“ Сказавъ сіи слова, она сдѣлала ловкой поклонъ и потупленные ея взоры довершили надъ ними побѣду.

„Не вамъ, сударыня,“ сказалъ Цезарь съ живостию, „должно примѣняться къ расположенію другихъ, потому что вы владычествуете надъ всѣми.“

„Ахъ, Боже мой! вотъ мой гонитель!“

„Кто? Графъ Каглиари? вскричалъ Дорій.“ А я думалъ, что онъ вамъ очень нравится.

— „Онъ мнѣ нравится! до сей минуты я сносила его при-

существо, но со вчерашняго дня я его ненавижу.“

„Браво,“ возразилъ Марко, „я по всему вижу, что мы созданы другъ для друга. Вы ненавидете его со вчерашняго дня! Браво! моя голова очень походитъ на флюгеръ, — однакожъ, все не столько непосредственна.“

Беатриса, стараясь избѣжать Графа, и вмѣстѣ обращая особенное вниманіе на Цезаря, не отвѣчала ничего на это колкое замѣчаніе. Наконецъ, когда удалось ей уйти отъ докучливаго своего обожателя, она сказала Цезарю: „Можетъ ли быть что нибудь несноснѣе преслѣдованій того человека, котораго не любишь?“

— „Конечно нѣтъ ничего несноснѣе, когда особа, нами любимая, насъ убѣгаетъ.“

— „Такъ вы еще сожалѣете объ этомъ дерзкомъ? — говорите въ его пользу?“ слова сіи произнесены были крошкѣмъ и вмѣстѣ укоризненнымъ тономъ.

— „Я думаю, что нѣтъ человека на свѣтѣ, возразилъ Цезарь, который бы, забывъ о самомъ себѣ, спалъ просить васъ за другаго?“

Это возраженіе было ничто иное, какъ натянутая учтивость, но Цезарь сказалъ ее улыбаясь, и не успѣлъ еще кончить, какъ Беатриса, покрасившись какъ роза, сказала съ обыкновенною ей нескромностію: „я вижу, что съ вами не надобно шутить, вы слишкомъ опасны!“ и ушла отъ него съ такою же поспѣшностію, какъ и вчера.

„Прелестное и вмѣстѣ стран-

ное твореніе!“ сказалъ Цезарь, нѣсколько смущенный въоричнымъ ея бѣгствомъ. Въ продолженіи утра много разъ случалось ему дѣлать это примѣчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ Цезарь подошелъ къ Беатрисѣ, разговаривавшей съ Маркомъ. Примѣтивъ его она пошупила на минуту глаза, но скоро подняла ихъ съ споль прелестнымъ и свѣтлымъ взоромъ, что Адимарій не удержалъ, чтобъ не спросить на ухо Дорія: “не беспокоитъ ли его этотъ блескъ?”

Беатриса хотѣла знать, о чемъ они шептали, и Марко будучи въ духѣ, далъ Цезарю время отвѣчать только взглядомъ, который Беатриса могла извяснять какъ хотѣла.

„Что бы сдѣлать честь

этимъ прекраснымъ глазкамъ, „сказалъ Дорій, „ надѣлъ я сегодня голубую мантію; люди могутъ подражать ихъ цвѣту, но только одинъ Прометей выразитъ э т о т ъ небесный огонь, въ нихъ блистающій. Надѣюсь, что прекрасная сестрица наградитъ меня за э т о т ъ комплиментъ улыбкою. “

„Если бы вы попросили меня вздохнуть: то я весьма удивилась бы вашей дерзости; но улыбка, такая малость. . . . Ничто иное какъ самая мѣлкая монета въ сокровищѣ сердца; — милостыня, которую даютъ нищему, васъ преслѣдующему. — И такъ будете ли вы довольны, если я ихъ имѣю тысячу къ вашимъ услугамъ? “

„Слѣдовательно вздохъ почитаете вы самымъ дорогимъ

подаркомъ, какой только дать можете ?“ сказалъ Цезарь, который теперь только въ первый разъ ощутилъ движеніе въ сердцѣ, говоря съ нею ; „однакожъ я видѣлъ на щекахъ вашихъ прелестнѣйшій румянецъ, который цѣню выше всѣхъ сокровищъ Индіи.“ Беатриса тотчасъ догадалась, что онъ хотѣлъ сказать.

„Клянусь святою дѣвою, она расточаетъ для меня и то и другое,“ вскричалъ Марко, примѣтивъ, что удовольствіе заставило Беатрису въ одно время покраснѣть и вздохнуть, „но мнѣ дарятъ ихъ за ничто ; совсѣмъ не желалъ бы такихъ подарковъ. Надобно думать, Адимарій, что сокровище заключаетъ въ себѣ много фальшивой монеты.“

Въ эту минуту Графъ Кат-
Мал. Рыц. Ч. I. О 2.

ліари подошелъ проспитъся съ Синьорою Бриньолешти. Онъ обидѣлся, замѣтивъ, что она старалась убѣгать его; но желая показать, что пренебрегаетъ ею и что твердо увѣренъ въ ея къ себѣ благосклонности, онъ взялъ руку Беатрисы, поцѣловалъ оную съ холоднымъ видомъ, и вышелъ изъ залы, бросивъ во кругъ себя презрительный взоръ.

„Вы не сказали намъ еще, милая сестрица,“ продолжалъ Марко, „цѣны вашего подарка? Безъ сомнѣнія это какая нибудь единственная медаль, выбитая въ честь какой нибудь неизвѣстной особы.“

„Конечно единственная, потому что одинъ край у ней опломленъ,“ подхватила Беатриса съ досадою; потомъ помолчавъ нѣсколько, она продол-

жала опять съ искренностію:
 „Я знаю какое было намѣреніе
 Графа Каглиари. Онъ хотѣлъ
 дать замѣнить вамъ и Синь-
 іору Адимарію, что я его всѣмъ
 предпочитаю, но этаго никогда
 не будетъ! Если вы станете
 ѣздить каждый вечеръ въ наше
 собраніе, то увидите какъ я
 унижу его щеславіе.“

Цезарь и Марко молча покло-
 нились Беатрисѣ: Марко улыб-
 нулся, но Цезарь былъ суріо-
 зенъ. Пѣвица не пріѣзжала,
 и гости подождавъ еще нѣс-
 колько времени, наконецъ развѣ-
 ѣхались.

Возвращаясь съ Адимаріемъ
 домой, Марко забавлялся на-
 смѣшками на счетъ женскихъ
 хитроспій и капризовъ. Онъ
 готовъ былъ биться объ закладъ,
 что Беатриса сожалѣла уже
 о успѣхѣ своей хитрости; по-

тому что обращеніе ея съ Графомъ почиталъ онъ жестокою шуткою или дѣйствиемъ скоро проходящей досады. Марко видѣлъ только однихъ застѣнчивыхъ женщинъ, или кокетокъ и слѣдовательно не могъ найти истиной причины поступковъ Беатрисы. Что же касается до вниманія, которое она оказывала къ Цезарю, то онъ почиталъ оное совершеннымъ ребячествомъ, или лучше сказать, средствомъ внушить ревность настоящему своему любовнику.

Цезарь же напротивъ того слишкомъ былъ увѣренъ въ искренности женщинъ, чтобы сдѣлать такое заключеніе; но будучи скромнѣе, онъ не могъ повѣрить, чтобъ Синьора Бринолетти принимала въ немъ участіе, какое замѣтилъ

Марко. — Почему оспоривая доказательства своего друга и свидѣтельство глазъ его ; онъ видѣлъ въ взорахъ и словахъ Беатрисы одно только дѣйствіе случая ; и молодые люди разстались, не убѣдивши другъ друга.

Г Л А В А IX.

Какого бы роду ни было участіе , принимаемое въ Цезарѣ Синьорою Бриньолешши, но по только достоверно , что онъ почиталъ ее не болѣе , какъ милымъ ребенкомъ, и сія мысль препяшествовала ему замѣнить опасность , продолжаясь визиты свои съ Маркомъ Доріемъ въ Палаццо-Россо.

Въ самомъ дѣлѣ. Беатриса

имѣла множество талантовъ, дѣлавшихъ ее иногда выше самой себя. Она пѣла съ выразительнымъ чувствомъ и нѣжною свободою. Въ стихахъ, говоримыхъ ею эвспромпомъ, видно было нѣчто большее, нежели обыкновенное свѣтское остроуміе. — Лестецы называли это вдохновеніемъ, но въ самомъ дѣлѣ талантъ сей былъ ничто иное, какъ восторгъ тенія, не обработаннаго ученіемъ и не очищеннаго справедливою криптикою: онъ походилъ на Метеоръ, блистающій скоропроходящимъ сіяніемъ, или на цвѣты, лишенные корня, которые на одинъ день только назначены украшать вазу или гирлянду. Цезарь видѣлъ въ Беатрисѣ, прославляемой всѣми какъ нѣкое чудо, только молодую особу, обѣщающую

со временемъ сдѣлаться по своимъ талантамъ любезною женщиною.

У Маркизы всякой вечеръ собирались гости, — и наши молодые люди скоро привыкли быть всякой разъ въ числѣ оныхъ. Сначала они оставались тамъ на самое короткое время, но въ послѣдствіи визиты ихъ продолжались долѣе. Цезарь первый пожелалъ этого, и наконецъ сталъ оставаться уже и послѣ ухода своего друга. Невнимательностьъ, съ какою принимала Беатриса исканія Графа Каглиари, и особенное вниманіе ея къ Цезарю, сначала не сдѣлали надъ симъ послѣднимъ никакого впечатлѣнія; но скоро онъ самъ сталъ стараться заслужить оное, и на послѣдокъ занимался въ обществѣ одною только Беатри-

вою, потому что страстно
въ нее влюбился.

Сколько бы унилась человеческая натура, еслибы кто раздралъ завѣсу, закрывающую ея слабости! однакожь должно признаться, что еслибы возможно было достигнуть источника страстей, ощущаемыхъ многими мужчинами къ женщинамъ ихъ недостойнымъ, или совершенно разнаго съ ними характера: то нашли бы, что по большой части страсти сіи рождаются отъ тщеславія; и потому страсть Цезаря должны мы приписать сей же самой причинѣ. Въ одинъ вечеръ Марко Дорій пришелъ къ нему, чтобы по обыкновенію итти вмѣстѣ въ Палаццо-Россо. Сей молодой чудакъ вздумалъ утверждать, что чувствовалъ

себя вдохновеннымъ Богомъ поэзіи; почему наспоятельно просилъ Цезаря выслушать стихи, которые онъ сочинилъ ему въ похвалу, и въ ту же минуту, не внимая представле- ніямъ, какія Цезарь по скромности спалъ было ему дѣлать, Марко началъ декламировать сонетъ въ честь красоты его, писанный нѣсколько высокопарнымъ, однако же не дурнымъ стилемъ. Цезарь захохоталъ, почитая это новою чертою странности забавнаго своего друга; но какъ онъ удивился, когда Марко объявилъ, что стихи были не его сочиненія, а Синьоры Беатрисы Бриньо-летти, и что онъ тихонько унесъ ихъ съ ея письменнаго столика? — Тщетно Дорій показывалъ ему оригиналъ написанный ея рукою, и клялся,

Мал. Рыц. Ч. I. II

что отроду не могъ сложить двухъ стиховъ. Цезарь съ упрямствомъ припворялся, что не вѣрилъ ему; внутренне думая противное.

Послѣ сего случая Цезарь могъ ясно замѣтить власть свою надъ юнымъ сердцемъ, которымъ желалъ обладать. Свѣтлые взоры и румянецъ на щекахъ Беатрисы, всякой разъ какъ онъ приближался къ ней, не требовали исполкованія. Глаза ея весьма часто устремлены были на Цезаря, и единый взглядъ его достаточенъ былъ для того, чтобы заставить ее съ жестокостію отгонять отъ себя Графа Кагліари. Она пѣла и танцовала только по его просьбѣ, рвала цвѣты только для него, закуски принимала только изъ его рукъ: и если онъ хотѣлъ за-

ниматися охотою, то настоятельно просила его брать лучшего сокола и любимую свою лошадь.

Несчастливая привычка удовлетворять страстям своимъ, полученная Беатрисою съ издѣтельства и усилившаяся отъ воспитанія, превзошла въ ней даже стыдливость, столь свойственную молодымъ дѣвицамъ: она измѣняла безпрестанно своей склонности, потому что обнаруживая оную, удовлетворяла тѣмъ своему удовольствію. Любовь ея не была та страсть, которая примѣнна бываетъ отъ самыхъ усилій оную скрывать, не была та страсть, которая заставляетъ предпочитать смерть безчестию; и будучи внушена удивленіемъ высокимъ качествамъ сердца и ума, можетъ продол-

жались многие годы, питаясь только совершенствами любимого предмета. Но эта любовь была такого рода, которую ощущают иногда при переходѣ изъ дѣтства въ тотъ возрастъ, въ которомъ чувственность и воображеніе часто приняты бывають за гласъ сердца и разсудка, и въ которомъ привязанности могутъ быть пламенными, но никогда не могутъ быть основательными.

Цезарь ощущалъ иногда неприятное впечатлѣніе при мысли о своемъ неблагоразуміи; но оно никогда не было продолжительно, потому что онъ тотчасъ находилъ множество сладостныхъ и пріятныхъ для себя извиненій. При томъ же самолюбіе, потребность сердца, не могшаго обойтись безъ

сильныхъ побужденій, и волненіе чувствъ, внушаемое прелестьями красоты и юности; — все сіе весьма занимало пылкую душу Цезаря.

Между тѣмъ Марко Дорій шутилъ на счетъ ихъ взаимной склонности; но съ такою тонкостію, что они не смѣли признаться, что онъ понималъ ихъ, и не могли сами догадаться о привязанности, которую ощущали другъ къ другу. Смотря по расположенію духа своего, Марко Дорій почиталъ любовь, по вѣтренности, по благороднымъ чувствамъ. Иногда, подобно какому нибудь романическому герою, онъ дѣлалъ изъ нее божество, но въ другое время судилъ о ней съ спрогостію ученика Зенона. Никогда однако же не имѣлъ онъ столько благоразумія или

состраданія, чтобы напомнить Цезарю о неравенствѣ, которое существовало между состояніемъ его и молодой вѣщерицы, о которой онъ вздыхалъ.

Графу Каглиари совершенно было отказано и Маркиза приготовилась говорить съ дочерью съ строгостію матери; какъ вдругъ флотъ Генуэзскій получилъ наконецъ приказъ къ отплытію. Большое число Турецкихъ Корсаровъ, взявши множество кораблей въ Адриатическомъ заливѣ и на Средиземномъ море, показались наконецъ въ окрестностяхъ острововъ Сардиніи и Корсики. Не обходимо должно было прогнать ихъ, чтобы сильное подкрѣпленіе не подоспѣло умножить Турецкій флотъ въ такое время, когда предназначаемая эк-

спедиція намбрена была дѣйствовати противъ крѣпости Эл-Пенонъ де Велецъ. Сія экспедиція уже готова была къ отплышю изъ Испанскихъ гаваней, но Адмиралъ думалъ еще болѣе успѣшь въ томъ, истребивъ сначала союзниковъ Поршы.

Чудакъ Марко Дорій не могъ выбрашь себѣ рѣшительнаго состоянія: иногда онъ хотѣлъ служить въ арміи; потомъ въ морской службѣ; нынѣ хотѣлъ идти по дипломатической части; на другой же день по духовной. Но теперь онъ твердо былъ увѣренъ, что въ семъ суешномъ свѣтѣ ничто не заслуживало вниманія мудреца; что почести были ничто иное, какъ дымъ; богатство—дѣтскія игрушки; удовольствіе — сонъ; и однимъ словомъ: что испи-

ное счастье состояло только в покое, и равнодушии ко всему. После сего желал только иметь сельской домик, сад, несколько книг и одного слугу. Марко был уже в службѣ, и неоднократно имѣлъ случай показать опыты своей храбрости, следовательно не могъ бояться названія пруса, когда вдругъ объявилъ, что онъ рѣшился провести остатокъ дней своихъ в философомъ уединеніи. До отъѣзда еще своего изъ Генуи Цезарь увидѣлъ чудака сего, поселившагося в маленькомъ домикѣ на берегу Полчиверры, который прежде принадлежалъ какому-то сокольнику. Такимъ образомъ, оставшись одинъ, не поддерживаемый присутствіемъ обыкновеннаго своего товарища, Цезарь принужденъ

былъ объявить Синьорѣ Бринь-
олешпи печальное извѣстіе о
своемъ отбѣздѣ.

Въ этотъ день Маркиза да-
вала ужинъ, при лунномъ свѣ-
тѣ, въ открытой бесѣдкѣ сво-
его сада. Нѣкоторые изъ го-
стей наслаждались пріятно-
стями тихой ночи, въ боске-
тахъ померанцовыхъ деревь;
другіе же слушали журчаніе
водъ и звуки сладостной му-
зыки, раздававшейся изъ одной
залы, въ которой всѣ окна бы-
ли отворены. Маркиза съ до-
черью сидѣла на ступеняхъ
крыльца бесѣдки; и притво-
рясь, будто бы смотритъ на
вѣнокъ, который Беатриса пле-
ла изъ цвѣтовъ, чтобы укра-
сить имъ свои волосы, она об-
ращала все вниманіе свое на
Цезаря, заставляя его гроз-
нымъ взоромъ удаляться. Це-

зарь єв своей спороны прогу-
ливааясь около бесѣдки, или
остановаясь подѣ акаціями, дѣ-
лалѣ видѣ, что прислушивается
кѣ разговору; не сводя ни
на минушу глазѣ сѣ Беатри-
сы, онѣ удивлялся ея преле-
стямѣ, которыя умножились
отѣ разнообразія предметовѣ
ея окружавшихѣ.

Блѣдный свѣтѣ луны, и бѣ-
линза мрамора, на которомѣ
она сидѣла, составляли удиви-
тельную прошивуположность
сѣ цвѣтомѣ ея лица, и огнемѣ
блиставшимѣ вѣ ея взорахѣ.
Неподвижность деревѣ, коихѣ
листья не колебались нима-
лѣйшимѣ вѣтромѣ, тѣмѣ бо-
лѣе различествовала сѣ бысп-
рыми и живыми ея движенія-
ми; она казалась Цезарю един-
ственнымѣ началомѣ жизни вѣ
сей пріятной картинѣ. Какѣ

нецъ упоенный красотою ея и смущенный мыслию, что долженъ былъ разстаться съ нею, онъ началъ ходить скорыми и неровными шагами, въ значительномъ разстояніи отъ бесѣдки, потому что встрѣчалъ непрестанно суровые взоры Маркизы.

Къ счастью нечаянный фейерверкъ заставилъ все собраніе бѣжать къ пригорку, на которомъ его пускали. Въ этомъ замѣшательствѣ Беатриса нашла средство избѣгнуть отъ бдишельности своей матери, и Цезарь не замедлилъ къ ней приблизиться. Онъ бросилъ на нее краснорѣчивый взоръ, на который она отвѣчала замѣчаніемъ, что вечеръ былъ очень скученъ.

„Я перенесъ тысячу мученій,“ отвѣчалъ Цезарь, „посто-

му что имѣлъ нужду погово-
ришь съ вами, а мнѣ въ помѣ
препятствововали. Завтра от-
правляется экспедиція: — я хо-
чу просить у васъ одной ми-
лоспи.“

„Она отправляется!“ повто-
рила Беатриса и слезы навер-
нулись у ней на глазахъ, “ за-
чемъ вы не поступили такъ
же какъ Марко Дорій? “

„Какъ! не уже ли вы желаете,
чтобъ я, запершись въ жи-
жинѣ, отказался отъ надежды
пріобрѣсть славу? „

„А для чего же нѣтъ? — въ
жизинѣ можно быть гораздо
счастливей, нежели въ эпомѣ
великолѣнномъ домѣ, который
съ нѣкотораго времени для ме-
ня такъ несносенъ. . . . “

„Не уже ли и Синьора Гринь-
олетти была бы счастлива въ

жижинѣ? “ спросилъ Цезарь дрожащимъ голосомъ. “

Беатриса ничего не отвѣчала; но позволила взять свою руку, которую Цезарь страстно пожалъ, будучи внѣ себя. Въ сію минуту думалъ онъ только о Беатрисѣ и жижинѣ; это были единственные предметы, представлявшіеся его воображенію. Въ восторгѣ своемъ онъ хотѣлъ ей сказать о томъ, какъ вдругъ послышались голоса приближающихся къ нимъ гостей. Онъ удержался, потомъ снимая съ пальца Беатрисы кольцо, которымъ она ни мало не препятствовала ему завладѣть, сказалъ ей шихонько: „позвольте мнѣ завтра утромъ быть на самомъ этомъ мѣстѣ у ногъ вашихъ! мы ѣдемъ въ заупрени.“

Мал. Рыц. Ч. I.

Р

Беатриса тихо произнесла позволеніе, и Цезарь съ жаромъ поцѣловавши ея руку, поспѣшно удалился. Разспавшись съ нею онъ думалъ только о кольцѣ, и о томъ, какимъ образомъ оно было ему подарено. Но ни какъ не могъ припомнить выраженія фізіономіи Беатрисы; пошому, что густой туманъ покрывалъ глаза его, и онъ ничего не чувствовалъ кромѣ прекрасной руки и пальца, уступившаго ему свое сокровище; не уже ли теперь нужны были еще новыя доказательства того, что онъ обладалъ ея сердцемъ? Не уже ли она не соглашалась уже промѣнять для него блескъ богатства, на неизвѣстную и уединенную жизнь? И не уже ли сихъ мыслей недостаточно было, чтобы воспламенить душу

его на нуши опасностей и славы?

Но сердце, въ которомъ любовь владычествуетъ, можетъ ли когда нибудь быть удовольствованнымъ? Цезарь горѣлъ желаніемъ услышитъ изъ устъ Беатрисы подтвержденіе свидѣтельства глазъ своихъ; горѣлъ желаніемъ броситься къ ногамъ ея и излить душу свою въ клятвахъ и чувствахъ признательности; можетъ быть онъ надѣялся даже прижать ее къ своему сердцу, и оросить лице ея нѣжными слезами разлуки, слезами священными, которыхъ спрость не можетъ сдѣлать порочными.

Цезарь не могъ заснуть ни на минуту, онъ проспился съ Синдикомъ еще не заходя въ свою комнату: вещи его были на берегу, и совершенно ничто

не удерживало его ; онъ съ нетерпѣніемъ дожидался времени, чтобы итти въ садъ Палаццо-Россо ; — и за нѣсколько минутъ ранѣе до назначеннаго часа пошелъ туда.

Подходя къ воротамъ Святаго Томаса , Цезарь встрѣтился съ Принцомъ Мельфи и нѣсколькими Офицерами Главнаго Штаба. Принцъ взялъ его за руку и заставляя съ собою итти сказалъ : „Ступай, Адимарій, я сей часъ получилъ извѣстіе, что Корсары вышли въ море ; вътерѣ попутный, пойдѣмъ туда , гдѣ смерть или слава насъ ожидаютъ ! “

Ни когда сіи два слова не сдѣлали бы надъ Цезаремъ столь жестокаго дѣйствія , какъ въ сію минуту ; онъ поблѣднѣлъ и остановился , но

взглядъ удивленія, брошенный Принцомъ, заставилъ его покраснѣть; стыдясь изъясненія, какое могли сдѣлать въ разсужденіи замѣшательства его, онъ потчасъ сказалъ:

„Я желалъ бы оплучиться на минушу, проснитъся съ ожидающимъ меня другомъ. . . и если. . . .“

„Ни на одно мгновеніе,“ прервалъ Дорій. „Другъ пивой. . . или любовница. . . утѣшатся, когда получатъ извѣстіе о твоихъ подвигахъ.“

Цезарь, видя, что нѣчего было дѣлать, прогналъ любовные мысли, подобно льву спряхнувшему капли росы съ своей гривы; — и образъ Беатрисы, слезы ея и нѣжныя прощанія, замѣнены были картиною сраженій, ранъ, лавровъ, славъ

опца и благодарности отечества.

Г Л А В А X.

Блѣдный свѣтъ зари началъ уже уступать блистательному свѣту, предшес-
вующему восходу солнца, ког-
да Цезарь пришелъ къ мѣсту
пристани. Весь портъ былъ
въ движеніи; большіе корабли
находились уже на рейдѣ съ
распущенными и надуваемыми
въпрямъ парусами; галіопы и
бриганпины старались греб-
лею достигнуть оныхъ, при
звукѣ воинской музыки; разно-
цѣпные огни украшали кора-
бельные мачты, и легкіе фла-
ги омочали въ волнахъ величе-
ственные изгибы свои; шлюбки

взадъ и впередъ развѣзжающія; граждане перебѣгающіе съ одной плошины на другую, чтобы насладиться послѣдними взорами друзей; плашки развѣвающіеся въ воздухъ; плескъ и скрипъ веселъ, разсѣкающихъ воды, самопачи кораблей и крѣпостей, земля и море въ движеніи; и наконецъ, видъ Турецкихъ галеръ, въ отдаленности казавшихся бѣлыми точками на горизонтѣ: всѣ сіи предметы соспавляли зрѣлище столь поразительное и прекрасное, что Цезарь раздѣлялъ энтузіазмъ, коимъ всѣ сердца были объяты, — и мыслилъ только о сраженіи и побѣдѣ. Флотъ отправился, и чрезъ шесть часовъ сдѣлался совершеннымъ обладателемъ моря. Преслѣдуя морскихъ разбойниковъ, онъ наконецъ ихъ нас-

шигъ, напалъ на нихъ и побѣдилъ. Часть непріятельскихъ галиотовъ взятыхъ въ плѣнъ елѣдовала въ торжествѣ за Адмиральскимъ кораблемъ, остальные же почти всѣ попонули. Только малое число изъ нихъ успѣло спастись, и искало себѣ убѣжища въ неизвѣстныхъ гаваняхъ ближайшихъ острововъ.

Сраженіе было кровопролитное. Дыша ненавистію и мщеніемъ, обѣ стороны дрались съ мужествомъ и опчаянною рѣшимостію. Казалось, что каждый имѣлъ лозунгъ: побѣда или смерть: подвиги, въ другое время достаточные, чтобъ сдѣлать безсмертнымъ воина ихъ совершившаго, навсегда утрачивались для славы, потому, что слишкомъ были многочисленны, и послѣдній матросъ

республики сражался съ твердою увѣренностію: что единственно отъ храбрости его зависѣла побѣда. Цезарь, болѣе прочихъ воспламеняемый эшою мыслию, и присудствіемъ знаменитаго своего начальника, всѣми средствами старался себя отличить, стремился на встрѣчу опасностямъ, но счастье ему повротивельствовало — и они исчезали.

Опчаяваясь въ успѣхъ выказать себя какимъ нибудь блистательнымъ дѣломъ; Цезарь чувствовалъ, что кровь кипѣла въ его жилахъ отъ неперпнїя; — какъ вдругъ небо благопрїятствуетъ его желанїямъ. Корабль, на которомъ развѣвался непрїятельскїй Адмиральскїй флагъ, лишенный мачтъ и снастей, видя неизбѣжную гибель, послѣ продолжительна-

го, но тщешнаго сопротивленія, прекрапилъ наконецъ битву и искалъ спасенія въ бѣгствѣ; но Цезарь, быстрымъ взоромъ наблюдавшій за всѣми обстоятельствомъ сраженія, примѣшилъ, что наступила теперь минута пріобрѣсти славу, которой жаждалъ. Восхищенный сею мыслию, онъ собралъ вокругъ себя нѣсколько храбрыхъ своихъ соповарищей и бросился съ ними на неприятельскій корабль.

Изумленіе Турокъ при видѣ столь геройскаго подвига, произвело замѣшательство въ рядахъ ихъ. Принцъ поспѣшилъ подать помощь храбрецамъ и Цезарь, съ мечемъ въ рукѣ, не замедлилъ сдѣлаться властелиномъ неприятельскаго корабля. Мужество его при этомъ случаѣ всѣми было засвидѣтель-

своено. Всякой воздавалъ честь молодому герою, и онъ провозглашенъ былъ храбрѣйшимъ воиномъ во флотѣ. Принцъ Мельфи обнялъ своего Лейтенанта на палубѣ корабля имъ взятаго, и сказалъ ему въ присутствіи соотчественниковъ и непріятелей: „Ты показалъ себя достойнымъ сыномъ твоего родителя.“ Цезарь съ краснорѣчивымъ молчаніемъ пожалъ руку вождя своего, потомъ почтительно поцѣловавъ оную, сдѣлалъ отвѣтъ приличный сей похвалѣ.

Оказавши столь мужественный подвигъ, Цезарь имѣлъ болѣе завистниковъ нежели друзей; но желаніе прославить себя, и чувства своей обязанности, будучи возбуждены успѣхомъ и похвалами, заставили его презрѣть низкую за-

виетъ. Лучъ надежды, сдѣлать себѣ блистательное состояніе, и чрезъ то получить возможность предложить руку свою Синьѳрѣ Бриньолеппи, оза-рилъ его душу; иногда даже онъ мечталъ, что вознаградишь потерю имѣнія помѣспьями, которыя опечесство могло дать ему за услуги, имѣ оказанныя.

Одна мысль иногда нарушала сіи сладоспныя мечты, мысль о свиданіи назначенномъ имъ Беатрисѣ, на которое противъ воли своей не могъ притти. Что могла она подумать, тщешно дожидаясь его; прогуливаясь по саду; видя наступленіе дня; слыша сигналы опплытія кораблей, и наконецъ примѣчая весь флотъ подвѣвляющимися парусами, закры-вающими отъ взоровъ гори-

зонть? Не уже ли она припишетъ опсудствіе его какойнибудь другой причинѣ? Нѣтъ, она не подумаетъ, чшобы любовь уступила какомунибудь другому гласу, кромѣ гласа чести. Занимаясь подобными мыслями, Цезарь съ восторгомъ цѣловалъ кольцо, залогъ своего счастья. Но онъ предавался сему восхищенію только въ уединенныя минуты; въ другое же время дышалъ одною славою.

Принцъ поручилъ ему командовать одною галерою. Сраженія съ морскими разбойниками требовали опважныхъ поступковъ, и желаніе Цезаря отличиться, дѣлало его способнымъ къ сему роду нападенія. Сан-Лорензо (названіе галеры Цезаря) въ одинъ вечеръ преслѣдовалъ непріятельскій галіонтъ,

не подалеку отъ Корсиканскихъ утесовъ, какъ вдругъ послѣ жаркаго и прекраснаго дня, небо помрачилось, и шучи огненнаго цвѣта предвозвѣстили бурю. Галионъ, который совершенно извѣстенъ былъ о берегахъ, и кромѣ того не слишкомъ глубоко шедшій въ водѣ, безъ всякаго труда нашелъ безопасное убѣжище между утесами въ то время, какъ тяжелая галера Цезаря осталась въ открытомъ море, подвержена будучи ярости вѣтровъ.

Между тѣмъ темнота умножалась; вѣтеръ свирѣпствовалъ попеременно со всѣхъ четырехъ сторонъ. Шумъ отъ разбивающихся валовъ мѣшался съ дикимъ крикомъ морскихъ птицъ. — Галера претрпала отъ яростаго волненія,

но Цезарь все не хотѣлъ упустить своей добычи; наконецъ кормчій сказалъ ему: что если онъ не перестанетъ преслѣдовать галіюшъ, то корабль и весь экипажъ подвергнутся неизбѣжной гибели. Видя невозможность подойти къ разбойнику, который сталъ уже къ берегу, гдѣ темнота и положеніе мѣста доставляли ему вѣрное убѣжище, Цезарь далъ приказаніе направить путь къ острову Піанозѣ.

Генуэзская галера хорошо построенная, выдержала всю свирѣпость бури въ продолженіи ночи, и на разсвѣтѣ находясь подъ вѣтромъ, приближалась къ острову; какъ вдругъ раздались пушечные выстрѣлы, предвозвѣщавшіе гибель корабля; — казалось, что онъ находился близъ утесовъ, огра-

ничивавшихъ берега. При блескѣ выстрѣловъ Цезарь замѣтилъ, что это было купеческое судно, попавшее на подводные камни, близъ безплоднаго острова Пianosы. Уже разбитыя доски онаго начинали распадаться; почему Цезарь употребилъ все средства къ поданію скорѣйшей помощи. Шлюбки, — наполненныя машросами, женщинами и дѣтьми, бывшими въ жесточайшемъ отчаяніи, всѣми силами старались приснасть къ Галерѣ. Тѣ же, которые не помѣстились на шлюбки, бросались въ море, и хватались за доски, за веслы, за все, что только подавало малѣйшую надежду ко спасенію.

Въ нетерпѣливости своей, Цезарь сѣлъ уже въ шлюбку съ малымъ числомъ гребцовъ, и

спарался приблизитъся къ ко-
раблю, потому что примѣ-
тилъ на палубѣ нѣскольکو жен-
щинъ, въ опчаяніи обгавшихъ
взадъ и впередъ, и одного му-
щину, который казался спа-
рался ободрять ихъ. Довольно
уже разсвѣло, и сіи предметы,
хотя не ясно, однако же всѣ
были видны. Цезарь съ ужа-
сомъ взиралъ на положеніе сихъ
несчастливыхъ. Правда, что вѣ-
теръ утихъ; но страшное спо-
койствіе воздуха прерывалось
яростнымъ шумомъ волнъ. Ог-
ромный валъ приближался, уг-
рожая поглотить остатки ко-
рабля; — онъ достигъ онаго
и въ самомъ дѣлѣ снялъ судно
съ подводныхъ камней, на ко-
торые оно попало, но тѣмъ
сильнѣе отбросило его къ бе-
реговымъ утесамъ. Одна мач-
та еще державшаяся, вдругъ

упала съ ужаснымъ трескомъ, — и мущина примѣченный Цезаремъ исчезъ подъ нею. Поднялся пронзительный крикъ, и доски несчастнаго судна рассыпались по морской поверхности. Женщины, какъ бы слѣдуя инстинкту, ухватились за обломки; но безчувственный товарищъ ихъ оставался въ волнахъ. Цезарь готовъ былъ броситься въ плакъ на помощь несчастному: но увѣрившись, что не достигши цѣли, самъ погибнетъ, онъ понуждалъ гребцовъ своихъ. Смерть окружала ихъ со всѣхъ сторонъ; тамъ были острые скалы, — да еще обломки корабля. Стремленіе воды съ силою влекло ихъ къ берегу. Еще минута и несчастный погибнетъ! — Цезарь, видя тѣло его въ двухъ отъ себя шагахъ, при-

казалъ матросамъ перестать грести, а самъ бросился въ воду, и чрезъ нѣсколько минутъ вынулъ, держа въ объятіяхъ предметъ своего безпокойства.

Между тѣмъ гребцы спасали женщинъ. Остальные же достигли галеры, — и всѣ были избавлены. Когда Цезарь увѣрился въ томъ, что закрылъ глаза рукою, чтобы скрыть слезы, дѣлавшіе честь его человѣколюбивымъ чувствамъ. Спасеніе такого множества несчастныхъ, превосходило въ глазахъ его даже воинскую славу; но теперь не время было предаваться симъ пріятнымъ мыслямъ, несчастный, имъ избавленный, имѣлъ нужду въ скорой помощи; — и Цезарь старался замѣтить, были ли въ немъ признаки жизни: — Не-

знакомецъ , не могши еще под-
нять головы отъ слабости ,
скоро однако же открылъ гла-
за.

Но не мечта ли это? — или
въ самомъ дѣлѣ держалъ онъ
въ объятіяхъ своихъ человека,
котораго старался убѣгать? —
Въ самомъ ли дѣлѣ спасъ онъ
жизнь Жіованни Цигала, и не-
бо доставило ему случай съ
излишкомъ заплашишь за бла-
гопворенія, которыя старался
оказать ему сей благородный
потомокъ ненавистной для не-
го фамиліи? Вторичный взглядъ
не оставилъ Цезарю нималѣй-
шаго сомнѣнія; онъ не могъ не
узнать фізіономіи, всегда при-
существовавшей въ его памяти.

„Удалишься, онъ приходитъ
въ чувство!“ сказалъ Цезарь.
Не желая имѣть свидѣтелей
взаимной ихъ признашельно-

сти, онъ далъ знакъ мапрорсамъ и женщинамъ всходить на галеру, подлѣ которой они уже находились. Между тѣмъ, какъ исполняли сіе, онъ имѣлъ время обратиться съ мыслями; держа руку Жіованни, которая долгое время была неподвижна; но вдругъ слабое пожатіе оной выразило благодарность: „Адимарій, сказалъ Жіованни тихимъ голосомъ, небесамъ угодно, чшобъ мы были друзьями.“

„Да будетъ воля ихъ!“ вскричалъ Цезарь внѣ себя отъ споль страннаго происшествія, не вольноприжимая къ своему сердцу Жіованни.

„Я одолженъ тебѣ жизнью,“ сказалъ сей послѣдній, „и теперь посвящу оную тебѣ, еслибъ даже ты и не хотѣлъ того.“

Вдругъ прошедшее внезапно

представилось памяти Цезаря, и онъ склонивъ голову на плечо Жіованни, отвѣчалъ со вздохомъ: „ я нахожусь шеперь въ смущеніи, не знаю что говорю.“ Тутъ подозвавъ мапроса, онъ приказалъ ему помочь себѣ перенести Жіованни на галеру, не выпуская его однако же изъ своихъ объятий.

Спасенный отъ неизбѣжной смерти Цезаремъ и пользуясь попеченіями его во все время крейсированія, Цигала отъ сихъ двухъ обстоятельствъ получилъ въ глазахъ его новое достоинство. Самые даже недостатки Цезарева характера помогли ему побѣдить свои предрасудки. Гордость Адмирарія была удовлетворена одолженіемъ, сдѣланнымъ имъ сыну Павла Цигалы: — и онъ хотѣлъ показать сему послѣднему, что

мщеніе его ограничивалось оказаніемъ ему услугъ во все то время, какъ онъ будетъ имѣть въ нихъ нужду; но что когда сіе кончится, то они оба должны были возвратиться къ прежней своей холодности.

Но Цезарь долженъ былъ еще испытать собственное свое сердце, узнать всю силу вліянія, которое возбуждалось въ немъ участіемъ доходившимъ до энтузіазма, участіемъ, внушаемымъ ему человекомъ твердымъ, и исполненнымъ почтенія и благородства; — ему оставалось узнать, что и самой любви недостаточно было для удовлетворенія души, такой какую онъ имѣлъ; — души, созданной для желаній, и для того, чтобы ощущать самыя благороднѣйшія чувства; и мо-

жетъ быть достигнутъ геройскихъ добродѣтелей.

Ударъ, полученный Жіованніемъ отъ паденія мачты, произвелъ лихорадку, которая не позволяла ему вставать съ постѣли; Цезарь приказалъ перенести его въ свою каюпу, и когда должность не требовала его присутствія на палубѣ, то онъ самъ давалъ ему лѣкарства, и старался разогнать скуку его чтеніемъ или разговорами.

Въ подобныхъ случаяхъ, Жіованни всегда избѣгалъ извѣщенія своей благодарности, или рѣшишельнаго своего намѣренія пріобрѣсть дружбу Цезаря. Одни только взоры его выражали сіи чувства, и Цезарь не стараясь избѣгать оныхъ, привыкъ наконецъ не только сносить, но даже

искать сихъ взоровъ, въ коихъ блистала невинная и безкорыстная душа.

Жіованни съ своей стороны болѣе и болѣе привязывался къ характеру и судьбѣ Цезаря. Романическая дружба, которую онъ прежде ощущалъ къ нему почти совсѣмъ его не зная, теперь оправдана была признательностію и разсудкомъ.

Во время разговоровъ, копорые дышали чувствами, Цезарь открывалъ все разнообразіе своего характера, и благородство сердца его становилось занимательнѣе, въ прошивуположенности съ ограниченнѣмъ его состояніемъ.

Сраженіе между сладостною симпатією и слишкомъ увеличеннѣмъ чувствомъ о своихъ обязанностяхъ, которое онъ

обнаруживалъ всякій разъ, какъ рѣчь доходила до отца его, возбуждала въ душѣ Жіованни почтеніе и вмѣстѣ гореснь. Однажды, увлеченный сладостными воспоминаніями, Цезарь вошелъ въ малѣйшія подробности о любимомъ отцѣ своемъ. Онъ описалъ крошкіе его поступки, фізіономію выражавшую благонравіе; описалъ его благошворительность, готовность помогать несчастнымъ; безпорочную жизнь и невинное сердце; потомъ, выразивъ съ краснорѣчіемъ глубокой чувствительности любовь свою къ нему и почтеніе, — обрадиль глаза омоченные слезами на Жіованни, и примѣтивъ во взорахъ его выраженіе братней дружбы, вдругъ забылъ о его происхожденіи и воскликнулъ прерывающимся голосомъ:

„Ахъ! Жіованни, ты бы достоинъ былъ знать его!“

Жіованни съ трудомъ преодолѣлъ сладостное движеніе своего сердца. Приподнявшись на своей постелѣ, онъ пожалъ руку Цезаря. Сердце Адимарія смутилось отъ такой довѣренности — и взоры его переспали выражать нѣжность; въ нихъ начертано было замѣшательство и внутреннее неудовольствіе. Устремивъ глаза на Жіованни, онъ сказалъ вздохнувши, измѣнившимся голосомъ: — „Человѣкъ не властенъ въ своемъ жребіи, и долженъ ему покаряться.“ Тутъ опустивъ руку Жіованни, онъ отъ него удалился.

На другой день они увидѣлись на палубѣ, куда Жіованни въ первой разъ позволили выдти прогуляться. Между

шѣмъ , какъ они тамъ были , сигналъ поданный съ Адмиральскаго корабля . возвѣстилъ , что цѣль экспедиціи была выполнена , и что флотъ долженъ былъ возвратиться въ Генуэзскую гавань . Сан-Лорензо находилась тогда близъ береговъ Папскихъ владѣній . Жіованни сказалъ самъ себѣ , что скоро побѣдоносный флагъ будетъ развѣваться на Рейдѣ столицы республики ! Не уже ли , думалъ онъ , прибытіе шуда разсторгнетъ на всегда союзъ , если не сердецъ , то по крайней мѣрѣ союзъ душъ нашихъ . Не уже ли видѣ мѣстѣ , гдѣ Цезарь испыталъ настоящія страданія и мнимое оскорбленіе , возбуждѣвъ въ немъ ненависть и угасшій гнѣвъ , заставитъ его быть столь жестокимъ , что онъ разорветъ вся-

кую связь съ человекомъ, который умѣлъ принять участіе въ благороднѣйшемъ его чувствѣ? Таковы были размышленія Жіованни послѣ нѣсколькихъ услугъ, оказанныхъ ему Цезаремъ на палубѣ.

Въ это время совершенно другія мысли занимали Адимарія. Стоя не подалеку отъ Жіованни, онъ опирался на перилы, и между тѣмъ какъ галера быстро разсѣкала синія волны, при благопріятнѣйшей погодѣ, онъ забывалъ о предметахъ его окружавшихъ. Выраженіе безпрестанно перемѣняющейся его фізіономіи, привлекло наконецъ вниманіе Цигалы; иногда Цезарь краснѣлъ и взоры его необыкновенно блистали. — Но вдругъ внезапная блѣдность покрывала лицо его, глаза помрачались, и томъ-

ность примѣтна была во всѣхъ чертахъ. Вздохи его были часты, и онъ самъ казалось видѣлъ сколь примѣтно было его смущеніе, но нимало не думалъ отъ того опомниться. Однажды будучи внѣ себя, онъ поднесъ къ губамъ кольцо Беатрисы, и долго оставался въ семъ положеніи, пишаясь сладостными воспоминаніями.

Это движеніе и взглядъ оное сопровождавшій, сдѣлали яснымъ подозрѣніе таившееся въ душѣ Жіованни. Онъ замѣтилъ въ поступкахъ Цезаря нѣкоторыя признаки страсти его къ одной изъ Генуэзскихъ дамъ, и съ сожалѣніемъ представлялъ себѣ, что любовь сія, будучи взаимно раздѣляема предметомъ внушавшимъ оную, могла встрѣтити препятствія или со стороны честолюбивыхъ родъ

спивенниковѣ, или по случаю взаимной ихъ бѣдности. Почему самъ предавшись сладостной мечтѣ, онъ подумалъ: „Естьлибѣ сестра не сдѣлала безразсуднаго поступка, то мы всѣ были бы счастливы!“

Сею мыслию Жіованни прорнулъ чувствительную струну собственнаго сердца. Надѣжда и боязнь, внушаемая ему жребіемъ сестры, заставили его позабыть теперь о Цезарѣ: Онъ пересталъ на него сморѣть, и самъ погрузился въ глубокія размышленія. Цезарь выведенъ былъ изъ задумчивости шлюбною, спущенною съ галеры на море, копорая ожидала его приказаній. Отдавши отвѣтъ, онъ подошелъ къ Жіованни, чшобѣ говорить съ нимъ, и въ первый разъ нашелъ его въ задумчивости. Никогда не

види его етоль печальнымъ и будучи пораженъ непришворнымъ выраженіемъ его физиономіи, и различіемъ, какое видѣлъ примѣняя оную къ собственнымъ мечтамъ о счастьи, — онъ сѣлъ подлѣ него, и сказалъ ему съ видомъ нѣжнаго участія.

„Жіованни, васъ занимають какія нибудь горестныя воспоминанія? Желалъ бы разсѣять ихъ прежде нашей разлуки.“
Послѣднія слова произнесены были вѣтреннымъ тономъ.

„И такъ разлука непремѣнна,“ отвѣчалъ Жіованни, обративъ на него взоръ, блистающій кротостію и положивъ на руку его свою руку, претставшую отъ удивленія и горести.

„Мы должны такъ, мы должны это сдѣлать,“ возвра-

зилъ Цезарь, вздохнувъ и ошворошивъ голову.

„Какъ! мы должны распатъся и никогда болѣе не видать другъ друга?“

„На семъ свѣтѣ — никогда. Вы знаете мои правила... назовите даже ихъ предразсудками, если вамъ угодно. Вы давно это знаете... и потому не должны удивляться, что я почитаю должностію повиноваться онымъ.“

Странное расположеніе человѣческой натуры заставляетъ насъ весьма часто стараться скрывать нашу горестъ подъ видомъ равнодушія и грубости, въ то время когда мы должны бываемъ сказать, или сдѣлать что нибудь непріятное, и когда мы сами сожалѣемъ о сей необходимости. Цезарь ощущалъ что-то

подобное внутреннимъ упренамъ совѣсти, но сіе не воспрепятствовало ему принять видъ холодности, и онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чобы скрыть волненіе души своей.

Жіованни посмотрѣлъ на него внимательно, и сказалъ наконецъ послѣ долгаго молчанія: „для меня это весьма странно . . . но не скажу вамъ сколько вмѣстѣ и горестно. Спасши мнѣ жизнь, вы сдѣлали бесполезную услугу для чловѣка, одинокаго на свѣтѣ, лишеннаго родителей, несчастнаго въ любви, — и не могущаго пріобрѣсти друга.“

„Вы любили, Цигала?“ воскликнулъ Цезарь взглянувъ на него съ нѣжнымъ участіемъ.

„Такъ,“ возразилъ Жіованни,

„горести любви слишкомъ свѣ-
жи еще въ моей памяти, и я
желаю сердечно, чтобъ вы ис-
пытали только ея удовольстві-
вія. Не скрывайтесь, Адимарій,
я все прочелъ во взорахъ ва-
шихъ. Ахъ! для чего не могу
такъ же узнать и будущей
вашей участи? Еслибъ могъ
быть точно увѣренъ, что она
всегда будетъ счастлива, то
оставилъ бы всѣ права на ва-
ше сердце; — оставилъ бы васъ
наслаждаться блаженствомъ,
котораго не могу ни видѣть,
ни раздѣлять. Но если на про-
тивъ того вы имѣете хотя ма-
лѣйшее опасеніе испытать нѣ-
когда тѣ же горести, какимъ
я былъ подверженъ, то въ та-
комъ случаѣ не расстанусь съ
вами до тѣхъ поръ, пока вы
не дадите мнѣ вѣрнаго обеща-
нія, принявъ мое нѣжнѣйшее

соучастіе вѣ это печальное время. “

„Это время никогда не придетъ, вскричалъ Цезарь вѣ во-схищеніи. “ Сей драгоценный залогъ любви будетъ тому свидѣтелемъ. Самые Цари не возмогутъ завладѣть сердцемъ мнѣ принадлежащимъ! такъ, убогая хижина и Цезарь! О, Беаприса! твои глаза, наполненные слезами, ясно мнѣ это подтвердили . . . когда . . . “

Остановитесь, „сказалъ Жіованни вставши, “ я не хочу вкрадываться вѣ вашу довѣренность.

„Останьтесь, Цигала, останьтесь. “ Цезарь, видя, что онѣ повиновался, прошелъ нѣсколько разѣ взадъ и впередъ по палубѣ вѣ молчаніи и замѣшательствѣ.

Весьма трудно для человѣка

переносить одному горесть ; но можетъ бытьъ еще труднѣе наслаждаться одному счастьемъ. Ни въ какое время Цезарь не чувствовалъ такой нужды въ дружбѣ , и никогда образъ Жіованни не представлялся ему въ благопріятнѣйшемъ видѣ. Учасъ единственной сестры сего послѣдняго была сокрыта въ неизвѣстности ; молодость оправлена несчастною любовію. При подобныхъ бѣдствіяхъ, Жіованни не долженъ ли былъ внушать и вмѣстѣ чувствовать дружбу , утонченную рыцарскимъ духомъ того вѣка , дружбу пламенную , которая была подобна любви , но не имѣла ея слабостей? Кропкій характеръ его могъ имѣть вліяніе и даже обуздывать пылкость Цезаря. — Если бы отецъ Ади-

Мал. Рыц. Ч. I. У

марія изъ жилища блаженныхъ могъ избрать для сына своего друга, по вѣроятію всѣмъ бы предпочелъ Жіованни. Если бы онъ могъ разрѣшить сомнѣнія своего сына, то какое было бы его сужденіе?

Цезарь тайно дѣлалъ себѣ сіи вопросы, опершись головою на руку. Онъ опять спросилъ себя: какія были бы чувства отца его? — И внутренній голосъ отвѣчалъ ему: привязанность къ прекраснымъ и достойнымъ почтенія качествамъ Жіованни; чувствительность къ его дружбѣ; признательность за всѣ усилія, какія дѣлаетъ онъ, чѣмъ поправить зло, котораго не въ силахъ былъ предупредить.

Тайная горестъ, какую ощущалъ отецъ его думая о мнимой неблагодарности Принца

Дорія, ясно показывала, что
человѣка, которому спасъ
жизнь, почиталъ онъ привязан-
нымъ къ себѣ неразрывными
узами. Слѣдовательно постоян-
ство Жіованни была должность,
и избавитель его не могъ со-
противляться извѣщеніямъ его
благодарности не сдѣлавшись
виновнымъ. „Слѣдовательно я
не буду преступникомъ про-
тивъ отца, думалъ Цезарь,
принявъ дружбу Цигала? И по-
то доволно, что я тысячу
разъ отвергалъ сію дружбу въ
минуты, когда не имѣлъ ни
друга, ни утѣшителя; когда не
находилъ ни одного сердца, ко-
торое бы соотвѣтствовало дви-
женіямъ моего сердца. Тогда
я могъ имѣть сомнѣніе, что
моя благодарность не есть
чувство безкорыстное; но те-
перь, о родитель мой! я забы-

ваю, что онъ сынъ твоего убійцы, и почитаю его за человека, съ которымъ могу раздѣлять свои горести, — даже и ту, что тебя лишился. “

Во время сихъ размышленій онъ оставался все въ одномъ положеніи. Жіованни смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ безпокойствомъ. Вдругъ Цезарь подошелъ къ нему. Щеки его были омочены слезами, онъ протянулъ къ нему свои объятія. Жіованни бросился къ нему на шею и въ продолжительномъ объятіи они запечатлѣли обътъ вѣчной дружбы. Если и прежде они находили удовольствіе во взаимной бесѣдѣ, то теперь еще болѣе, потому, что съ одной стороны принужденіе, а съ другой предразсудокъ — исчезли.

Повѣствованіе любви Жіо-

ванни и Цезаря, заняли ихъ довольно долгое время. Цезарь пронуть былъ живою карпиною спрастей, какую ощущалъ Жіованни, и удивлялся, что онъ могъ шеперь говорить объ ней безъ отчаянія. Это не могло происходить отъ врожденной холодности потому, что онъ съ воспоргомъ опзывался о рыцарскомъ состояніи, въ копорое въ это время вступилъ; а стараніе его, снискать дружбу Цезаря, довольно шакъ же показывало, что онъ не имѣлъ холоднаго сердца. Не ужели это былъ обыкновенный ходъ человѣческихъ спрастей? подумалъ Цезарь; и шакая мысль приводила его въ трепетъ, потому что любовь была для него источникомъ блаженства, и самыя даже мученія ея предпо-

Мил. Рыц. Ч. I. У 2.

челъ бы онъ совершенному оной
испребленію.

Искренность, съ какою Жю-
ванни выражалъ свои чувства,
заставила бы инаго оправдать
холодность его, приписавъ
оную дѣйствию времени и ра-
зума; но онъ желая вывести
друга своего изъ очарованія,
не сказалъ ему, какимъ обра-
зомъ отъ опчаянія перешелъ
къ негодованію, отъ негодова-
нія къ презрѣнію и отъ пре-
зрѣнія къ равнодушію, онъ удо-
вольствовался только слѣдую-
щими словами: „Съ той мину-
ты, какъ я произнесъ свои
обѣщанія, посвятилъ и душу и
сердце свое достойнѣйшимъ
уваженію предметамъ. — Обѣ-
щавъ хранить цѣломудріе и
нести крестъ. И такъ не дол-
жно удивляться, если я послѣ
сего отринувъ даже и воспо-

минаніе о чувствѣ, коего предметъ былъ безчестіемъ въ глазахъ моихъ, и что клятвенною произнесенною, почиталъ не оковами, но совершенною свободою. Не знаю, что ощутило бы мое сердце, еслибъ любовь моя, подобно вашей, заплачена была взаимною нѣжностію, и когда бы любовница была похищена у меня смертію, или должностію. Но въ теперешнемъ положеніи любовь болѣе для меня не существуетъ.“

Цезарь съ улыбкою сказалъ: „Ты еще будешь любить и познаешь блаженство.“

„Нѣтъ, возразилъ Жіованни,“ я удовольствуюсь дружбою.“ При сихъ словахъ небесная непорочность заблестала во взорахъ его.

Цезарь покачалъ головою не

говоря ни слова, но улыбка его была понятна. Разговоръ опять обратился на Синьору Бриньолетти. Жіованни не зная ее лично, принужденъ былъ повѣрить описанію любовника. Въ самомъ дѣлѣ это описаніе было прекрасно! По словамъ его, Беатриса была красавица, и однакоже совсѣмъ не занималась своею красою; была молода, невинна и жива. Она имѣла къ нему непришворную любовь, потому что любовь сія основана была на великодушіи и непорочности; однимъ словомъ, по его описанію, ни одинъ человекъ не могъ ничего болѣе желать отъ женщины, даже въ томъ щастливый вѣкъ, когда склонности и обязанности были единспивенными законами, и когда ширанія предразсудковъ и различія общественныхъ со-

стояній, была совершенно неизвѣсна. Но увы! вѣкъ сей уже прошелъ, и Жіованни предвидѣлъ множество затрудненій въ желаніяхъ своего друга и исполненіи оныхъ.

Беатриса была молода и робка. Вѣроятно, чію упорное сопротивленіе со стороны родственниковъ, заставило бы ее отказаться отъ своей склонности. Съ другой стороны она могла имѣть непоспоянство свойственное своимъ лѣтамъ, и плѣняясь новымъ предметомъ, перемѣнить свои чувствованія. Но изъ всѣхъ препятствій, какія Жіованни находилъ въ успѣхъ Цезаря, самымъ величайшимъ находилъ онъ самыя правила своего друга. Упоенный блаженствомъ каждый день видѣлъ свою прекрасную любовницу, и возмож-

ністю увб́рять ее, до какой степени ее обожають, — Цезарь не простиравъ желаній своихъ далѣе того, чѣмъ обладалъ; онъ не думалъ, что придетъ минута, когда слѣпая спрасть его поиребуеть, можетъ быть, у Беатрисы пожертвованія чести ея и счастья. Жіованни предвидѣлъ сію минуту, и увб́ренъ былъ въ душѣ своей, что одна мысль о такомъ поступкѣ приведетъ Цезаря въ трепеть. Да хотя бы и возможно было, посредствомъ прозьбъ и убѣжденій, получить согласіе матери, то гордость Цезаря не перенесла бы мысли, быть обязаннымъ почестями и богатствомъ жень своей. Возмоги ли бы онъ терпѣливо слушать ложные толки, какіе въ публикѣ стали бы дѣлать на щетъ тако-

го поступка? Таковы были размышленія и чувства Жіованни. Но онъ не смѣлъ сообщить оныхъ своему другу, и требовать отъ него пожертвованія съ тою несчастною страстью, потому что связь ихъ была еще слишкомъ нова; это принудило его довольствоваться принятіемъ рѣшительнаго намѣренія, замѣчать тщателью ходъ оной, и воспользоваться первою минутою безпокойства въ душѣ Цезаря, чюобъ представить ему мысли, которыя могли имѣть сильное вліяніе на откровенное сердце и разумъ Цезаря.

Однако же радость Жіованни была совершенна: Получивши дружбу Цезаря, онъ обладалъ наконецъ тѣмъ, чего тщетно искалъ цѣлые шесть лѣтъ; душа его сходствовала съ опи-

саніємъ поэтовъ, когда они представляютъ какого нибудь героя, способнаго къ любви безъ желаній, и готоваго для дружбы пожертвовать даже самою любовію. Если бы выраженіе сего характера еще было сильнѣе, то можнобъ было приписать оный живѣйшему желанію опличиться; но характеръ Жіованни столько былъ кротокъ и однообразенъ, что его невозможно было иначе почесть, какъ только невольною привычкою души, которая уступаетъ природѣ безъ усилія и безъ сопротивленія. Онъ предавался новой своей дружбѣ, болѣе въ надѣждѣ быть въ послѣдствіи полезнымъ Цезарю, нежели съ мыслию имѣть какую нибудь личную выгоду отъ сей связи. Жіованни видѣлъ приближеніе критической минушы

въ любви Цезаря, въ которую сей послѣдній будетъ имѣть необходимую нужду въ его совѣтахъ, которые могли бы воспрепятствовать ему впасть въ какую нибудь погрѣшность, или утѣшить его въ горестяхъ, какія могъ онъ ощущать отъ измѣны обожаемой имъ любовницы.

Съ сладостнымъ удовольствіемъ Жіованни видѣлъ постепенное умноженіе къ себѣ довѣренности Цезаря; съ участіемъ замѣчалъ его благородный характеръ, не пришедшій еще въ совершенный порядокъ, и по согласію, какого онъ долженъ былъ нѣкогда достигнуть. Еслибы Жіованни способенъ былъ къ корыстолюбивому чувству, то сталъ бы сожалѣть о скорости, съ какою попушный вѣтръ прибли-

жалъ ихъ къ берегу; но онъ забывалъ о своемъ щастіи, когда думалъ о славномъ приѣмѣ, какого долженъ былъ ожидать другъ его отъ своихъ соотечественниковъ. Цезарь же съ своей стороны не могъ устать слушающа поучительный разговоръ Жіованни. Жизнь его была всегда дѣятельная, не позволявшая ему упражняться въ наукахъ. Онъ имѣлъ познанія о главныхъ историческихъ происшествіяхъ, но они были болѣе предметомъ его чтенія, нежели размышленія, почему Жіованни старался увѣрить его, что исторія можетъ быть намъ полезна, болѣе по урокамъ, какія изъ нее получаемъ, нежели по происшествіямъ, какія въ ней представляются. Онъ научалъ его все относить къ собственному сердцу и по-

веденію; находишь причины поспушковъ людей; и созерцая преступленія и добродѣтели, коими наполнены лѣтописи человеческого рода, замѣчаешь, какъ онѣ все клоняпся къ благу человека въ десницѣ всеблагаго Провидѣнія.

Симъ способомъ Жіованни достигъ до того, что мало по малу поколебалъ многіе закоренѣлыя предразсудки своего друга; но онѣ поступалъ со всею осторожностію, боясь возбудить его вспыльчивость, которая можетъ быть заставила бы его защищать оныя. Какое удовольствіе ощущалъ Жіованни, видя, что все его поступки имѣли великое вліяніе на Цезаря. Онѣ искалъ только его счастья, будучи твердо увѣренъ, что тотъ, кто искореняетъ пороки въ сердцѣ дру-

та , чтобы посвятить на мѣсто
онаго сѣмена добродѣтели, ока-
зываетъ ему несравненно боль-
шую услугу , нежели когда бы
удѣлилъ ему часть сокровищъ
Индіи.

Г Л А В А ХІ.

Когда побѣдоносные галеры
были привязаны въ Генуезской
гавани , тогда Принцъ Дорій
принесъ молодому мореходцу
благодарность отъ имени всей
республики , присоединивъ къ
тому предложеніе награды ,
стоящей цѣны Адмиральскаго
корабля имъ взятаго. Въ сію
минушу Цезарь помышляя
только объ отцѣ своемъ , за-
былъ о собственнѣйшей бѣдности.
„Пусть воздвигнушъ,“ восклик-

нуль онъ, „монументъ моему родителю въ соборъ Сан Сиро, и тогда, какъ сія услуга, такъ и прочія, которыя впередъ окажутъ опечеству, будуть совершенно награждены.“

Слезы заблестали на глазахъ многихъ Сенаторовъ, когда онъ произнесъ сіе. Всѣ изъявили согласіе на его прозьбу, и самому Цезарю препоручено было сооруженіе сего монумента. Но ни искусство скульптора, ни Барельефы, представлявшіи избавленіе Жіанетпина Доріа, ни флагъ, спасенный вмѣстѣ съ Принцомъ и вооруженный надъ гробницею, ни даже самый монументъ, воздвигнутый на щопъ республики, — ни что не приводило Цезаря столько въ восхищеніе, сколько одна мысль, что онъ купилъ эпоцею собственною кровью, и

Мал. Рыц. Ч. I. Ф 2.

тѣмъ сдѣлался достойнымъ отца, коему посвященъ былъ памятникъ.

Жіованни, не боясь болѣе быть отвергнутымъ, принялъ участіе въ искренней радости своего друга. Лишь только монументъ былъ оконченъ и посвященъ въ соборъ, какъ Цезарь съ новымъ восторгомъ радости и вмѣстѣ горести повергся въ объятія Жіованни. Теперь только онъ могъ свободно предаваться чувствамъ своей нѣжности; проливать слезы, вспоминая о своихъ прошедшихъ горестяхъ и осушать ихъ въ объятіяхъ дружбы — при мысли о настоящемъ своемъ благополучіи. — Жіованни цѣловалъ его, и видя чрезмерную его чувствительность, говорилъ: „Ахъ! сколько горевшей несчастный пригошля-

еть себѣ на этомъ свѣтѣ! но за то сколько также блаженства въ будущемъ!“

Цезарь ушелъ отъ него для того только, чтобѣ бѣжать опять въ соборъ Сан-Сиро, усладить взоры свои видомъ памятника, воздвигнутаго въ честь отца. Скоро возвратился онъ къ Жіованни, и въ извѣщеніяхъ брашней дружбы молодого Цигала, забылъ все вѣны ненавистнаго отца его.

Исполнивши сію священную должность, Цезарь возвратился къ ногамъ Беатрисы. Онъ видѣлся съ нею еще въ первый день своего пріѣзда — и получилъ отъ нее, въ семъ свиданіи, которое случай сдѣлалъ тайнымъ, подтвержденіе тѣхъ обѣщаній, какія она сдѣлала ему, позволивъ взять кольцо свое. Онъ заставилъ ее почи-

ташь кольцо сіе талисманомъ, посредствомъ котораго могъ отличиться, и сія мысль сдѣлала драгоценными для Беатрисы почести, ожидавшія ея любовника. Она упрекала его иногда съ кротостію за то, что онъ часто оставлялъ ее, занявшись сооруженіемъ памятника; но гнѣвъ ея исчезалъ отъ единого поцѣлуя, какой Цезарь съ восторгомъ напечатлѣвалъ на ея рукѣ.

Въ восхищеніи отъ своего блаженства, Цезарь не помышлялъ ни о предметахъ его окружавшихъ, ни о томъ, что предсказывала ему будущность. Онъ думалъ только о своемъ счастьи, и былъ увѣренъ, что постоянно будетъ наслаждаться имъ. Холодные привѣтствія Маркизы не уменьшали его надежды. Онъ слѣдовалъ

за Беатрисою какъ тѣнь; а она щипая безполезнымъ скрывать предпочтеніе свое къ чловѣку ею любимому и пріобрѣтшему великую славу, даже и въ самомъ обществѣ оказывала ему свою нѣжность. Хижина была забыта. Беатриса всегда была самымъ блистательнѣйшимъ предметомъ блистательныхъ собраній. Любезные ея капризы производили разнообразіе въ единообразной жизни вельможъ, но сіи капризы потеряли бы цѣну въ тишинѣ и уединеніи.

Цезарь сталъ желать почестей и наградъ пошому, чпо привычки Беатрисы дѣлали для него богатство, или по крайней мѣрѣ отличія, необходимостію. Вотъ почему онъ искалъ съ нетерпѣніемъ новыхъ

случаевъ заслужить и то и другое.

Хотя онъ любилъ со всею пылкостью первой страсти, однако же видѣлъ: сколько глупо было надѣяться получить согласіе Маркизы Бриньолеши на бракъ съ ея дочерью.

Имя его едва только возникло еще изъ развалинъ отцовской фортуны; оно не достигло еще того пункта, гдѣ могло бы утвердиться; почему онъ и не осмѣливался изъяснить своихъ желаній.

Цезарь покорился жестокой сей необходимости, но съ презрѣніемъ отвергъ мысль скрывать свои чувствованія. Онъ былъ ч е с т е н ъ и слишкомъ гордъ, чтобы снискивать благосклонность Маркизы хитростями, которыя почиталъ недостойными себя, — и черпы

лица его извѣяляли все то, что происходило въ глубинѣ души.

Когда Цезарь сказалъ любовницѣ своей о семъ намѣреніи, то она нимало тому не воспротивилась, улыбкою одобрила кротость его, и постаралась сдѣлать не столь прозрачною завѣсу, покрывавшую ея собственное сердце. Беатриса замѣтила, что мать ея имѣла уже нѣкоторыя подозрѣнія на щепѣ любви къ ней Цезаря, еще до отбѣзда его съ экспедиціею, и что строго станеть ей выговаривать, если она не постарается уменьшить ея безпокойства. Беатриса не имѣла мужества признаться въ любви своей, а также и сколько духа, чтобы рѣшиться пожертвовать всѣмъ, лишь бы только удовлетворить желаніямъ своего любез-

наго. Изторгувъ у Цезаря признаніе въ чувствахъ, она далека была отъ того, чшобъ въ самомъ дѣлѣ одобритъ намѣреніе его бѣжать съ нею въ пустыню. Она любила его; — но любила также и удовольствія; тщеславіе ея весьма льстилось тѣмъ, что Цезарь презиралъ для нее прочихъ красавицъ. Ихъ было довольно въ обществѣ, но ни одна не дѣлала надъ нимъ никакого впечатлѣнія. Она не имѣла бы сего поржества, когдабъ была въ хижинѣ, и такимъ образомъ рѣшилась подождать благопріятной минуты для успѣха любви своей, стараясь до того времени разрушать подозрѣнія Маркизы. Чшобъ достигнуть своей цѣли, она показывала всегда, что имѣетъ совершенную довѣренность къ своей мапе-

ри ; епала насмѣхашься съ великимъ остроуміемъ надъ побѣдою , какую одержала надъ сыномъ бѣдняка Адимарія ; повпоряла нѣжныя его рѣчи ; описала ревнивые взоры , и достигла наконецъ до того , что совершенно увѣрила Маркизу , будто бы презираемъ того человека , къ которому чувствовала склонность , и что поступки ея съ нимъ происходили единственно отъ маленькаго тщеславія и коварства . Совершенный успѣхъ сей хитрости весьма забавлялъ Беатрису , и она утѣшалась тѣмъ , нимало не думая , сходствовало ли поступокъ ея съ правилами нравственности .

Цезарь ничего не подозрѣвая , видѣлъ вещи въ томъ только порядкѣ , въ какомъ онѣ представлялись глазамъ его , и

никогда не замѣтилъ бы самъ собою переменъ въ обращеніи со стороны Маркизы, когда бы Жюванни не спросилъ его однажды: „не боится ли онъ, что Маркиза откажетъ ему отъ дому? Это примѣчаніе сдѣлало его внимательнымъ, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что страсть, какую показывалъ къ ея дочери, не причиняла нисколько безпокойства сей дамѣ. Это его воспламенило и надѣжду его вознесло до высочайшей степени. Такое снисхожденіе было безъ сомнѣнія тайнымъ позволеніемъ заслужить подвигами руку Беатрисы. Правда, что онъ только еще начиналъ идти по пути почестей, и долженъ былъ поправить свое состояніе; но кровь, текшая въ жилахъ его, дѣлала его достойнымъ по все-

му соединиться съ кровію Бринь-олепшєвѣ. Маркиза вѣроятно знала, что предки его были Государями и болѣе трехъ вѣковъ носили титулъ Генуэзскихъ Графовъ. Они были родственники великаго Пепина, онѣ котораго и получили помѣстья; — и естѣли послѣдній потомокъ сей фамиліи впалъ въ бѣдность, то покрайней мѣрѣ имя его приводило на память прежнюю власть и великолѣпіе ихъ дому.

Жіованни не былъ легковѣренъ, и пошому внимая пріятнымъ мечтаніямъ своего друга, онѣ чувствовалъ, что Маркиза не позволитъ обольстить себя тѣнію исчезнуваго богатства, въ то время, когда столько искаателей предлагали дочери ея богатство наспоящее; но была еще нѣкошоракъ

возможность : она могла изъ любви къ своей дочери пожертвовать для благополучія ея видами собственнаго щеславія; и Жіованни желалъ, но не надбѣялся, чтобъ Цезарь получилъ столь щастливый успѣхъ. Не смѣя опікрыть глаза своему другу, онъ старался обратишь въ пользу славы предпріятія составленныя любовью, въ томъ намѣреніи, что если нѣжный другъ его долженъ будетъ наконецъ опіказаться отъ лестныхъ мечтаній любви, то отличивъ себя въ защитѣ опечества и религіи, Цезарь не лишился бы покрайней мѣрѣ основанія въ добромъ имени, въ поправленномъ состояніи и внутреннемъ чувствѣ заслугъ своихъ. Жіованни думалъ, что сіи блага, соединенныя съ дружбою, состав-

дали единственную цѣну существованія нашего, и предусматривая, что любовь друга его будетъ имѣть несчастный конецъ, онъ въ то же время помышлялъ, что сей переворотъ могъ пламенную душу его обратить къ предметамъ, которые одни только заключающъ въ себѣ истинное величїе и прочность.

Онъ не зналъ еще Беатрисы, потому что въ обществѣ мало находилъ для себя прїятностей, а также и потому, что сама Беатриса не чувствовала большаго желанія познакомиться съ человекомъ, котораго воображеніе представляло ей не въ благопрїятномъ видѣ; потому, что онъ производилъ торжественную нлѣтву хранилъ цѣломудріе, и потому, что ничто не показывало

вало въ немъ намѣренія когда либо жениться. Беатриса, не принимавшая на себя труда много разсуждать, имѣла однакожъ довольно справедливое понятіе о вещахъ; она никогда не размышляла о своихъ поступкахъ, и знала, что другъ Цезаря сталъ бы основательно разсматривать, а можетъ быть и осуждать то, что любовника ея заставляло удивляться. Жіованни могъ открыть хитрый поступокъ ея съ матерью, и потому не сомнѣвалась, что если онъ дастъ это замѣтить Цезарю, то она весьма много потеряетъ въ мнѣніи сего послѣдняго. Беатриса не имѣла еще столько опытности, чтобы воспользо-ваться пагубною тайною, которая научаетъ извинять любовною спрасшію все поступ-

ки, оскорбляющіе нравственность и благородство. Она знала, что осужденіе Цезаря покрыло бы ее стыдомъ, и потому всячески старалась избѣгать челоуѣка, котораго безпристрастіе и твердыя правила грозили разрушить маленькія ея хитрости. По симъ то причинамъ Беатриса изыскивала всѣ способы, чтобы преградить Жіованни входъ въ домъ своей матери, и частыя отлучки сего послѣдняго въ деревню весьма способствовали ей въ томъ успѣху.

Жіованни занимался постройкою на свой щотъ небольшихъ зданій на разстояніи между горами, которыя должны были служить мѣстомъ пристанища и отдохновенія путешественникамъ, отправлявшимся въ Ломбардію. Досу-

ти свої онъ посвящавъ занятію
 равно благопвортельному, но
 болѣе умственому. Онъ тща-
 тельно изучавъ законы респуб-
 лики, надѣясь найти хотя
 одинъ, могутій опровергнуть
 опредѣленіе, по которому имѣ-
 ніе Адимарія было отдано от-
 цу его. Подобно прочимъ мо-
 лодымъ людямъ знатныхъ Ге-
 нуэзскихъ фамилій, Жіованни
 вѣ юности своей учился законо-
 искуству, и потому опять
 принялся за оное съ новымъ
 жаромъ, желая отыскать ка-
 кой нибудь забытой законъ
 для достиженія цѣли своихъ
 желаній. Когда Цезарь ни при-
 ходилъ къ нему, всегда нахо-
 дилъ его роющимъ вѣ старыхъ
 и запыленныхъ комменшато-
 рахъ дигестики, и не могъ вы-
 терпѣть, чтобъ не посмѣяль-
 ся надъ упражненіемъ, какое

онъ выбралъ. Жіованни отвѣчалъ улыбкою, имѣя въ мысляхъ то, что посвящалъ время свое для благополучія друга, не помышляя о почестяхъ, которыхъ не почиталъ себя достойнымъ, и отъ которыхъ удалялся. Еслибъ непременно должно было ему избрать какое нибудь состояніе, то это было то, которымъ отецъ заставилъ его пожертвовать; — не могши же принять сего состоянія, къ которому склонность влекла его, онъ утѣшался мыслию, что сдѣлается полезнымъ другу и своимъ согражданамъ.

Не взирая на занятія свои Жіованни не менѣе имѣлъ желанія познать характеръ дѣвицы, долженствовавшей рѣшить благополучіе жизни Цезаря; но къ сожалѣнію уви-

дѣлѣ, что всѣ средства, употребляемыя имъ для того, что бы быть представленнымъ въ Палаццо-Россо, были безпрестанно опклоняемы пустыми предложениями сей молодой особы. Не ошгадывая истинной тому причины, онъ заключилъ, что она имѣла ревнивый характеръ, и что самая дружба была въ глазахъ ея измѣною противъ любви. Иногда мысль сія раждала въ немъ нѣкоторое безпокойство, когда онъ помышлялъ о вліяніи, какое Беатриса имѣла на сердце; надъ которымъ владычествовала столь неограниченно; но близн сія не долго продолжалась, — потому что какія бы Цезарь ни ощущалъ горести, но черты лица его, когда онъ говорилъ съ Жіованни, выражали всегда признательность и братнюю

дружбу. Одному ему говорилъ онъ объ опщѣ своемъ и безпечныхъ дняхъ дѣтства; предъ нимъ предавался мечтамъ воображенія, воспламеняемаго благороднымъ соревнованіемъ и пламенною любовію.

Когда сердца наши привыкли мыслишь въ слухъ въ присутствіи другаго, тогда мы можемъ сказать, что нашли друга: сія благородная свобода есть залогъ взаимной довѣренности. Съ той минуты, когда Цезарь и Жіованни поклялись въ дружбѣ на палубѣ Сан-Лоренза, они проникли взаимно въ глубочайшіе изгибы душъ своихъ, и такъ сказать дошли до испѣчника своей привязанности. Въ подобныхъ разговорахъ, каждый изъ нихъ находилъ новыя причины почитать характеръ другъ друга. Це-

варь раскаивался въ гордыхъ предразсудкахъ, которые столь часто заставляли его отвергать съ жестокостію столь любезное существо; а Жіованни обвинялъ себя въ несправедливости, что не могъ отгадать, чего стоило Цезарю обращаться съ нимъ съ такою грубостію. Отъ сего каждый видѣлъ болѣе перевѣсу въ другомъ, и болѣе причинъ упрекать себя; такъ что желаніе загладить прежнія другъ противъ друга поступки, придавало новую силу первому изліянію ихъ нѣжности.

Цезарь опять могъ безъ горести посѣщать террасу въ Нерви, и садиться на ложъ, обняеомъ древнимъ кедромъ. Единственное печальное ощущеніе, таившееся въ его сердцѣ, была мысль, что по-

теперь сего помѣстья стоила жизни отцу его. Много разъ Жіованни просилъ его перебраться жить въ замокъ, и распоряджались онымъ какъ своимъ собственнымъ; но Цезарь не могъ снести той мысли, что сынъ Павла Цигалы предлагалъ ему то, что некогда ему самому принадлежало; почему согласился жить только въ то время, когда Жіованни будетъ тамъ находиться.

Сей послѣдній видъ недостатка дружбы, и надѣясь, что она со временемъ будетъ совершеннѣе, не смѣлъ теперь ему предложить своего другаго намѣренія, раздѣлить съ нимъ на равныя части все свое имѣніе.

Жіованни не имѣлъ права совершенно уступить сіе помѣстье. Но не могли перене-

сти мысли, что пользуется доходами сь онаго собственнo для себя, онъ назначилъ сии доходы для благотворительныхъ дѣлъ.

Посредствомъ милосердыхъ братій, онъ употребилъ всѣ деньги, собираемыя сь помѣстья Нерви, на выкупъ христіанскихъ невольниковъ. Такимъ образомъ уже не одинъ плѣнникъ, сь давнихъ лѣтъ стенавшій въ оковахъ какого нибудь жестокаго Алжирца, лишенный надѣжды когда либо освободиться, былъ избавленъ отъ работъ и страданій своихъ и возвратился на родину.

Цезарь узнавши случайно о полезномъ употребленіи богатства, нѣкогда ему принадлежавшаго, еще болѣе полюбилъ за то Жіованни, и почти не сожалѣлъ уже о потерѣ со-

стоянія, котораго избытки употреблены были на составление благополучія тысячи несчастныхъ.

Онъ продолжалъ жить въ домъ стараго Синдика и жены его, будучи доволенъ простую и порядочною ихъ жизнью; видая большой свѣтъ только во дворцахъ Дорія и Россо.

Прежній другъ его Марко Дорій давно уже оставилъ уединеніе свое, и снова пустился въ суетный и разсѣянный свѣтъ. Цезарь съ удовольствіемъ опять съ нимъ видѣлся, но связь ихъ не столько уже была тѣсна, какъ по причинѣ союза его съ Жіованни, такъ и по новымъ странностямъ чудака Марко. Эпохъ необыкновенный молодой человекъ вступилъ въ обязанность, совершенно противуположную его

характеру, предложивъ услуги свои въ качествѣ Чичисбел одной новобрачной дамѣ. Принявъ на себя сію должность, онъ посвящалъ себя невольничеству, которое пребовало не у ыпности, но не предлагало никакой награды, потому что въ это время не распутство заставляло искать сихъ пятиспныхъ услугъ и не невѣрность была оныхъ наградою. — Эта обязанность была тѣнью одного обряда, свойственнаго временамъ рыцарскимъ. Во время Крестовыхъ походовъ, когда женатый человекъ отвѣзжалъ въ святую землю, то слѣдуя обыкновенію оставлялъ жену свою подъ надзоромъ какого нибудь вѣрнаго друга, который бдительно окомъ долженъ былъ наблюдать за ея честію.

Спустя нѣсколько времени сіе рыцарское постановленіе получило другой видъ; другъ, въ прежнее время отвѣчающій за честь ввѣренной ему дамы, не имѣлъ другаго занятія, какъ только смотрѣть за поведеньемъ ея въ обществѣ и защищать ее отъ оскорбленій. Трудно дознаться, въ какомъ вѣкѣ сія должность уничтожилась, чего она въ нынѣшнее время и заслуживаетъ; и однимъ словомъ: обязанность Чи-чисбея имѣла сначала цѣль благородную, потомъ сдѣлалась нѣжною, а теперь совершенно подлою и презрительною.

Госпожа, съ которою Марко вступилъ въ связь, называлась Синьора Кальва: благородная женщина, имѣвшая болѣе остроумія, нежели разсудка, желавшая пользоваться всѣми свои-

ми правами на досуги и склонности молодого любезного человека; гопова будучи смѣяться надъ скукою, которую онъ не замедлилъ ощутить въ исполненіи своихъ обязанностей. Она была двоюродная сестра и любимая подруга Беатрисы Бриньолепти; веселость ея часто походила на злобу, особенно когда она находилась въ обществѣ своей подруги, и потому терпѣніе и мужество Марко подвержены были трудному опыту. Сдѣлавъ его своимъ Чичисбеемъ Синьора исполнила только давно предпринятый заговоръ, составленный между ею, женихомъ ея и Беатрисою, въ которомъ они надѣялись найти много удовольствій. Они знали, что Марко съ усердіемъ начнетъ исполнять свою должность; но если

бы онъ сталъ показывать отъ
 оной отвращеніе, то они при-
 нудилибъ его просить о свобо-
 дѣ; и въ этомъ поставляли
 торжество свое. Въ сіе время
 Цезарь возвратился изъ экспе-
 диціи; но Марко вѣроятно по-
 дозрѣвая ихъ противъ себя за-
 говоръ, и желая въ свою оче-
 редь надъ ними посмѣяться;
 или въ самомъ дѣлѣ думая,
 что честь его соединена съ
 неупомимостію и постоянст-
 вомъ, совсѣмъ не помышлялъ
 отказываться отъ должности
 своей. Тщетно Синьора Каль-
 ва рыскала изъ города въ де-
 ревню, изъ маскарада на ярмон-
 ку, съ охоты на рыбную лов-
 лю, съ балу въ церковь; тщет-
 но притворялась она попере-
 мѣнно: веселою, печальною, лю-
 безною, суровою, кропкою и
 менишельною, Марко всегда

былъ твердъ, исполнялъ свою
 должность и никогда не уда-
 лялся отъ нее; выполнялъ всѣ
 обязанности вѣрнаго Чичесбея,
 съ постоянствомъ неизмѣн-
 нымъ. Заговорщики хотѣли
 уже оставить свои замыслы,
 употребивъ послѣднюю хит-
 рость, какъ вдругъ одинъ изъ
 нихъ принужденъ былъ ихъ
 оставить. Цезарь далеко былъ
 опозванъ своею должностію.

Получено извѣстіе, что
 одинъ Алжирскій Корсаръ по-
 хищилъ на берегу Тосканы мно-
 гихъ жилищей и направилъ пла-
 ваніе съ своєю добычею къ про-
 ливу С. Бонифація. Уединен-
 ные домики, и даже самые де-
 ревни, лежащіе на берегахъ
 Средиземнаго моря, часто под-
 вержены были подобнымъ напа-
 деніямъ. Сіи разбойники не
 смотрѣли ни на полъ, ни на

возрастѣ, ни на достоинства, ни на богатства. Вельможи и просполюдимы, богатые и бѣдные, равномерно изторгаемы были изъ жилищъ своихъ, и подвергались жестокому рабству. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, они едва не схватили самаго святѣйшаго владыку, и сіе ужасное произшествіе, свѣжее еще въ памяти, заставляло почищать сихъ розбойниковъ, сколько спрашными, сполько же и нечестивыми, въ глазахъ всѣхъ жителей Италіи.

Лишь только Цезарь узналъ о послѣднемъ ихъ поступкѣ, то исполненъ будучи состраданія къ несчастнымъ тосканцамъ, желая вмѣстѣ удовлетворить славу и челоуколюбію, онъ явился къ Принцу Мельфи, и просилъ, чтобы онъ

вытребовалъ ему позволеніе преслѣдовать разбойниковъ. Энтузіазмъ, съ какимъ онъ извѣснялся; воспоминаніе о его храбрости; необходимость случая и сильное предшательство Адмирала, заставили Дожа и его совѣтниковъ согласиться на его прозьбу. Цезарь принялъ начальство надъ галіотомъ, стоявшимъ въ гавани совершенно снаряженнымъ, и чрезъ четыре часа, послѣ полученнаго извѣстія, онъ былъ уже въ открытомъ морѣ.

Предпріятіе сіе требовало величайшей скорости. Цезарь едва имѣлъ время проспитъ ся съ Беатрисою и мимоходомъ увѣдомить объ отъѣздѣ своемъ Жіованни чрезъ привратника его, потому что онъ самъ былъ въ деревнѣ на нѣсколько дней, и нимало не ду-

малѣ, чтобѣ прежде возвращенія его Цезарь могъ искать славы на волнахъ Океана, Жиованни рѣшился раздѣлять всѣ опасности съ своимъ другомъ; посудите же о его горести, когда по возвращеніи узналъ онъ, что Цезарь давно уже уѣхалъ, и что начальникъ галеры, которую онъ преслѣдовалъ, былъ Делли Рейсѣ, самый отважнѣйшій изъ морскихъ разбойниковъ?

Хотя Цезарь былъ рѣшителенъ и храбръ, но не имѣлъ еще большаго искусства и опытности на морѣ, гдѣ хитрость часто бываетъ полезнѣе мужества. Делли Рейсѣ, ученикъ страшнаго Драгута, обладалъ тѣмъ и другимъ, и кромѣ того имѣлъ совершенное познаніе о всѣхъ берегахъ, начиная съ испочниковъ Нила до Герку-

лановыхъ столбовъ. Жіованни не сомнѣвался, чтобъ Принцъ Мельфи не далъ Цезарю въ помощники нѣсколькихъ опытныхъ мореходцевъ, которые помогли бы ему сражаться съ подобнымъ соперникомъ, и это разогнало безпокойство, которое начинало было терзать его: онъ сожалѣлъ о томъ только, что не могъ раздѣлять опасностей и славы своего друга.

Г Л А В А XII.

Исполнивши одно благопверительное дѣло, Жіованни возвращался домой. Будучи погруженъ въ глубокія размышленія, онъ остановился взглянуть на свѣтъ луны, отражавшійся на развалинахъ древ-

ней церкви, построенной посреди дубовой рощи. — Блѣдный и сребристый свѣтъ сей дѣлалъ удивительную проливную положность съ темною зеленью листьевъ, которые колеблясь отъ шихаго вѣвня зефира, производили спонъ, казавшійся въ эпомъ необитаемомъ мѣстѣ пѣсню мертвыхъ. Сожалѣя о прошедшемъ времени, Жіованни успремилъ взоры на остатки креста, заросшаго дивимъ виноградникомъ; — и видѣ сей священной эмблеммы въ такомъ разрушенномъ состояніи перемѣнилъ теченіе его мыслей; опѣрашивъ глаза свои отъ предметовъ его окружавшихъ, онъ вознамѣрился возвратити храму Спасителя прежнее его великолѣпіе. Развалины сіи не принадлежали къ его владѣнію, но

Онъ ни мало не опасался препятствій въ столь благочестивомъ дѣлѣ. Восхищенный такою мыслію, Жювани забавлялся срубая мечемъ своимъ дикія травы, росшія у подножія креста: какъ вдругъ раздавшійся крикъ женщины заставилъ его содрогнуться; — оглянувшись вокругъ себя, чтобы замѣтить откуда происходилъ сей крикъ, онъ съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ молодую особу въ плащѣ бѣлицы, но безъ покрывала, бѣгущую къ нему съ испуганнымъ видомъ.

„Ахъ! спасите меня, рыцарь!“ вскричала она, „будьте моимъ защитникомъ, спрячьте меня куда нибудь.“

Обманутая видомъ креста ордена Іоанна Іерусалимскаго, который Жювани продолжалъ

носить по набожности, она готова была броситься къ нему на шею, и старалась закрытьъ лице свое его мантіею. Жіованни, завернувъ ее въ оную, опвелъ въ капеллу, а самъ сѣлъ подлѣ нее на кучѣ развалинъ. Въ это время блѣдная луна освѣтила померпвевшее отъ сѣраха лице и шею незнакомки, которая показалась Жіованни прелестнѣйшимъ твореніемъ; — онъ устремилъ на нее взоры, исполненные нѣжнаго участія: Прекрасная физіономія его выражала удивленіе, и слабый свѣтъ придавалъ оной новыя пріяпности; такъ какъ онъ скинулъ мантію, но благородная фигура его еще болѣе сдѣлалась отъ того примѣтною. Незнакомка взглянула на него и не могла не удивляться ему въ безмолвіи.

„Отъ какой опасности долженъ я васъ избавить? “ спросилъ онъ почтительно опинявъ руку, которою ее поддерживалъ, „куда мнѣ проводить васъ? Судя по платью....“ сказавъ сіи слова, онъ бросилъ взоръ на бѣлое одѣяніе ея, и на распятіе изъ чернаго дерева, висѣвшее у ней на груди.

Живѣйшій румянецъ покрылъ щеки монахини. Попупивъ глаза, она отвѣчала тихимъ голосомъ съ полуплачущимъ и полуулыбающимся лицомъ: „Эта одѣжда, есть ничто иное, какъ переодѣяніе; я совсѣмъ не монахиня, но меня почли за оную и преслѣдовали братья С. Евгенія. О! Государь мой! еслибъ они открыли, кто я такая!... сдѣлайте милость скройте меня куда нибудь? “

Смущенный Жіованни съ безпокойствомъ взиралъ на нее. „Я могу здѣсь скрыть васъ на нѣсколько минутъ, и мечь мой защититъ васъ противъ всего, кромѣ власти церкви.“ Сказавъ сіе онъ приблизился къ самому выходу изъ Капеллы.

Въ это время раздались звуки смѣющихся и громко говорящихъ особъ, съ той стороны, откуда прибѣжала послушница; и Жіованни издали услышалъ мальчика кричавшаго: „Синьора, Синьора, не бойтесь ничего!“ Вскорѣ онъ увидѣлъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ монашескихъ плащяхъ, которыхъ смѣхъ и восклицанія заставили послушницу выйти изъ нея убѣжища. Тутъ начались обниманія, поздравленіе, спрашиванія и упреки; а Жіованни остался съ мечемъ

въ рукѣ, подобно пробуждающемуся отъ сна человеку? Онъ понялъ только, что одна половина общества хотѣла обмануть другую половину, и была сама обманута.

„Съ друзьями ли вы теперь, сударыня?“ спросилъ Жіованни поднимая маншію, которую незнакомка уронила, намѣреваясь уйти.

„Не покидайте меня такъ скоро, любезный защитникъ мой,“ отвѣчала она взявъ его за руку. „Я еще не поблагодарила васъ. Но позвольте спросить какъ ваше имя?“

„Если не ошибаюсь, это Синьоръ Цигала,“ сказалъ одинъ изъ мужчинъ приближаясь, и открывъ подъ капишономъ монаха остроумные черты лица Марка Доріа.

„Цигала? другъ Цезаря!“
повпорила молодая особа съ
жаромъ. „Ахъ! сдѣлайте ми-
лоспъ, Синьѳръ, не уходите
отъ насъ такъ скоро.“

Жіованни смотрѣлъ на нее
въ то время, какъ она говори-
ла, и лучи луны, прежде освѣ-
щавшіе блѣдность ея, показали
тогда живой цвѣтъ лица, по
которому Жіованни не могъ
не признапъ особы, споль ча-
сто описываемой ему другомъ
его.

„Конечно я имѣю честь ви-
дѣпъ Синьѳру Бриньолеппи?“
сказалъ онъ, и съ почпеніемъ
поцѣловалъ руку, которую она
подала ему.

Веселоспъ ея, уединенное
мѣсто встрѣчи, и случай, до-
спавившій имъ взаимное зна-
комство, заспавилъ Жіованни
заключипъ, что Беатриса со-

всѣмъ не знала обѣ отбѣздѣ Цезаря. Въ сихъ мысляхъ онъ взглянулъ на нее съ нѣжнымъ состраданіемъ. Беатриса не умѣвшая читать по физиономіи, почла сей взоръ — взоромъ удивленія.

„Такъ этотъ — то мущина презираетъ красоту женщинъ,“ подумала она, и съ сей минуты забыла, что онъ былъ другомъ ея любовника.

Синьоръ Кальва пригласилъ Жіованни въ Казино, и совокупныя прозбы Марко Доріа и Беатрисы, заставили Жіованни, нетерпѣливо желавшаго узнать характеръ сей молодой особы, принять его приглашеніе. Во время прогулки ему рассказали пайну персодѣвнїя. Синьора Кальва и Беатриса соспавили заговоръ, чтобы прельстивъ Марко Доріа, и

чрезъ то заставитъ его за-
 бытъ должность Чичисбея.
 Пажъ Синьоры Кальвы, незна-
 комый Дорію, былъ приведенъ
 къ нему въ одеждѣ бѣлицы;
 онъ жаловался на мнимую же-
 стокость родственниковъ, про-
 силъ избавитъ его отъ ихъ
 гоненій, и назначилъ свиданіе
 на слѣдующую ночь. Беатриса
 любопытствуя видѣть успѣхъ
 хитрости, рѣшилась прово-
 жать Пажа въ платьѣ того же
 ордена. Но Синьоръ Кальва
 не желая подвергнуть пола
 своего стыду и посмѣянію,
 увѣдомилъ Марко обо всемъ,
 соглашаясь съ нимъ одѣться
 монахами и въ свою очередь
 подсперечь мнимыхъ бѣлицъ.
 Страхъ ощенный отъ того
 сими послѣдними, при мысли о
 церковномъ судѣ, совершенно
 отмстилъ за Марко Доріа: —

При видѣ духовныхъ особъ, бѣдный Пажъ упалъ въ обморокъ, а Беатриса пустилась бѣжать сама не зная куда. Они сдѣлали другъ другу нѣкоторыя укоризны, сопровождаемые оспрыми шутками, и потомъ Марко Дорій дружескимъ образомъ освобожденъ былъ отъ обязанности Чичисбея Синьоры Кальвы.

Въ это время Беатриса старалась уменьшить строгость, съ каковою Жіованни долженъ былъ судить о ея поступкѣ. Онъ не любилъ вѣтренности, которая съ такимъ жаромъ заставляла стремиться на встрѣчу забавамъ; и по его мнѣнію, сердце занятое глубокимъ чувствомъ и обхваченное безпокойствомъ, не должно было бы предаваться такимъ ребяческимъ шалостямъ. Онъ

спрашивалъ самого себя: можно ли было найти удовольствіе въ какомъ нибудь случаѣ, или можно ли было искупить онаго, когда сей случай не имѣлъ никакого отношенія къ любимому предмету? — Вспомнивъ о времени, въ которое самъ любилъ, Жіованни нашелъ отвѣтъ въ этомъ воспомина-ніи.

Жіованни нимало не сомнѣвался въ искренности любви Беатрисы, но причина оной ему не нравилась. Обыкновенное сердце могло бы удовольствоваться сею любовію, но онъ предвидѣлъ, что это чувство не удовлетворительно для сердца Цезаря; почему усмиривъ взоры свои на прекрасную его подругу, онъ вздохнулъ, что она повидимому не могла ощу-щать постоянной и пламенной

страсти, ваставляющей бытъ равнодушною ко всему, кромѣ своихъ обязанностей. При каждомъ взглядѣ его, лице Беатрисы покрывалось прелестнымъ румянцемъ. Предполагая, что причиною сему было познаніе ея о связи существовавшей между имъ и Цезаремъ, Жіованни подумалъ: „Я сужу о женщинахъ какъ монахъ, даже какъ ихъ непріятель, и вѣроятно поступаю въ этомъ случаѣ несправедливо. Постараюсь узнать ея покороче.“

Синьора Кальва приняла наше общество самымъ лучшимъ образомъ; стала и подносить фрукты и напитки, и Жіованни не упустилъ случая внимательно разсмотрѣть каждого члена, составившаго собраніе. Тутъ царствовала самая непринужденная веселость;

говорили о замыслѣ и о томѣ, какѣ оный былъ обращенъ въ ничто; смѣялись другѣ надъ другомъ, и наконецъ стали съ важностію разбирать слѣдующій вопросъ: „Въ чемъ чловѣкъ долженъ находить истинное щастіе?“ Одинъ поставлялъ оное въ честполюбіи; другой въ общественныхъ удовольствіяхъ; третій въ наукахъ, четвертый въ художествахъ и проч. Когда же дошла очередь до Беатрисы, то она взяла свою люшню, и послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, запѣла экспромптѣ въ похвалу любви; по окончаніи, живѣйшій румянецъ покрылъ щеки ея, а глаза выражали упоеніе и вмѣстѣ замѣшательство. Жіованни взглянувъ на нее однажды, отвратилъ взоры; онъ не могъ внутренно не уди-

вляться ея сочиненію ; но не любилъ, чтобъ женщина пѣла о подобномъ предметѣ съ такимъ восторгомъ.

Между тѣмъ, какъ гости распочали похвалы прекрасной сочинительницѣ, Жіованни въ замѣшательствѣ и безмолвіи размышлялъ потупивши глаза въ землю. Беатриса замѣтила его смущеніе ; но не угадавши истинной причины онаго, она приписала сему непорочному сердцу чувствва, совсѣмъ ему не сродныя.

Послѣ продолжительной задумчивости, Жіованни всталъ и опкланялся собранію, не сказавъ Беатрисѣ объ отвѣздѣ Цезаря. Онъ не зналъ, что заключилъ о ея характерѣ. „Женщина, не имѣющая скромности, думалъ онъ, лишена твердѣйшей опоры добродѣ-

тели “ Онъ соглашался, что она прелестна и очаровательна; но думалъ примѣнить также, что она была вѣтренна, безразсудна въ своихъ поступкахъ, и непостоянна во вкусѣ. Жіованни нимало не сомнѣвался въ ея невинности, но сомнѣвался въ ея правилахъ; однимъ словомъ: ему казалось, что Беатрису можно бы было сдѣлать совершенною справедливыми укоризнами и хорошими примѣрами, которые должнобъ было подавать ей въ дѣтствѣ; но что она, будучи оставлена слабыми родителями своему тщеславію и капризамъ, быстрыми шагами приближалась къ своей гибели.

Подумавши, Жіованни нашелъ, что еще можно избавить сію любезную особу отъ несчастія, которое ей угрожа-

ло; и потому рѣшился воспользоваться отсутствіемъ Цезаря, чтобъ обожаемую имъ дѣвицу сдѣлать его достойною. — Между тѣмъ пріятный безпорядокъ царствовалъ въ духѣ Беатрисы. Тысячи быстрыхъ и темныхъ мыслей занимали ее попеременно. Иногда она мечтала видѣть Жіованни побѣжденнаго ея прелестями, сражающагося съ любовью и дружествомъ, въ то время какъ она, сохраняя благородную гордость, отдавала руку Цезарю. Иногда воображала сего самаго Жіованни, сдѣлавшагося безумнымъ отъ ея суровости, блуждающаго среди печальныхъ пустынь, или умирающаго въ кельѣ отъ любовной спраси, которую даже строгое монастырское уединеніе не могло погасить. — Но чрезъ минуту

картина переменялась: Цезарь былъ забытъ, и знаменитый Мальшійскій рыцарь, которому удивлялись всѣ женщины стараясь заслужить любовь его, велъ ее къ олтарю. При этой мысли сердце Беатрисы трепетало отъ удовольствія и вмѣстѣ отъ упрековъ совѣсти; но привыкши тотчасъ опшчуждать все непріятное для себя, Беатриса не останавливалась ни на картинѣ, ни на чувствѣ ею произведенномъ; она не могла вытерпѣть, чтобы не сдѣлать сравненія между двумя друзьями, и потому многократно спрашивала у самой себя: какъ могла считать Цезаря образцемъ совершенной мужеской красоты? Правда, что станъ его былъ широкъ, движенія ловки и пріятны, и онъ во всемъ подобенъ

былъ по описанію поэтовъ, по-
 сланнику боговъ ; но Жіованни
 самаго можно было почестъ бо-
 жествомъ , потому , что онъ
 имѣлъ во всемъ совершеннѣй-
 шую пропорцію , благородную
 осанку и величественный видъ
 Аполлона. Если физіономія
 Цезаря была привлекательна
 по разнообразію страстей, ка-
 кія попеременно выражала, по-
 казывая слабость его и труд-
 ныя побѣды надъ человѣческою
 натурою ; то физіономія Жіо-
 ванни, одушевляемая небесною
 кропоспїю, возвышала его надъ
 другими людьми и показывала
 въ немъ Ангела. Однимъ сло-
 вомъ Беатриса поражена была
 необыкновеннымъ соединеніемъ
 величія и спокойствія , кротос-
 сти и выразительности , оп-
 личавшихъ Жіованни , и суеш-
 ное желаніе возмущить спо-

койствіе этой фізіономіи и его характера, было можетъ быть единственною причиною спра-сти, которую въ послѣдствіи приписала она только удивленію своему его достоинствамъ. Тщеславіе, пылкость воображенія, и болѣе всего привычка ни въ чемъ себѣ не опіказывать, были достаточны, чтобы въ короткое время перемѣнили всѣ мысли Беатрисы; и сама того не подозрѣвая, она всступила на сцену непостоянства и измѣны, потому, что не смѣла изслѣдовать чувствъ своихъ.

На другой день Жіованни, отправляясь въ Геную, послѣдилъ Синьора Кальва, чтобъ поблагодарить его за вчерашній ласковый приѣмъ и увѣдомить Синьору Беатрису объ отъѣздѣ Цезаря. Проходя ми-

мо одной померанцовой рошицы, онъ примѣшилъ сію послѣднюю одну, занимающуюся собираніемъ померанцоваго цвѣта, которымъ вся земля вокругъ была усѣяна! Увидя его она перестала набирать цвѣты и поспѣшно побѣжала къ нему на встрѣчу. Желаніе понравиться чловѣку, котораго строгость причиняла ей ощущение боязни, укропило чрезвычайную живость ея поступковъ, и Жіованни, поговоривши съ нею нѣсколько времени, нашелъ ее не столько въпренную, сколько она показалась ему сначала. Сѣвши подъ однимъ деревомъ, онъ спросилъ, не сдѣлаетъ ли она ему какого порученія въ Геную?

„Отнесите отъ меня этотъ цвѣтокъ вашему другу, сказала Беатриса съ прелестнымъ

жеманствомъ, въ той надеждѣ, что Жіованни хопя однимъ взоромъ выразишь желаніе удержать для себя цвѣшокъ. Но Цигала, которому не понравился шонъ, какимъ она произнесла слова сіи, съ спрото-стію опідалилъ руку ея и опвѣчалъ, что въ сію минуту другъ его безъ сомнѣнія искалъ на морѣ благороднѣйшей награды. Беатриса запрепещала и вскрикнула, пошому что совѣсть упрекала ее за мечты, коимъ предавалась. Жіованни, пронутый симъ, перемѣнилъ важный видъ свой, посмошрѣлъ на нее съ кротостію, и извѣстилъ о предпріятіи Цезаря, превознося не только мужество его, но и челошкшлюбіе.

Беатриса плакала какъ ребенокъ; при всякой ошпановкѣ, она вспоминала объ опасностяхъ,

Окружавших Цезаря, и осуждала глупость, какую сдѣлала поѣхавши съ Синьорою Кальва въ ея загородный домъ, что безъ сомнѣнія воспрепятствовало ей проспитъ съ своимъ любезнымъ. Жюванни утѣшалъ ее какъ нельзя лучше. Такая чувствительность пріятнымъ образомъ удивила его, потому что онъ не подозревалъ, чтобъ она была минушная. Онъ постарался въ то же время дать ей почувствовать, что желанія ихъ не могли свершиться иначе, какъ посредствомъ славы, которую Цезарь долженствовалъ стараться приобрести за недостаткомъ богатства, потому что онъ не могъ безъ сего треволновать руки ея, не показавшись дерскимъ и корыстолюбивымъ.

„Я опасюсь, сказалъ онъ,

что вы должны будете переносить продолжительныя безпокойства и частую разлуку.

„Ахъ! я плачу о томъ, что онъ терпитъ, отвѣчала она безрасудно; онъ такъ меня любитъ, что я была бы не благодарна и нечувствительна, еслибъ не проливала слезъ.“

Жіованни пересталъ смотрѣть на нее, приписывая сіи прерывающіяся выраженія дѣвической застенчивости, препятствовавшей Беатрисѣ признаться въ своихъ чувствахъ. Долгое время уже спустя онъ вспомнилъ о сихъ словахъ, доказывавшихъ, что любовь ея была ничто иное, какъ благодарность; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, Жіованни равнымъ образомъ ошибался.

Синьѳръ Калва и жена его узнавши, что Жіованни только одинъ день пробудетъ въ Генуѣ, просили его лучше пріѣхать въ ихъ Казино, нежели быть одному въ своемъ замкѣ. Синьѳръ Калва хвастался своими соколами и собаками, обѣщаясь гостю своему приготовить хорошую охоту. Жіованни подумалъ съ минутой; онъ не любилъ скороспѣлыхъ знакомствъ; но считая нужнымъ изслѣдовать характеръ Беатрисы, принялъ приглашеніе. Эта скорая рѣшимость нанесла жестокой ударъ Цезарю въ сердце непостоянной его любовницы; радость заблестала въ глазахъ, которыя за минутой до того были наполнены слезами. Если сказать истинну, то съ про-

шедшаго вечера, и нѣсколько дней сряду чувства Беатрисы были въ тѣломъ безпорядкѣ, что самый тонкой наблюдатель ничего не могъ бы тупѣе понять. Сладостныя воспоминанія, упреки, остатокъ склонности и боязнь огорчить Цезаря еще привязывали ее къ нему, между тѣмъ какъ новость, щеславіе и удивленіе влекли ее къ Жіованни. Сама Беатриса не понимала, ни того, что чувствовала, ни того, чего желала. Теперь-то должна была она бѣжать опасности случая, и опровергнуть суеверности своей въ пищѣ, какую подавалъ ей предметъ ее возбуждавшій. Но не имѣя силъ сопротивляться своимъ склонностямъ, она осталась въ Казино, и предавшись волнамъ,

она позволила ихъ свирѣпости
увлечь себя.

КОНЕЦЪ І ЧАСТИ.